

А. С. ВАЩУК

**СОЦИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА В СССР
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

СЕРЕДИНА 40-80 -х ГОДОВ XX В.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

А. С. ВАЩУК

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СССР
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(середина 40–80-х годов XX в.)**

Владивосток ♦ Дальнаука

1998

А.С. Вашук.

Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40 — 80-х годов XX в.). — Владивосток: Дальнаука, 1998. — 212 с.

В монографии на дальневосточном материале исследуются характер и тип социальной политики в бывшем СССР, рассматриваются истоки и комплекс факторов ее эволюции, выделяются основные исторические этапы. Региональная социальная политика рассматривается как многоуровневая деятельность по распределению материальных благ групп, занимавших определенное место в иерархической структуре властных отношений. Уделяется большое внимание культуре взаимоотношений в среде партийно-государственной бюрократии, в частности партноменклатуры центра и региона, политиков и хозяйственников. В работе высказывается тезис, что одним из источников эволюции советской социальной политики явились прежде всего изменения в самом субъекте политики, что процессы саморегулирования в составе советской бюрократии, ее корпоративно-групповые интересы во многом определяли социальный характер всех реформ в исследуемый период.

Автор рассматривает социальную политику на Дальнем Востоке как связующее звено между задачами хозяйственного освоения региона, социальной структурой общества и господствующими идеями. В работе значительное место отводится анализу роли социальной политики в регулировании уровня жизни различных социально-профессиональных групп населения.

Отв. редактор *А.П. Дервянко*, д-р ист. наук

Рецензенты: *Н.К. Оврах*, канд. ист. наук, *Е.Н. Чернолуцкая*, канд. ист. наук

Издано по решению ученого совета Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ВВЕДЕНИЕ

Одной из особенностей российского общества начала 90-х годов XX в. стало резкое изменение политических убеждений представителей власти как в центре, так и в регионе, а также идейно-теоретическое оформление новой социальной политики. В условиях, когда в России проходит процесс невиданного ранее в таких масштабах обогащения одних за счет обнищания других, встает с особой остротой задача научного анализа истоков новой социальной политики. Через все средства массовой информации с конца 80-х годов настойчиво стала внедряться идея о неизбежности складывающегося социально-имущественного расслоения общества как начала зарождения новой социальной структуры, основанной на рыночной экономике. Углубление социальной поляризации в России никак не соотносится с рассуждениями о переходе к рыночным отношениям, а служит скорее всего показателем истинных социальных причин объявленного нового курса, в том числе и экономических реформ.

Актуальность изучения истории социальной политики состоит в том, что она позволяет поставить вопрос: в чем разница между «коммунистическим» прошлым и «демократическим» настоящим начала 90-х годов и что между ними общего? Необходимость создания данной работы заключается в том, что современный уровень познания общественно-го развития дает возможность историку рассматривать проблему на новой концептуальной основе. Это в свою очередь позволяет ответить на фундаментальный вопрос исторической науки: в каком направлении развивалось советское общество, чьи интересы отражались в социальной политике, какие методы обеспечивали распределение материальных благ в СССР и в чем состояла эволюция социальной политики советского типа.

Предлагаемая концепция исторического исследования проблемы складывалась в ходе поиска методологических подходов, которые наиболее объективно и адекватно позволили бы воссоздать всю картину социальной практики конца 40-х — начала 80-х годов XX в. Автор работы, безусловно, осознает, что как бы он ни стремился к объективности научного анализа, общественно-политические события в России начала 90-х годов все равно оказывали на него большое влияние. И эти элементы субъективизма в определенной степени являются неизбежной реакцией части научной интеллигенции на социальную политику.

Изучение проблемы социальной политики, реконструкция ее истории происходили в условиях общего кризиса и разрушения той общес-

твенной системы, которая является объектом исследования. Поэтому общественная практика и логика социального познания выдвинули на передний план исторической работы постановку проблемы понимания социальной политики современниками, политическими и государственными лидерами, представителями тех или иных социальных групп, а также необходимость введения характеристик их поведения при отстаивании своих интересов и удовлетворении материальных потребностей, в том числе формы реагирования на изменения в уровне жизни.

Таким образом, научная новизна продиктована самой жизнью и особенностями современной гносеологической ситуации. Введение в научный оборот историками таких данных позволит объяснить в полной мере причины довольно длительного существования распределительно-социальной политики в стране, понять отношение различных групп населения к «перестройке», к проблемам распределения в период 1990—1992 гг. и к начавшемуся процессу имущественно-доходной поляризации.

Сейчас в трудах многих российских историков содержится мысль, что «количественная» история дошла до своих пределов, что необходимо перейти к другому уровню объяснений, чтобы попытаться лучше понять коллективное поведение и отношение к проблеме материального благополучия поколений советских людей, живших в так называемый период строительства социализма. Такое понимание истории не противопоставляется социальной истории в действительности, на практике оно лишь дополняется и уточняется. Наконец, такой подход не противоречит материалистическому пониманию истории и даже углубляет наши знания в сфере формирования всей социальной политики вообще и региональной в частности.

Существует несколько понятий социальной политики, и одно из них органически связано с представлением об обществе как структуре, состоящей из разнообразных социальных групп, каждая из которых имеет свои интересы, ценности, потребности и возможности их удовлетворения. Политика всегда носит групповую окраску, она непременно чья-то, какой-то группы или каких-то групп. С такой точки зрения, политика — это направление и способы деятельности социальных групп в отстаивании своих интересов и удовлетворении своих потребностей с помощью разнообразных средств, самым главным и необходимым из которых является власть. В широком понятии социальную политику можно определить как урегулирование различными приемами и методами совместной жизни людей. И самое необходимое средство — власть.

В.О. Ключевский в лекции по методологии русской истории говорил: «Нам надо найти такое простое и понятное распределение элементов общежития, которое бы указало основное различие между ними». И такими элементами он назвал интересы и отношения: «Итак все связи, которыми связываются людские союзы, могут быть разделены на интересы и на отношения». По словам Ключевского, первые элементы раскрывают суть побуждений или потребностей, вторые — это сами нормы или правила, которые закрепляют общежитие. При этом В.О. Ключевский считал, что здесь «власть действует и тогда, когда не грозит непосредственно сила, ее поддерживающая, обычай действует, и когда не действуют вызвавшие его потребности»¹. Эту методологическую посылку можно применить и к советской истории. Например, партиномиальная форма авторитета* коммунистической партии в СССР в распределительной сфере создала благоприятнейшие условия для формирования нового субъекта социальной политики начала 90-х годов XX в.

Главной сферой урегулирования совместной жизни является распределение материальных благ. К таким выводам, но в разных формулировках в разные века и времена приходили многие ученые, причем представляющие различные идейно-теоретические течения. Например, в марксистской философии считается, что глубинным источником движения в обществе выступают интересы и потребности человека². «История не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»³, — говорил К. Маркс. В многообразной системе человеческих потребностей основную роль играют потребности материальные, ибо от их удовлетворения зависит сама возможность существования и развития общества. Однако в марксистской литературе советского периода социальная политика исследовалась главным образом во взаимосвязи с экономикой, абсолютизировались объективные факторы формирования социальной политики.

Известный социолог начала XX столетия П. Сорокин считал, что главной задачей социальной политики является «...указание средств, пользуясь которыми можно и должно достигать цели улучшения общественной жизни и человека»⁴. Проводя исторический анализ в своих работах, он связывал воедино систему власти и динамику уровня жизни. Такие подходы содержатся в разделах книги «Человек, цивилизация, общество», которые посвящены экономической и политической стра-

* Партиномиальный (partinomial) — термин, введенный З.Бауманом, тип авторитета, когда легитимизация власти достигается через обращение в будущее, через возможность построения нового будущего.

тификации. На базе этого подхода построен анализ состояния российского общества в 20-е годы⁵.

Из современных зарубежных социологов наиболее просто, но емко выразил взаимосвязь между властью и возможностью реализации своих интересов Элвин Тоффлер: «Поскольку у людей есть потребности и стремления, то те, кто может реализовать их, обладают потенциальной властью. Власть в обществе осуществляется путем предоставления людям необходимых материальных благ и удовлетворения общественных потребностей, либо лишения их этого»⁶. Близкие подходы существуют и у современных отечественных обществоведов⁷. Подробный анализ дан в историографической работе А.С.Вашук «Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке СССР в 50 — 70-е годы: Историография проблемы»⁸.

Важнейшим компонентом формирования авторской концепции истории социальной политики явились теоретические положения, связанные с подходами к социальной структуре⁹. Социальная структура общественного строя СССР 40-х — начала 80-х годов XX в. принципиально отличалась от исторических социальных институтов, основанных, как правило, на отношениях собственности. Социальная структура советского типа основывалась на распределительных отношениях, а не на отношениях к средствам производства. Последние были полностью национализированы партийным государством. Распределительные отношения соответствовали служилой социально-профессиональной структуре общества. Положение и доходы каждой группы определялись партийно-государственным аппаратом. Ответственные работники и служащие, в том числе специализированного аппарата распределения, контролировали все потоки средств производства и предметов потребления. Социальное и экономическое положение групп, их интересы, характер их активности, взаимоотношения «верхов» и «низов» — все это сильнее всего влияло на развитие экономики, отражалось на ее конечных результатах.

Итак, в качестве методологических ориентиров исследования истории социальной политики автор выделяет основные понятия: «интересы», отношения собственности, «властные отношения», опираясь на идеи, уже высказанные предшественниками учеными-обществоведами в области их содержательной трактовки. Новизна работы в том, что они положены в качестве основополагающих исторического анализа социальной политики советского типа.

Авторская концепция исторического исследования может быть представлена следующим образом. Основополагающей теоретической

посылкой анализа фактического материала является общее положение социологии о том, что социальные группы существуют, их интересы и потребности неодинаковы, интересы государства и личности не совпадают, а в определенные исторические периоды противоречия между ними крайне усиливаются в силу различных условий.

Во-вторых, удовлетворение потребностей идет небесплатно, на то требуются определенные ресурсы, общие для всех, но ограниченные, поэтому ресурсы распределяются и регулируются; в условиях государственной формы собственности последний фактор еще больше усиливается.

В-третьих, если бы группы были альтруистичны и если бы интересы личности полностью совпадали с интересами общества, не пришлось бы и говорить о социальной политике.

В-четвертых, социальная структура в СССР в 40 — 80-е годы основывалась не на отношениях к средствам производства, а на распределительных отношениях. В таком обществе резко усиливалась зависимость материального благополучия от действий партийно-государственной власти, поскольку монополия распоряжается средствами производства, всей произведенной продукцией, превращаясь в тотальный надзор за жизнедеятельностью человека.

Исходя из вышеназванных методологических ориентиров, формулируется главный вопрос исторического исследования по социальной политике: какие социальные группы максимально выигрывали от ее реализации, за счет чего и кого, ради кого она осуществлялась, интересы каких общественных групп учитывались в меньшей степени. Выделение главного вопроса в истории социальной политики предполагает определение субъекта социальной политики, а также рассмотрение способов и направлений его деятельности. Это означает, что не все социальные группы советского общества могли входить в понятие субъекта социальной политики.

Дать ответ на этот главный вопрос можно на основе двух методических приемов:

- проанализировать различные проявления власти в социальной сфере, что возможно сделать, изучая механизм формирования и реализации социальной политики, ход эволюции самого субъекта политики;
- проследить уровень жизни отдельных социальных групп, чтобы выявить наиболее процветавшие из них, а также тех, чей уровень жизни был крайне низким в рамках данной системы.

Новизна работы проявляется и в том, что автор за основу оценки деятельности политиков берет общегуманистический принцип: история

социальной политики рассматривается сквозь призму двух понятий «государство» и «личность». Безусловно, рассматривая личность, мы определяли ее социальный статус, социальное положение. В литературе уже давно были высказаны методические подходы к определению социального положения. Одним из первых в цивилизационном плане они были сформулированы П. Сорокиным¹⁰. Применительно к советской действительности они конкретизированы в работах отечественных социологов С.Г. Кордонского, Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной, В.И. Ильиина, В.В. Радаева. При всех различиях и нюансах позиций и подходов стратификационного метода есть нечто общее, что их объединяет: социальные группы в советской истории выделяются по их отношению к объемам и уровню потребления. Таким образом, идеи, высказанные отечественными социологами, сыграли большую роль в формировании концепции исторического исследования.

Принимая во внимание поисковый характер исторического исследования, влияние общественно-политических событий начала 90-х годов на социальное познание прошлого, а также сравнительно небольшую историческую дистанцию, отделяющую автора от объекта изучения, признается дискуссионный характер концепции и структуры работы. И если выразиться словами Х.Г. Гадамера, то можно сказать, что к «... исторической конечности нашего бытия относится наше осознание того, что те, кто придут после нас, будут понимать по-другому». И чем ближе наши концептуальные идеи к общественной практике, к исторической истине, тем дальше отодвигается «историческая конечность» предложенной концепции исторического исследования.

Глава I. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ В РАЙОНАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР

1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛИМАТ, МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Четыре изнурительных года войны привели советский народ к материальному обнищанию. Необходимо было перейти к нормальным условиям жизни, чтобы восстановить физические и духовные силы общества. Война, принесящая нищету и голод во многие регионы страны, способствовала выравниванию экономической стратификации населения. В таких условиях перед лицом внешней опасности произошло слияние всех социальных групп общества в одно солидарное единство.

Пережитые испытания, память о мирном довоенном времени, которое в суровые годы войны в известной степени было идеализировано как в широких кругах населения, так и в партийно-государственном руководстве, создавали социально-психологический настрой в обществе: осуществить переход к мирной жизни можно только на базе довоенного опыта.

За годы войны народное хозяйство СССР, строившееся на принципах жесткого сверхцентрализма, превратилось в гигантский механизм с министерствами, главками, объединениями, предприятиями, колхозами... Над всем этим возвышалась фигура верховного главнокомандующего И.В. Сталина. В руках политического руководства страны была сосредоточена вся законодательно-хозяйственная власть. Выполняя задачи по восстановлению разрушенной войной экономики, политическая власть выступала «опекуном» по отношению к обществу и каждой отдельной личности.

Политикам, представлявшим верхний эшелон партийного руководства, принадлежала главная роль в выборе основных направлений восстановления народного хозяйства, а следовательно, и в регулировании социальных отношений, в определении условий и средств изменения в уровне жизни всех слоев и групп общества. Политические органы в

лице партийных, советских работников определяли основные народно-хозяйственные пропорции как в масштабах страны, так и отдельных регионов.

Директивы Центрального Комитета ВКП (б) были положены в основу хозяйственных документов и плановых заданий пятилеток. В 1946—1955 гг. в ходе выполнения этих плановых заданий создавались материальные предпосылки для преодоления послевоенных трудностей в социально-бытовой сфере. Темпы прироста национального дохода составляли тогда примерно 10%, причем как по официальным данным, так и по альтернативным источникам¹. По приросту национального дохода задание было существенно перевыполнено: на 26% — в четвертой пятилетке и на 8% — в пятой. По приросту валовой продукции промышленное задание было перевыполнено соответственно на 25 и 15%². С 1946 по 1950 г. себестоимость промышленной продукции снизилась на 17%. Каждый процент этого снижения составлял в 1950 г. 5 млрд. руб. против 1,5 млрд. руб. в 1940 г.³

Такие высокие показатели в первые послевоенные пятилетки были достигнуты за счет многочисленных факторов и мобилизации всех имеющихся ресурсов. Они стали возможными благодаря наличию в обществе идеологических, историко-культурных и технологических предпосылок⁴. Каждая из них играла определенную роль в советской системе. Экстремальные условия войны способствовали особому их проявлению.

В годы войны еще сильнее укрепилось такое звено в хозяйственном механизме, как строжайший контроль политических органов за выполнением планов и распределением фондов, материальных средств. Особенностью же послевоенных лет явилось сочетание жесткого контроля за выполнением планов с некоторыми элементами материального поощрения: формы контроля и регулирования отношений имели не только карательный характер, но и содержали элементы материального стимулирования. Например, за брак удерживалась с виновного определенная сумма⁵. Более широко стали использоваться для активизации труда и премиальные фонды⁶. Такое сочетание сыграло в 40—50-е годы огромную роль в укреплении единства всего общества в СССР: общество держалось благодаря слиянию наказаний и наград в единый механизм.

В послевоенные годы в реализации политических директив возросла роль Госплана СССР. Он устанавливал и строго контролировал фонд заработной платы и численность работающих. Вышестоящие хозяйственные органы осуществляли постоянный контроль за расходованием материальных средств по предприятиям. Вплоть до 1951 г. союзное Министерство финансов не разрешало списывать с баланса даже союзно-

республиканских предприятий убытки и потери на сумму до 5 тыс. руб. (в ценах того времени)⁷.

Среди политиков по-прежнему большое влияние имели сторонники самых крайних мер. Так, после войны министром Госконтроля стал Л.З. Мехлис. Из воспоминаний Н.Г. Зверева известно, что он требовал предоставить Госконтролю право проводить окончательное следствие по различным хозяйственным нарушениям и, минуя прокуратуру, передавать дела на виновных в суд. Это предложение не было принято⁸, но оно отражало одну из тенденций в социальной политике послевоенного развития экономики и общественно-психологическую атмосферу.

Среди политиков были и личности, которые отстаивали необходимость развития экономических рычагов в целях повышения эффективности народного хозяйства и создания для народа более благоприятных условий жизни. Например, Н.А. Вознесенский, ставший с 1947 г. членом политбюро ЦК ВКП (б) и будучи заместителем председателя Совета Министров СССР, считал и убеждал свое окружение, что «послевоенная перестройка народного хозяйства требует укрепления роли экономических рычагов в организации производства и распределения, какими являются деньги, кредит, прибыль, премия»⁹.

Столкновения в руководстве страны шли не только по этим вопросам, проблема стояла еще шире. Столкнулись позиции и взгляды тех политиков, кто отстаивал полностью старые структуры организации общественной жизни, и тех, кто считал, что наступила необходимость обновления в рамках этих структур.

Во время войны в руководящих органах и на местах стала выделяться группа номенклатурных работников, в деятельности которых находила отражение объективная тенденция изменения практики государственного управления, переход к более гибким формам руководства в социальной политике и экономике. Эта тенденция противоборства в определенной степени проявилась и в районах Дальнего Востока. Так, собрание актива Владивостокской городской партийной организации, рассматривавшее 25 апреля 1946 г. вопрос о новых методах работы, проходило, по воспоминаниям Н.М. Пегова, бывшего в те годы первым секретарем Приморского крайкома партии, в крайне обостренной обстановке: «Несмотря на настойчиво проводимую крайкомом работу, некоторые руководящие работники никак не могли перестроиться, расстаться с методом руководства военных времен. Здесь играла свою роль не только сила инерции, им не хватало знаний»¹⁰. В послевоенные годы представители провинциальной партийно-советской номенклатуры стали более активно отстаивать свои позиции в руководстве предприятия-

ми союзного и союзно-республиканского подчинения. Работники региональных партийных аппаратов были тогда единственной социальной силой, которая могла на высшем управленческом уровне отстаивать интересы дальневосточников. В своих обращениях в центральные органы они сообщали, что руководители многих предприятий не в состоянии выполнить партийно-правительственные постановления, касающиеся Дальнего Востока. Так, в 1951 г. на имя И.В. Сталина поступило письмо из Приморского края¹¹, аналогичное письмо было послано из Хабаровского края¹². При изучении партийно-хозяйственной переписки 1948—1953 гг.¹³ становится очевидным стремление местной партийной элиты расширить свои права. Безусловно, это было связано не только с субъективно-корпоративными интересами, но и с тем, что уже тогда многие управленцы понимали необходимость изменения методов управления регионами. Сверхцентрализованное управление, повышенное внимание к западным районам страны в отличие от восточных побуждали некоторых руководителей искать новые формы руководства. Так, секретарь Хабаровского крайкома партии М. Стахурский пытался внести на рассмотрение центрального политического органа вопрос о создании на Дальнем Востоке постоянной оперативной группы Госэкономкомиссии, которая координировала бы вопросы в оперативном порядке и занималась подготовкой не только текущих предложений для центра, но и перспективным планированием¹⁴.

Позиция сторонников введения новых гибких методов работы, стремление партийных работников на местах расширить свои права представляла угрозу для противников перемен, работавших в центральных политических и хозяйственных органах. И это явилось одной из причин продолжения репрессий и фабрикации фиктивных политических дел¹⁵.

Несмотря на географическую отдаленность Дальнего Востока от Москвы, общественно-политические события, происходившие в центре, определяли и формировали отношение к проблемам развития этого большого региона. Для поддержания существовавшей административно-хозяйственной системы во всех республиках и регионах нужен был соответствующий политический режим. Именно политический режим регулировал отношения носителей властных функций в центре и на местах, определяя поведение местных руководителей, партийных управленцев, их исполнительность в реализации централизованных социальных мероприятий.

Социальная политика в первое послевоенное десятилетие формировалась в условиях двухсекторного общественного производства, сложившегося в годы индустриализации — приоритетного (тяжелая про-

мышленность) и неприоритетного (легкая промышленность, сельское хозяйство), что составляло экономическую основу функционирования всей распределительной системы.

Сосредоточение всей полноты власти в центральном партийном аппарате страны в первые послевоенные пятилетки способствовало развитию приоритетных отраслей, выполнению ими государственных планов. Основное внимание в этот период политический центр сосредоточил на распределении и регулировании материальных ценностей, на установлении народнохозяйственных и территориальных пропорций. При этом учитывалась и довольно сложная послевоенная международная обстановка¹⁶. Тогда, в 40 — 50-е годы, постановка задачи Центральным Комитетом ВКП (б) «в кратчайшие сроки восстановить довоенный уровень промышленности» означала, что это будет достигнуто ценой величайшего напряжения сил народа, за счет снижения темпов развития так называемых неприоритетных отраслей. В 1940 г. доля предметов потребления в общем выпуске продукции составляла 39%¹⁷. В годы войны эта доля значительно уменьшилась. Удельный вес фонда потребления сократился на 9,2%¹⁸. Решение первоочередных задач в области восстановления социально-бытовых условий жизни осложнялось также огромными материальными и людскими потерями в годы войны.

В первое послевоенное десятилетие в СССР наблюдалась тяжелая экономическая ситуация, которая объективно заставляла идти на нормированно-распределительные меры. Нарастание промышленного производства осуществлялось традиционными довоенными методами, и они были направлены на завершение индустриальных преобразований. Таким образом, продолжавшаяся индустриализация¹⁹ в годы 4-й пятилетки в значительной степени определяла сохранение распределительно-нормированной системы и соответствующей социальной политики.

Экономическое состояние страны, вся общественно-политическая обстановка в СССР являлась средней, в которой формировались своеобразные материальные потребности большинства населения, и они были связаны в первую очередь с физическим существованием и выживанием. И такому типу общественных запросов соответствовала распределительно-нормированная социальная политика. Поэтому всеми слоями общества она воспринималась как справедливая и необходимая.

Морально-психологический климат и материальные услуги проживания на Дальнем Востоке, направленность социально-экономических процессов определялись основными системными факторами — в первую очередь структурой властных отношений краев и областей региона и политического центра. Следовательно, формировалось и соответству-

ющее отношение к дальневосточным проблемам. Главная роль в управлении экономикой региона принадлежала союзным органам. Робкие попытки местной бюрократии расширить свои права были подавлены репрессиями. Таким образом, до середины 50-х годов сложившиеся ранее социально-политические традиции не изменились.

Номинальным владельцем основных средств производства в регионе выступало государство в лице Совета Министров СССР и Верховного Совета. Первый принимал решения о строительстве и вводе производственных мощностей, основных народнохозяйственных пропорциях, номенклатуре производства в регионе. Второй утверждал эти решения, принимал законы о планах экономического и социального развития. Власть республиканских органов, особенно местных Советов, на территории Дальнего Востока во второй половине 40-х — первой половине 50-х годов была крайне ограниченной, сводилась к реализации решений центра. На территории Дальнего Востока фактическими владельцами средств производства и выпускаемой продукции были союзные министерства и ведомства. На них союзное правительство в основном возлагало функции хозяйственного освоения Дальнего Востока. В то же время государство в лице чиновников различных министерств и ведомств и хозяйственных служб, осуществляя внеэкономические методы в регионе, не являлось монополистом, поскольку само было всецело подчинено партийному аппарату.

Укрепление партийной власти в регионе в тот период достигалось не только за счет репрессивно-карательного механизма, но и ценой авторитета особой формы. Все было построено на почти религиозной вере людей в коммунистическую партию как руководящую силу построения нового общества. В результате провинциальные партийные комитеты осуществляли определенный контроль за деятельностью предприятий, имевших статус не только местного значения, но и республиканского и даже союзного, и выступали в роли защитников интересов всех социальных групп дальневосточников.

Таким образом, складывалась определенная иерархическая структура власти во всех регионах страны, в том числе и на Дальнем Востоке. Она в свою очередь влияла как на стратегию хозяйственного развития Дальнего Востока, так и на содержание, направленность всех решений, мероприятий в социальной сфере региона. Иерархическая структура власти определяла формы удовлетворения групповых интересов, которые концентрировались в распределительной сфере.

Вернемся к конкретно-историческому проявлению властных отношений в регионе. Главную роль в определении как экономического ста-

туса Дальнего Востока, так и условий жизни людей играло партийно-государственное регулирование. В 1946 г. была предпринята попытка реорганизовать отраслевое управление по территориальному признаку. Так, наркомат угольной промышленности был разделен на два наркомата — западных и восточных регионов. Были созданы мирибпромы западных и восточных регионов. Однако первые же трудности в координировании интересов территориальных и центральных органов и первые симптомы сепаратизма в бюрократических структурах заставили в 1949 г. осуществить возврат к исходным позициям.

Политическое руководство страны и плановые органы в послевоенные годы исходили из объективного факта, что районы Дальнего Востока России не пострадали от военных действий. Это основная позиция определяла объемы капитальных вложений на развитие региона. Они составили в годы 4-й пятилетки 1133 млн. руб., т.е. доля Дальнего Востока в общем объеме по РСФСР составляла 5,1%, тогда как в довоенный период — 10,2%²⁰.

Причем значительная доля капитальных вложений шла на развитие топливно-энергетической промышленности. При этом в партийно-государственной стратегии дальневосточному региону отводилась роль поставщика сырья: цветных металлов, леса, рыбы и т.д. Хотя уже тогда среди отдельных политиков зрело понимание необходимости всестороннего развития региона. Так, на первой сессии Верховного Совета СССР в 1946 г. при рассмотрении плана на 1946—1950 гг. в докладе Н.А. Вознесенского отмечалось: «В районах Дальнего Востока намечается всестороннее развитие народного хозяйства, особенно металлургии, энергетики, топливной промышленности и судостроения, обеспечивается развитие всех видов транспорта, расширяется сельскохозяйственное производство в целях сокращения завоза продовольствия из других регионов»²¹.

Однако эта линия в тех условиях не только не могла победить, но не имела возможности даже на небольшое развитие и популярность среди политиков и государственных деятелей, поскольку тогда преобладали корпоративные интересы центрального партийно-государственного аппарата. Необходима была по крайней мере реформа всей структуры власти, что, естественно, в то время не могло произойти. «Комплексное развитие» существовало только на уровне идеи на бумаге, а роль Дальнего Востока в экономике страны определялась на протяжении 40—50-х годов, как и в довоенное время, природно-ресурсным потенциалом и отраслями сырьевой специализации. Поэтому все мероприятия в социально-бытовой сфере, разрабатываемые политическими

и государственными органами, проводились в таком направлении, чтобы они не только не противоречили этому курсу, но прежде всего обеспечивали бы его.

В первое послевоенное десятилетие экономические показатели в регионе были относительно высокие. Как и в целом по стране, они были достигнуты в условиях своеобразного хозяйственного механизма. Сталинская экономическая система и политический режим оказались способными решать поставленные в то время задачи. Достигалось это ценой огромных физических и моральных усилий дальневосточников, целого комплекса организационных мероприятий и карательно-репрессивных мер, а также использования всех имевшихся ресурсов и применения различных внеэкономических методов. Огромную роль в деле повышения производительности труда играла идеология. В первую очередь она благоприятно влияла на отношение к труду.

Идеологическое воздействие поднимало трудовой энтузиазм не только среди рабочих и крестьян, т.е. групп исполнительного труда, но и среди управленцев. Весь послевоенный морально-психологический климат был пронизан чувством победы, надежды на скорейшее улучшение всех сторон жизни. Одновременно политические органы по-прежнему развивали во всех регионах так называемую систему послушания, которая включала в себя не только лагерный сектор экономики, но и модель сельскохозяйственного производства, различные формы контроля за производством и распределением. Без этой основы распределительно-нормированная социальная политика просто не смогла бы просуществовать скольконбудь длительный период.

В те годы в регионе деятельность каждого предприятия, цеха, участка и каждого работника жестко контролировалась по цепочке властной иерархической лестницы. Например, годовые планы таких предприятий, как Дальзавод, Дальдизель, Энергомаш, разбивались поквартально, затем помесечно. Для каждого цеха, участка, бригады устанавливалась своя производственная программа, которая фиксировалась в форме плана или наряда-задания. В месячный план обычно входили следующие обязательные показатели: план по номенклатуре изделий и продукции, затраты по фонду заработной платы, цеховые расходы, план по снижению потерь от брака, нормативы расхода сырья, численность рабочих и т.д.

В развитии производства, в выполнении производственных планов в промышленности, на транспорте, в строительстве в послевоенные годы на Дальнем Востоке, как и в целом по всей стране, идеологические и социально-психологические факторы подъема трудовой активности имели далеко не последнее значение. Надо сказать, что идея построения

коммунизма играла свою мобилизующую роль. На волне энтузиазма в среде дальневосточных рабочих продолжали развиваться и распространяться традиции и трудовые почины, рожденные еще в предвоенные годы. В дальневосточной литературе они уже достаточно широко описаны, имеются специальные исследования²². Поэтому, делая такие обобщения в данной работе, мы опираемся на труды дальневосточных историков.

Для другой части работников, которые были менее восприимчивы к идеологическим факторам, применялись административные меры: привлечение к уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции, за опоздания или прогулы. Как известно, в период 1945 г. — начала 1950-х годов действовали еще указы и постановления довоенного и военного времени. Это, например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», в июле — августе 1940 г. вышли два указа — «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции» и «О рассмотрении народными судами без участия народных заседателей дел о прогуле и самовольном уходе с предприятий». Существовали специальные бюро исправительных работ (БИРы), которые обеспечивали выполнение судебных решений в отношении лиц, приговоренных к принудительным работам без лишения свободы.

После войны постепенно все меньше и меньше людей привлекалось к ответственности по этим указам, но юридически они действовали до 25 апреля 1956 г.²³ 2 июня 1948 г. был принят еще один документ «Об ответственности за уклонение от общественного труда и за ведение антиобщественного паразитического образа жизни в сельском хозяйстве.» Осужденные по этому закону прибывали в качестве спецпоселенцев в районы Дальнего Востока²⁴.

Политический режим обеспечивал как административно-командную экономику, так и проведение социальных мероприятий, создав по всей стране особый сектор «лагерной экономики». Среди историков, занимающихся статистикой принудительного труда, существуют различные точки зрения. Так, зарубежные авторы Даллин и Николаевский свидетельствуют, что население колымских лагерей увеличивалось ежегодно на 440—500 тыс. заключенных, общая численность находившихся там в 1947 г. составляла 1,5—2 млн. чел.²⁵ Однако эти авторы приводят данные, полученные в результате логических построений. Более достоверными, видимо, являются цифры отечественного историка В.Н. Земскова, полученные в результате обработки архивных источников. По его подсчетам, на 1 января 1953 г. в Хабаровском крае в ГУЛАГе содержа-

лись 52742 чел., или 6% от численности населения края (если принять ее за среднюю между показателями 1950—1955 гг. — 965300 чел.), а вместе со спецпоселенцами — 9,7%. На Сахалине в 1952 г. только заключенные, принимавшие участие в строительстве узкоколейки Оха — Катангли и тоннельного перехода под проливом, составляли ориентировочно около 10% всего населения области. По данным на 1 ноября 1947 г., в лагерном секторе «народного хозяйства» СССР были заняты 353723 заключенных. Например, в Дальстрое на золотодобыче работали 117359 чел.²⁶

Министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов доносил И.В. Сталину, Г.М. Маленкову, Л.П. Берии, что на стройках в 1950 г. было выполнено капитальных работ на 14,3 млрд. руб., а предприятиями, входившими в лагерную систему — на сумму 1,3 млрд. руб.²⁷ Чтобы реально представить роль лагерной экономики, необходимо было бы выше приведенные данные сравнить с соответствующими по всему хозяйственному комплексу. Однако статистика тех лет представлена только в относительных показателях.

Заключенные использовались в добывающей, лесной, деревообрабатывающей, тяжелой промышленности, в хозяйственном освоении особо трудных районов (Верхней Колымы и Охотского побережья). Особая роль была отведена Дальстрою. Он был создан в 1931 г. и действовал до 1953 г. Дальстрой использовал заключенных в качестве рабочих в горнодобывающей промышленности, в несколько меньшей степени — в строительстве и других отраслях. Достаточно мощной организацией, которая широко применяла труд «спецконтингентов» (так они назывались в источниках), было управление железнодорожного строительства ГУЛАГа и его преемник — Амургулаг (с 1940 г.). В его систему входила сеть лагерей, подрядных организаций и спецстроительства²⁷. Несвободный рабский труд на спецпредприятиях в первые послевоенные годы был важнейшим звеном в хозяйственном освоении Дальнего Востока и представлял собой особое направление в социальной политике. Лагерный труд позволял проводить перераспределение и нормирование в обществе.

Другую группу людей принудительного труда на Дальнем Востоке составляли спецпоселенцы. Их численность выросла с 40440 чел. в 1932 г. до 64215 в 1953 г. (данные В.Н. Земскова). Основная масса расселялась в Хабаровском крае и в некоторые периоды — в Магаданской области. Дальневосточным историком Е.Н. Чернолуцкой было подсчитано, что в промышленном освоении Дальнего Востока в 30-х — начале 50-х годов приблизительно половина всех работ осуществлялась путем спецколониации, а в Магаданской области — практически полностью²⁸.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют, что принудительный труд использовался в большей степени в так называемых приоритетных отраслях на Дальнем Востоке (приоритетных с точки зрения высшей партноменклатуры). Занятые принудительным трудом составляли особую категорию лиц в служилой структуре советского общества.

Небольшое число крупномасштабных производств в регионе в конце 40-х — середине 50-х годов давало возможность просчитывать распределение всех ресурсов и принимать важнейшие хозяйственные решения в высших эшелонах власти. Технологический уклад региональной экономики также создавал условия для осуществления распределительно-нормированной социальной политики. Все региональные ресурсы (капиталовложения, трудовые ресурсы, строжайшая плановая дисциплина, внеэкономические методы) максимально были использованы для подъема приоритетных, с точки зрения руководства государства, отраслей региона.

Темпы роста валовой продукции всей промышленности по отношению к уровню 1940 г. составляли на Дальнем Востоке в 1950 г. — 163%, по РСФСР — 175%²⁹. Но в то же время отрасли легкой промышленности увеличили выпуск продукции соответственно всего на 1%³⁰. Несмотря на существовавшие виды контроля над финансовой и трудовой дисциплиной, не был выполнен план и по номенклатуре изделий в отраслях, производивших товары ширпотреба. В 1947 г. промышленность Дальнего Востока выполнила план по производству обуви всего на 84%, верхнего трикотажа — на 82%, чулочно-носочных изделий — на 89,3%, льняных тканей — на 19,4%³¹. В 1952 г. из 274 предприятий промышленности, выпускавших товары широкого потребления, не выполнили планы 140 предприятий. В районы Дальнего Востока в первой половине 50-х годов завозилось огромное количество швейных, чулочно-носочных изделий, обуви³². Об этом сообщалось в различных документах, поступающих с Дальнего Востока в центральные плановые органы и указывалось «на громоздкие затраты на их перевозку».

Централизованное планирование производства товаров широкого и повседневного спроса как в количественном отношении, так и по номенклатуре, низкие темпы увеличения их выпуска заставляли все властные структуры совершенствовать систему распределения в стране и в каждом отдельном регионе.

Распределительная социально-нормированная политика в послевоенные годы полностью обеспечивалась существовавшими отношениями в сельскохозяйственном производстве, всеми экономическими особен-

ностями жизни советской деревни, в том числе и на Дальнем Востоке. Колхозно-кооперативная собственность, сформированная в довоенные годы в результате в большей степени насильственной коллективизации, не означала экономической и правовой независимости колхозов от решений партийно-административных органов и мало чем отличалась от государственной собственности в промышленности.

Чрезмерно централизованное руководство колхозами, распределение произведенной в них продукции, оправданное объективными условиями и законами военного времени, продолжало действовать и в период перехода к мирным условиям жизни. Новым испытанием для народа стал страшный неурожай 1946 г.

Прошедший в феврале 1947 г. пленум ЦК ВКП (б) принял постановление «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» и наметил за счет повышения урожайности и расширения посевных площадей «... восстановить в течение трех лет — 1947, 1948 и 1949 годов по валовому сбору довоенный уровень производства зерна» и значительно перекрыть его к концу пятилетки, а также восстановить, а затем и превзойти к концу 1948 г. довоенный уровень численности крупного рогатого скота, овец и коз, а к концу 1949 г. — поголовья свиней³³.

Пятилетним планом (1946—1950 гг.) предусматривалось превысить довоенный уровень сельскохозяйственного производства по стране в целом на 27%. При этом ставка, как и в довоенные времена, делалась на расширение посевных площадей главным образом в колхозном секторе — на 3%³⁴. Но, как и в довоенные годы, на развитие сельского хозяйства выделялась крайне малая сумма, составлявшая немногим более 1/4 расходов на промышленность, или всего 15% капиталовложений в народное хозяйство страны. Но это было уже больше, чем в годы первой и второй пятилеток, вместе взятых³⁵.

В централизованном порядке для всех регионов страны были определены темпы развития. Для тыловых областей они были выше, чем для находившихся в оккупации. Дальнему Востоку планировалось получить в 1947 г. зерновых по 8,5 ц с га, в 1949 — 12 ц, расширить посевные площади в колхозах под зерновыми, картофелем, овоще-бахчевыми³⁶. Предусматривалось строительство новых МТС, обновление технического парка, использование электричества для производственных целей. Таким образом, главная роль в восстановлении довоенного уровня сельскохозяйственной продукции отводилась колхозному производству, т.е. продолжался курс на увеличение роли сельскохозяйственного производства сталинского типа, которое отвечало условиям командно-

административной системы и обеспечивало партийно-государственное распределение продовольственного фонда.

Однако в годы войны на Дальнем Востоке снизился удельный вес колхозов в производстве некоторых видов сельскохозяйственной продукции, в то же время выросла роль приусадебного крестьянского хозяйства, огородничества и различного рода подсобных хозяйств. В годы войны часть колхозных земель была передана под огороды. В 1950 г. на долю дальневосточных колхозов и совхозов приходилось всего 30% производства картофеля, 23% — овощей, 38% — мяса и 25% — молока. В общей численности крупного рогатого скота на колхозное стадо приходился всего 31%. Это меньше, чем на начало 1941 г. Производство молока в колхозах выросло в 1950 г. по сравнению с 1940 г. с 37 тыс. т до 61 тыс. т, во всех же остальных категориях хозяйств — с 213 тыс. т до 413 тыс. т. В 1950 г. возросло производство мяса и сала по сравнению с довоенным временем во всех категориях хозяйств, но на долю колхозов приходилось всего 23% общего объема продукции³⁷. Колхозы и совхозы играли ведущую роль только в производстве зерновых, сои и некоторых технических культур.

В таких условиях партийно-государственный аппарат административными насильственными, внеэкономическими методами отчуждал произведенную продукцию в личном хозяйстве крестьян. Личные подсобные хозяйства колхозников давали стране большую часть молока, мяса, картофеля, овощей. В 1946—1952 гг. среднее хозяйство, имевшее корову и около 25 соток посева картофеля, должно было уплатить сельхозналог свыше 1,5 тыс. рублей и сдать за бесценок от 40 до 80 кг мяса, от 100 до 280 л молока, несколько десятков яиц³⁸. Личные подсобные хозяйства в 1946—1953 гг. давали 50% общей суммы сельскохозяйственного налога³⁹.

Политическое руководство страны взяло курс на укрепление только государственной собственности в деревне, на свертывание огородничества и сокращение земельных участков крестьян. Именно политические и идеологические мотивы влияли на решения политиков вопреки экономической целесообразности и сложившейся хозяйственной организации в послевоенные годы.

Вопрос о сохранении общественных земель занял центральное место в постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»⁴⁰.

В нем указывалось на раздувание личного хозяйства в ущерб общественному. При определении норм приусадебных участков было вновь

взято за основу постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 г.⁴¹ При правительстве СССР был создан специальный орган Совет по делам колхоза, который должен был следить за выполнением постановления и выработать меры по укреплению общественного хозяйства колхозов. Совету были предоставлены широкие властные полномочия. Он имел в республиках, во всех краях и областях своих представителей в качестве контролеров центра. Для «искоренения» так называемых недостатков на местах были созданы комиссии, которые возглавлялись представителями райкомов партии и райисполкомов. Их работа заключалась в том, чтобы выявлять и помогать ликвидировать нарушения Устава в передаче в общественный фонд «незаконно занятой земли». Так был решен важнейший вопрос для крестьянина в послевоенные годы, но в интересах партийного государства, а не колхозника.

В результате уровень развития сельскохозяйственного производства в дальневосточном регионе давал лишь тот минимум продовольствия, который в ходе длительного процесса перераспределения субъектами социальной политики начиная от партийно-государственного аппарата и заканчивая работниками сферы торговли доходил до трудящихся масс, до слоев и групп, занятых так называемым исполнительским трудом в минимальных дозах.

Таким образом, исторический анализ позволяет сделать вывод о наличии глубоких экономических, политических, культурно-идеологических корней в распределительной социальной политике. В экстремальных условиях войны и послевоенный период строго распределительно-нормированная политика соответствовала уровню потребностей народа, в то же время укреплялась вера народа в неизбежность и непогрешимость такой политики.

2. МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (СЕРЕДИНА 40-Х — 50-Х ГОДОВ)

В отечественной исторической литературе региональная социальная политика в основном рассматривается сквозь призму концепции «территориальных различий» в уровне жизни населения. Но малоизвестной страницей отечественной истории является механизм формирования и реализации социальной политики, история взаимоотношений между центром и регионом, а именно между партноменклатурой центра и провинциально-региональной бюрократией. Эволюция и содержание та-

ких отношений во многом влияли на всю региональную дальневосточную политику.

Эта внутренняя сторона политики была скрыта не только от обыденного сознания поколений 40—50-х годов, но и, как показывает историкографический анализ, от исследователей более позднего периода. Научный интерес к ней в условиях фанатичной веры в правильность и преимущества проводимой социальной политики, естественно, не мог возникнуть. Но именно этот скрытый механизм обеспечивал проведение всех мероприятий в социальной сфере региона. К середине 40-х годов он уже сформировался, прошел стадию становления и продолжал слаженно функционировать.

Механизм представлял собой многоуровневую систему организационных звеньев, методов, инструментов, включая и ценностные ориентации партийной элиты всех рангов, определявших в свою очередь принципы формирования политики. К вопросу о механизме также следует отнести определение рамок субъекта социальной политики, другими словами, выделение круга лиц, которые представляли интересы региона в централизованном государстве или так или иначе имели отношение к выработке и реализации мероприятий, выводили интересы дальневосточников на политический уровень. Далее, следующий уровень — это методы, которые применялись субъектом при решении социальных вопросов в регионе. А поскольку все осуществляли конкретные лица, то этот уровень должен включать в себя анализ тех инструментов, с помощью которых индивидуальные человеческие поступки в советской системе подчинялись общим целям и нормам и были интегрированы в единую систему социального взаимодействия. Безусловно, в реальной общественной практике эти различные уровни тесно переплетались и выступали в виде единого исторического результата.

В довоенные годы не был завершён процесс освоения Дальнего Востока, и этот вопрос стоял в качестве главной стратегической задачи по отношению к региону. Естественно, это требовало от партноменклатурной политической элиты способности мобилизовать все средства, в том числе и социальную политику, что придавало последней определённое своеобразие.

Механизм, регулировавший отношения между государством и социальными группами (отдельной личностью), проживавшими на территории Дальнего Востока, обеспечивался в первую очередь системными факторами. Ядром социальной структуры, начавшей формироваться сразу же после прихода к власти большевиков, стало распределение власти. Определение власти, данное В. Радаевым как способность соци-

ального субъекта (индивидуального или коллективного) осуществлять свои интересы безотносительно к интересам других социальных субъектов» органически дополняет нашу концепцию истории социальной политики и может быть использовано в качестве одного из главных понятий раздела. А поскольку структура власти в советском обществе была построена по иерархическому принципу, то и группы или лица, осуществлявшие политику в регионе, действовали по этому же принципу.

Все усилия высшего партийного и государственного аппарата были направлены на сохранение довоенной служилой социальной структуры, поскольку она составляла основу советского общества и обеспечивала его стабильность. Здесь полностью использовался довоенный опыт. Главным средством выступала полнейшая политическая монополия Центрального Комитета партии на принятие всех решений. Инструменты поддержания социальной структуры были переданы в различные плановые, статистические, административные органы. Они регулярно в период 1945-го — середины 50-х годов получали «сверху» политические циркуляры, инструкции и их выполняли. К числу важнейших мероприятий, находившихся под строжайшим контролем политиков и закрепивших официальную структуру, были еще довоенные переписи населения 1937 и 1939 гг. История появления на свет итогов переписей уже подробно описана в статье Ю.А.Полякова, В.В.Жиромской и И.Н.Киселева. Материалы дают обширную картину того, как расписывались и группировались «спецконтингенты» (термин «спецконтингенты» взят из документов тех лет, и он особенно ярко показывает отношение политиков к социальным вопросам) в переписях на основе инструкций высших политических органов².

В области же теории активно пропагандировалась сталинская схема структуры советского общества³. На практике в основу деления общества был положен принцип дифференциации по уровню доходов и объему потребления, гарантированных государством или негарантированных, например крестьянству или узникам ГУЛАГа. Но при этом следует заметить, что государство — это прежде всего работники его аппарата.

Средствами контроля со стороны государства за служилой социально-профессиональной структурой выступали институт прописки, постоянное регулирование занятости в отраслях народного хозяйства, поддержание пропорций занятых управленческим и исполнительным трудом, внеэкономические методы, финансовые и налоговые акции. Но особую роль в регулировании отношений составляли кадровые перемещения. Причем у работников партийного аппарата уже в первые послево-

енные годы обозначилась потребность очертить границу своей группы, хотя групповые интересы тщательно скрывались. Наиболее ярким проявлением организационного оформления групповых интересов стало совершенствование процедуры назначения так называемых номенклатурных работников и их перемещения.

В 1946 г. была разработана и утверждена номенклатура должностей ЦК ВКП (б). В работу «... с руководящими кадрами вносились планы, систематическое их изучение и проверка политических и деловых качеств, обеспечивалось создание резерва для выдвижения и строгий порядок назначения или освобождения номенклатурных работников». Все это представляло различные формы самоидентификации. При этом расширялась номенклатура должностей ЦК, компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов⁴. После XIX съезда партии была уточнена номенклатура должностей, утверждаемых центральными комитетами союзных республик, крайкомами и обкомами⁵. Эти факты свидетельствуют о двух важнейших моментах: во-первых, в послевоенные годы шел процесс самоосознания социальной группой партийно-государственных работников себя как субъекта социальной политики; во-вторых, происходило оформление системы рангов в среде руководителей и управленцев, т.е. иерархической структуры субъекта социальной политики; осознание собственных интересов.

★ Решающую роль в регулировании сложившейся служилой социальной структуры имела партийная система подбора и расстановки кадров в регионе. Эта система строго выполняла роль «лифта», она как бы поднимала отдельные личности из других социальных групп на уровень руководящих работников, пусть даже самого низкого ранга.

В современной социологической и исторической литературе эта группа объединяется одними авторами в понятие «класс номенклатуры», другими — социальная группа партийно-государственной бюрократии. При всех кажущихся различиях сторонников той или иной позиции их объединяет общий основной признак — обладание властью, монополия на принятие решений, что являлось главным рычагом в социальной политике.

Очень сложный вопрос о так называемой численности руководящих кадров, выполнявших распределительно-властные политические и хозяйственные функции. В литературе существует уже некоторая методика подсчета, в частности в работе М. Восленского⁶. Но, к сожалению, для анализа послевоенного периода трудно воспользоваться предложенной методикой, поскольку отсутствует информация об исходных данных в региональном масштабе.

Воспользуемся готовыми данными, которые введены в научный оборот Л.А.Гордоном и А.К.Назмовой. Перед войной на долю руководителей всех рангов от заводского мастера и бригадира до наркома и секретаря ЦК партии приходилось всего около 2% занятого населения⁷.

По данным дальневосточной статистики, численность всего управленческого аппарата (государственных организаций) менялась следующим образом (см. табл. 1).

Статистика зафиксировала, что произошло как абсолютное уменьшение этого слоя, так и удельного веса в составе занятого населения. Ведущую роль в этой подвижной социально-профессиональной группе, выполнявшей функцию реализации социальных мероприятий в силу своих управленческих обязанностей, играл в послевоенные годы секретарский корпус. Но в количественном отношении он был крайне небольшим. Основываясь на данных 1955—1956 гг., можно выявить стабильный минимум: райком — 40 членов, горком и окружком — 60, обком — 80 членов. Выделенные Сахалинской, Амурской, Камчатской, Магаданской областей в конце 40-х — начале 50-х годов расширило этот слой в управленческой социально-профессиональной группе Дальнего Востока. Местные кадры партийно-государственного аппарата были главными проводниками ^{Хабаровского края} социальных мероприятий и исполнителями воли высшего ранга, работавших в центральных политических органах. Поэтому подготовка кадров, отличавшихся большой исполнительской дисциплиной, была основной задачей политических органов.

В 1946 г. Центральный Комитет ВКП(б) издал постановление «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников». На Дальнем Востоке в Хабаровске была создана двухгодич-

Таблица 1

Динамика удельного веса управленческого аппарата в составе занятого населения Приморского и Хабаровского краев и Амурской области

	Удельный вес				Тыс. человек			
	1940	1945	1950	1955	1940	1945	1950	1955
Приморский край	5,4	5,2	3,8	2,8	14,0	11,7	11,6	10,0
Амурская область	5,4	4,7	4,0	2,9	5,7	5,6	5,6	5,8
Хабаровский край	5,7	-	3,9	2,8	12,8	-	13,2	12,9

Таблица составлена на основе источников: Народное хозяйство Амурской области: Стат. сб. Благовещенск, 1957. С.95; Народное хозяйство Приморского края: Стат. сб. Владивосток, 1958. С.99; ГАХК. Ф.353. Оп.10. Д.3. Л.4.

ная партийная школа⁸. Вся система подбора кадров регулировала отношения между партийно-советскими работниками и другими группами. В 40 — 50-е годы партийно-советский аппарат не был замкнутым, и представители различных профессий могли попасть при определенных условиях поведения в номенклатуру и таким образом создать условия для повышения своего личного благосостояния. После войны были осуществлены меры по расстановке номенклатурных работников. Ограниченность ресурсов общего потребления, создание системы послушания требовали по отношению к местным кадрам жестких мер и различных видов политического контроля за их поведением и оплатой труда. В этом смысле региональная бюрократия также являлась составной частью служилой социальной структуры.

В ноябре 1948 г. были созданы полнототделы на железнодорожном транспорте, установлены должности освобожденных секретарей в рыболовческих колхозах, а также на предприятиях лесной промышленности. В начале 50-х годов продолжался тщательный отбор руководителей по их политическим качествам, которые направлялись в среднее звено и составляли средний ранг, находящийся под строгим контролем партийных комитетов. Так, в 1954 г. в Хабаровском крае на партийную работу были направлены 309 чел., на советскую 41, председателям колхозов 104, в лесную и рыбную промышленность 86 руководителей, в Амурской области 90 чел. были рекомендованы на должность председателей колхозов. Согласно решению ЦК партии, в Амурскую область были направлены на руководящую работу 15 чел.⁹ На заседаниях бюро краевых и областных партийных организаций регулярно уточнялись списки номенклатурных работников, но эти данные хранились в строгой тайне.

Человек, попавший на должность руководителя даже низшего ранга, с помощью аппаратной системы подбора и расстановки кадров в дальнейшем переходил на более высокую должность, что в 40—50-е годы сопровождалось на первых порах усилением его влияния на реализацию того или иного социального мероприятия, затрагивавшего интересы, например рабочих или крестьян, т.е. той социально-профессиональной группы, из которой он вышел. Но, попав в список номенклатурных работников, он уже приобретал особый статус по отношению к тем, кто занимался исполнительским трудом в материальном производстве и в самой социально-бытовой сфере. ✎

В то же время на партийных съездах, в различных идеологических документах провозглашался классовый подход к проведению социальных мероприятий. Возвышая в теории рабочий класс и крестьянство, партийные лидеры и работники государственного аппарата на практике имели

цель сохранить монополию на распределение всех материальных ценностей и финансов. Тысячи идеологов, в том числе и на Дальнем Востоке, через радио, прессу, литературу, киноискусство внедряли в сознание населения идеи равенства, союза рабочего класса и крестьянства, необходимость борьбы с частнособственническими тенденциями и пережитками капитализма, ратовали за равное распределение всех материальных благ. Служа интересам государства, они получали за это денежное вознаграждение.

Идея справедливого распределения в те годы находила отражение и формулировалась в трудах лидера и теоретика тех лет И.В.Сталина. Его произведения изучались в школах, вузах, на предприятиях, были руководящими при написании трудов по обществоведению. Особое место в пропаганде занимал так называемый основной закон социализма — «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих потребностей всего общества». Однако в работе Сталина содержались и другие «указания» политикам и государственным деятелям и ценностные ориентации при разработке государственных планов: невозможность отказаться от «примата» производства средств производства в пользу производства предметов потребления¹⁰. В этом «главном труде эпохи» очень отчетливо отражается вся двойственность советской социальной политики: разрыв пропагандируемыми целями и реальными принципами формирования государственных планов. С одной стороны, провозглашение задачи максимального удовлетворения потребностей всего общества (следовательно, всех социальных групп), а с другой — принципиально технократические подходы к формированию народнохозяйственных планов, даже после того как на XVIII съезде ВКП(б) было объявлено о завершении «индустриализации» и построении основ социализма¹¹.

Таким образом, отношение всех социальных групп и слоев населения Дальнего Востока к социальным централизованным мероприятиям¹² формировалось в условиях мощной идеологической пропаганды, за стеной которой присутствовал неизменный эгоистичный интерес партийно-государственной номенклатуры.

Отношение же политиков к населению Дальнего Востока было крайне дифференцированным, и главный критерий составляла занятость в отрасли, ее престижность и значение в общесоюзном масштабе. Лишь в одном случае для центрального партийно-государственного аппарата население Дальнего Востока представлялось как единое целое (территориальная общность — дальневосточники), когда необходимо было про-

вести идеологическое обоснование проводимых мероприятий и скрыть истинные цели того или иного постановления, решения.

Уже в довоенные годы тезис об особой заботе о дальневосточниках стал одним из главных. На XVIII съезде ВКП(б) высокопарно и торжественно прозвучало: «В особом положении находятся районы восточной части СССР и в первую очередь Дальний Восток»¹⁵. Идеологическая традиция — внушение населению мысли, что оно находится на особом положении, играла в те годы огромную роль в формировании менталитета дальневосточников. Во-первых, человек, проживавший на Дальнем Востоке, считал, что его уровень жизни выше, чем в других районах, а это, безусловно, снижало напряженность в сложной послевоенной обстановке. Во-вторых, пропаганда этого тезиса способствовала притоку в малоосвоенный регион новых трудовых ресурсов, что составляло главное средство его освоения в те годы. Уже в марте 1946 г. на первой сессии Верховного Совета СССР при рассмотрении пятилетнего плана на 1946—1950 гг. Н.А. Вознесенский заявил о необходимости всестороннего развития народного хозяйства Дальнего Востока¹⁴. Это заявление также обнадеживало дальневосточников, что произойдет улучшение условий жизни.

Другой акцией 40—50-х годов, которая составляла идеологическую оболочку региональных социальных мероприятий, было регулярное внедрение в сознание дальневосточников идеи «постоянной помощи Центрального Комитета партии населению региона».

Действительно, в те годы последовала целая серия постановлений, которые оперативно, по мере необходимости определяли порядок распределения и перераспределения материальных и финансовых средств по районам Дальнего Востока. Например, в июле 1949 г. последовало постановление «О мерах помощи Амурской области», несколько позже — постановление Совета Министров СССР «О мерах помощи Нижне-Амурской области Хабаровского края», в мае 1950 г. — «О мерах помощи местному хозяйству Сахалинской области»¹⁵. В районы Дальнего Востока направлялись пропагандистские группы ЦК ВКП(б): например, для пропаганды постановления «О помощи Амурской области» они были отправлены на целых 4 месяца¹⁶. В Хабаровском крае в 1945—1950 гг. лекторы читали ежегодно 9—10 тыс. лекций¹⁷, аналогично обстояло дело и в других районах.

На практике же при иерархической структуре власти, когда право выражать интересы всех социальных групп дальневосточников было предоставлено территориальным партийно-советским аппаратам, местная инициатива играла значительную роль, но могла приобрести только ха-

рактически обращения, «с просьбой о помощи» в высшие инстанции. Территориальные партийные комитеты и местные Советы выполняли функцию реализации решений и постановлений центральных партийных и советских органов.

На Дальнем Востоке проведение подобной социальной политики, которая подчинялась стратегической задаче освоения региона, ее идеологическое обеспечение осуществлялось достаточно легко. Это было связано как с функционированием политического режима на территории региона, так и с особенностями формирования населения с так называемой спецколонизацией послевоенного периода.

Постоянные миграционные процессы, встречный поток выезжающего населения в центральные и западные районы, перманентная смена кадров, которые уже так широко описаны в литературе на базе статистических данных¹⁸, как это ни парадоксально, снижали напряженность в социально-бытовой сфере, тем самым закрепляли эффект идеологической пропаганды лозунга «О помощи краям и областям Дальнего Востока». Идеологическая оболочка составляла одно из важнейших звеньев реализационного механизма, при этом идеология выполняла здесь еще одну функцию: с ее помощью прикрывался весь доступ к информации об истинных целях появления того или иного решения, постановления, указа.

Контроль за доступом информации осуществлялся, естественно, через политический режим 40—50-х годов. Следует учитывать, что на идеях равенства и справедливости уже было воспитано довоенное поколение, ставшее основной дееспособной частью общества¹⁹ на территории Дальнего Востока. Культурный и образовательный уровень того поколения создавал также прочную основу для доверия партийным лидерам, правительству, проводившим политику централизованного и тотального распределения. Рабочие и крестьяне Дальнего Востока улучшение своего материального положения связывали со справедливым получением своей доли, что обуславливалось как экономическими отношениями, так и постоянно поддерживалось идеологией. От трудовых коллективов в партийные органы разных уровней поступали просьбы разобраться в вопросах быта и наказать виновных руководителей²⁰.

Причем такая персонифицированная борьба поощрялась в тех условиях политическими органами. А делалось это потому, что она была основной формой разрешения противоречий между социально-профессиональными группами, занятыми исполнительским трудом, и всем слогом партийно-государственной бюрократии. С другой стороны, политические органы использовали эту «народную форму» контроля для укрепления собственного коллективного авторитета как защитников интере-

сов трудящихся масс. Партийные комитеты, осуществляя своеобразный надзор за руководителями на местах, обеспечивали исполнительную дисциплину в реализации социальных мероприятий. Действительно, все организационные аспекты были делом и функциями руководящих кадров, государственных органов и предприятий, учреждений, начиная от центральных органов и предприятий, заканчивая отдельным поселением, отдельным предприятием.

При всей централизации власти и монополии политического центра в 1945 г. — начале 50-х годов на принятии решений в сфере социальных отношений начинает прослеживаться активизация деятельности местной политической партноменклатурной элиты. Механизм взаимоотношений руководителей регионального уровня и центральных органов складывался в те годы не под влиянием общественного давления населения Дальнего Востока, а в ходе решения конкретных вопросов, требовавших оперативного вмешательства высших рангов.

Создавалась иллюзия, что появление важнейших постановлений, касающихся улучшения социально-бытовых условий проживания в регионе, — это результат инициатив и действий местных руководителей партийных комитетов, председателей исполкомов. Надо быть справедливыми по отношению к тому поколению. В докладных записках в центральные органы многие из них выступали неоднозначно и даже противоречиво. С одной стороны, они действительно представляли интересы дальневосточников и имели смелость объективно докладывать об условиях жизни в регионе, с другой — защищали интересы государства в регионе. Обратимся к докладной записке «О мерах помощи Нижне-Амурскому обкому ВКП(б) и облисполкому» от 12 апреля 1951 г., подготовленной Н. Ромашковым, секретарем Нижне-Амурского облисполкома, и В. Устиновым, председателем Нижне-Амурского облисполкома (на 8-ми страницах) на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова²¹. Хотя действовавшая иерархия подчинения кадров заставляла обращаться только на уровне ходатайств и просьб, у авторов записки хватило политической смелости и мужества описать реальное положение дел в социально-бытовой сфере. «Несмотря на огромную помощь, систематически оказываемую партией и правительством Нижне-Амурской области, состояние жилищно-бытового хозяйства и существующая сеть социально-культурных учреждений не удовлетворяет многих, даже самых необходимых нужд населения»²², — сообщалось в докладной записке.

В своем понимании решения социальных проблем местная политическая элита, естественно, представляла прежде всего «высшие интере-

сы» государства в регионе — партийную стратегию освоения и ее основной метод — постоянное пополнение Дальнего Востока новыми трудовыми ресурсами. Такая постановка вопроса была типичной для всех провинциальных деятелей. Она прослеживается, например, в письме секретаря Сахалинского обкома ВКП(б) Д. Мельника, которое поступило на имя председателя Совета Министров СССР И.В.Сталина (март, 1950 г.)²³; в обращении Приморского крайкома ВКП(б) в Совет Министров РСФСР (март, 1950)²⁴; в докладной записке в Совет Министров РСФСР «О состоянии коммунально-жилищного хозяйства в Корякском национальном округе»²⁵. Местная политическая элита выполняла в те годы и еще одну важнейшую функцию: постоянно контролировала деятельность министерств и ведомств в регионе. Таким образом сдерживалась корпоративность и монопольное господство их интересов на Дальнем Востоке. Эта была функция, которая являлась неотъемлемым звеном в реализационном механизме. Чаще всего на практике это проявлялось в виде поисков «управы» на союзные министерства, ведомства, конкретных руководителей предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения.

В политические органы центра шла информация — «доносы» о невыполнении конкретными лицами партийных решений о развитии коммунально-жилищного хозяйства, строительства больниц, школ и т.д. Так, председатель плановой комиссии Сахалинской области И. Титов сообщил в Госплан РСФСР: «Обращение в министерства и ведомства ни к чему не привели, облизполком вынужден был обратиться по этому вопросу (о мерах помощи местному хозяйству) в Совет Министров СССР». Он же в другом письме в Госплан СССР опять сообщает о всевластии министерств и ведомств на Сахалине: «С самого начала года начинает повторяться прошлогодняя практика произвольного изменения государственных планов отдельными министерствами»²⁶. Из стенограммы совместного заседания Госплана РСФСР с председателями областных плановых комиссий становится очевидным, что принятие планов по краям и областям затягивалось из-за несогласованности с отдельными министерствами²⁷.

Уже в конце 40-х — начале 50-х годов начала зарождаться система принятия решений, в том числе и по социально-бытовым вопросам, которая была основана на принципе согласований. Сложившаяся структура власти обеспечивала целую процедуру согласований с руководителями из центра, в том числе из министерств и ведомств. Однако известно, что любая система решений, основанная на принципе «liberum veto» (свободное вето), чрезвычайно консервативна. Она откладывает реше-

ние вопроса до тех пор, пока необходимость принятия этого не станет ясна, а чаще всего нужна последнему участнику процедуры. В данной же цепочке согласований право «liberum veto» принадлежало союзным министерствам и ведомствам, поскольку они располагали реальными материально-техническими и финансовыми средствами в регионе.

Но что же тогда заставляло их хотя бы частично выполнять партийно-правительственные решения в дальневосточном регионе? Да все та же система «подбора и расстановки кадров», система номенклатурных работников, т.е. зависимость собственной карьеры и личного благополучия от решений высших политических органов, а точнее от конкретных партийных чиновников. Но существовал еще важнейший субъективный момент, который влиял на решение дальневосточных вопросов: это сама личность принимавшего решения, личное отношение к отдельным восточным районам. В технической цепи всех согласований в те годы большая роль принадлежала председателю Совета Министров РСФСР Б. Черноусову, председателю Госплана РСФСР А.Е. Чадаеву, которые «выходили» с дальневосточными вопросами в союзные органы. Происхождение документов зависело от оперативности и ответственности работников их аппаратов. Так, в конце 40-х годов вопросы о строительстве школ, домов на территории Дальнего Востока «готовили» В. Новиков, Б. Черноусов, Т. Колинченко, Д. Бузин — работники из аппаратов Госплана СССР и Госплана РСФСР. Подготовленные ими проекты направлялись начальником сводного управления территориального планирования и размещения предприятий в целях согласований в 23 отделах Госплана СССР, согласовывались также с 8 министерствами и ведомствами. Разногласия между ними заставили Совет Министров в своем постановлении (от 15 декабря 1948 г. №4626) обязать министерства и ведомства при строительстве промышленных предприятий на территории Дальнего Востока, в частности Хабаровского края, строить жилье и школы, даже были разработаны нормы: при строительстве предприятия с числом до 300 чел. строить школу на 160 мест и один двухквартирный жилой дом; если же строилось предприятие с расчетом от 300 до 800 рабочих, то школ необходимо было строить на 280 мест и четыре четырехквартирных дома²⁹. Вот таким методом регулировались корпоративно-групповые интересы министерств и ведомств и интересы населения Дальнего Востока в конце 40-х — начале 50-х годов.

Длительный путь согласований, прежде чем появилось постановление, прошло решение вопроса «О помощи Нижне-Амурской области» по той же технологической цепочке: Г. Косянченко, Б. Черноусов, Д. Бузин, заинтересованные министерства и ведомства, Совет Министров СССР³⁰.

Анализ партийно-государственной переписки, касающейся выхода тех или иных постановлений по социальным вопросам, которые затем становились основным руководящим документом в деятельности региональных властных структур, дают право высказать вывод, что учитывались в первую очередь не интересы большинства населения Дальнего Востока, а интересы «заинтересованных» (уже сам термин «заинтересованные», употребляемый в источниках, показывает роль этой группы советской бюрократии в решении дальневосточных вопросов) отраслевых органов. Это в свою очередь также подтверждает нашу гипотезу о партийно-государственной и хозяйственной номенклатуре как субъекте социальной политики на Дальнем Востоке.

Территориальные партийные органы довольно часто добивались выполнения конкретных постановлений и распоряжений, касавшихся социальных вопросов, поскольку их исполнение было одновременно и делом чести, и следствием страха понести наказание. Выполнению отдельных постановлений, распоряжений, инструкций содействовала вся иерархическая система проверок, постоянные комиссии. Обращение провинциальных партийных комитетов из районов Дальнего Востока в правительство чаще всего завершалось оформлением поручений Госплану, Госплан — министерству, и так действовал постоянный замкнутый круг. Были и другие формы контроля за исполнением на местах: создание специальных комиссий и выезд их непосредственно в районы Дальнего Востока. Так, в ходе выполнения постановления Совета Министров СССР (1948 г.) «О мерах помощи местному хозяйству Сахалинской области» туда выезжала специальная бригада²⁰. Выполнение данного постановления контролировалось и многими службами Госплана РСФСР, об этом свидетельствует докладная записка А Чадаева.

Следующий наиболее яркий пример связан с вопросом социально-экономического развития Еврейской автономной области. В 1952 г. секретарь Хабаровского крайкома ВКП(б) А. Ефимов обратился с письмом к Б.Н. Черноусову, в котором сообщал факты невыполнения постановления Совета Министров РСФСР от 17 декабря 1948 г. и распоряжения от 15 октября 1949 г. Госплан РСФСР дал поручение министерствам и ведомствам, и дальше шла опять технологическая цепочка согласований вплоть до каждого объекта социально-бытового назначения, новые проверки их выполнения. Большая проверка Госпланом РСФСР была проведена в Хабаровском крае в 1954 г. по качеству строительства²¹. Контроль работников центрального аппарата за исполнением своих «циркуляров» на местах в сталинский период выполнял огромную роль в осуществлении всех социальных мероприятий, составлял базу реализаци-

онного механизма, одновременно придавал значимость деятельности аппаратчиков.

Несмотря на то, что все действия провинциально-региональных политиков были обусловлены системными факторами, все равно в практике проявлялись и переплетались человеческие характеры, возможности личных знакомств и даже чувство патриотизма и любви к Дальнему Востоку. Искусство политиков состояло в том, чтобы установить личные «контакты» с руководителями: в те годы очень много значило личное расположение и отношение руководителей высшего эшелона к восточным районам.

Наглядным примером явилось посещение осенью 1954 г. г. Владивостока членами президиума ЦК КПСС Н.С.Хрущевым, Н.А.Булганиным, А.М.Микояном. Их критические замечания о том, что в городе и крае низкий уровень бытового и культурного обслуживания, указания «разобраться и представить на рассмотрение ЦК КПСС и Совета Министров мероприятия по улучшению жилищно-бытовых условий» открывали возможности и «зеленую улицу» для обоснования и решения многих частных вопросов.

В систему методов реализационного механизма социальной политики входила персональная требовательность к руководителям всех рангов. В декабре 1948 г. Центральным Комитетом ВКП(б) были подвергнуты жесткой критике партийные лидеры Хабаровского края за факты порчи продуктов и медленные темпы жилищного строительства³². В 1951 г. ЦК ВКП(б) рассматривал отчет Приморского крайкома о выполнении директив по улучшению бытового обслуживания населения³³.

Партийный центральный аппарат в 40 — 50-е годы осуществлял свою власть посредством строжайшего контроля за нижестоящими рангами, причем преобладали карательно-репрессивные меры. Ярким проявлением этого была борьба со злоупотреблениями в отдельных региональных аппаратах. Так, в Приморье была проведена «дачная кампания», строгой критике подверглись кадры руководителей краевого масштаба, пользовавшиеся государственными дачами и квартирами, но не платившие за них. «Дачная кампания» в Приморье началась после критики ЦК в октябре 1949 г.³⁴ В свою очередь краевой и областной партийный аппарат осуществлял контроль за нижестоящим звеном.

На местах в роли персонального контроля выступали аппараты бюро крайкомов и обкомов партии. В их арсенале был целый набор карательно-дисциплинарных мер: снятие с должности, выговоры, перевод на нижестоящую должность, перевод в самые отдаленные районы и т.д. Они применялись к руководителям, не выполнявшим партийно-

правительственные постановления в социальной сфере. В бюро крайкомов обязывали, например, руководителей местных финансовых органов (крайфо, облфо) ежеквартально докладывать о выполнении доходной части местных бюджетов, всех показателей состояния социально-бытовой сферы. Но, как показывают источники, самой распространенной формой было заслушивание руководителей отдельных предприятий на бюро³⁵.

По письмам трудящихся, приходившим в партийные органы, осуществлялись постоянные проверки. Источники сохранили дух тех времен в следующей типичной формулировке: «За бездушное бюрократическое отношение к жалобам трудящихся снять с работы»³⁶. Были факты, когда за так называемое бюрократическое отношение к трудовому и бытовому устройству рабочих их руководителей не только снимали с работы, но и привлекали к уголовной ответственности. В Приморье за 1,5 года (1949—1950 гг.) было привлечено к уголовной ответственности 24 председателя колхоза. В том же источнике сообщалось о привлечении к судебной ответственности отдельных работников Шкотовского райкома партии. «За необеспечение руководства» были освобождены от занимаемой должности за этот же период 4 председателя исполкомов³⁷.

Система ранжированного социального контроля обеспечивала единство действий всех тех, кто участвовал в реализации социальных мероприятий. Система всех звеньев контроля обеспечивала общее моральное и организационное единство социальной политики на Дальнем Востоке, несмотря на имевшиеся внутренние противоречия, в частности, между территориальными партийными аппаратами и аппаратом союзных и союзно-республиканских министерств. В послевоенные годы роль работников провинциальных партийно-государственных органов в реализации централизованной социальной политики была огромной. Однако эта социальная группа, выполнявшая функции межотраслевой координации посредством иерархической системы согласований, в послевоенные годы оказалась в самом выгодном положении в системе распределительных отношений и на этой основе продолжала консолидироваться в дальневосточном регионе.

Но выполнять эту роль в социально-бытовой сфере она могла, только опираясь на специализированный аппарат распределения, специальную профессиональную группу работников материально-технического снабжения, торговли, общественного питания, чиновников от здравоохранения. Специализированный аппарат распределения выступал в качестве социальной опоры регионального субъекта социальной политики. Работники материально-технического снабжения, торговли, общественного

питания отличались местом и ролью в структуре распорядительно-властных отношений от партийно-государственной номенклатуры. В послевоенные годы эта группа также консолидировалась. Но ее формирование шло под жестким политическим контролем, контролировалась и численность таких работников. В послевоенные годы число лиц, участвовавших непосредственно в распределении через систему советской торговли и общепита, оставалось на уровне 1940 г.

В 1940 г. в РСФСР среднегодовая численность работников розничной торговли и общественного питания составляла 1234 тыс. чел., в 1950 г. — 1231 тыс.³⁸ Доля занятых в торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении, в сфере сбыта и заготовок составляла на Дальнем Востоке, в наиболее развитой южной его части, 11%, в северной — 7,8%, по РСФСР — всего 5%. Увеличение численности произошло уже в 1950—1955 гг. Так, в Амурской области в 1945 г. эта группа составляла 8,5 тыс. чел., в 1955 г. — 13,3 тыс.; в Приморье соответственно — 7,5 тыс. чел. и 8,8 тыс. чел.³⁹ Увеличение количества людей, участвовавших в непосредственном распределении товаров широкого потребления, наряду с другими данными свидетельствует о возрастании их роли в жизни общества. По результатам бюджетных обследований в то время произошло снижение доли услуг по пошиву и ремонту обуви, получаемых рабочими Дальнего Востока у частных лиц. Произошло также снижение удельного веса покупки мебели, хозяйственных товаров, головных уборов, белья у частных лиц, а возрос объем покупок в государственной торговле. Это свидетельствовало как о возрастании роли государственной торговли в социальной жизни региона, так и о значимости занятых в ней.

В начале 50-х годов на Дальнем Востоке покупки у частных лиц промышленных товаров составляли 18,5%, услуги пошива и ремонта обуви — 49,6%, покупки мебели, ремонт мебели и хозяйственных товаров — 37,2%, покупки готовой одежды и головных уборов, белья — 18,3%, обуви — 15,5% от объема всех покупок⁴⁰. Однако эти цифры свидетельствуют еще о двух явлениях социальной жизни послевоенных лет. Во-первых, значительное количество товаров перераспределялось на частном «черном» рынке и попадало, естественно, туда с помощью работников специализированного государственного аппарата распределения, т.е. работников торговли. Во-вторых, несмотря на тоталитаризм в экономике, государство не являлось абсолютным монополистом в производстве потребительских товаров и в предоставлении услуг. Все это дает право высказать мнение, что данная социально-профессиональная группа еще находилась на стадии формирования. И поэтому в значи-

тельной степени являлась исполнителем чужой воли, т.е. политиков. Но в то же время она не была лишена проявления своего группового и индивидуального эгоизма, о чем свидетельствуют различные факты злоупотреблений в местной пищевой промышленности и торговле. На VIII пленуме Приморского краевого комитета партии от 15 мая 1954 г. прямо было признано, что в этих отраслях края подбирались кадры по принципу личной преданности, приятельских отношений, землячества, родства⁴¹.

В послевоенные годы процесс формирования этой группы как одного из субъектов социальной политики сдерживался строжайшим партийно-административным контролем за ее деятельностью. В регионе существовала разветвленная система контроля: партийный контроль ВКП(б), органы финансовой и налоговой инспекций, ОБХСС (его деятельность еще предстоит более детально исследовать и изучить, особенно в реализации социальной политики). Постоянные «чистки» кадров предприятий торговли, местной промышленности регулировали отношения как внутри субъекта социальной политики, так и между группами (рабочими, рядовыми колхозниками, служащими), не входящими в него. Эти «чистки» проходили в виде «борьбы против расхитителей государственного имущества». В Приморье в 1950—1952 гг. в краевом мясотресте сменилось 78% руководящих работников (всех звеньев), 40% из которых были уволены «за расхищение социалистической собственности»⁴². В крайрыболовпотребсоюзе за 1950 и 1951 гг. (1-е полугодие) из 932 материально ответственных лиц были уволены 715 чел. и приняты снова 701 чел. В Приморском военторге в 1957 г. были уволены 747 чел.⁴³

Политотделами, действовавшими на железнодорожном транспорте, проводились постоянные проверки ОРСов и ДОПУСов. В свойственной эпохе манере источники зафиксировали процессы, о которых мы говорили выше: «Имеются неприглядные вещи в руководстве, особенно с кадрами, где нашли приют нечестные люди, жулики и проходимцы»⁴⁴. «Во многих организациях края имеет место засоренность кадров. Особенно это распространено в торгующих организациях Владивостока, Ворошилова, Спасска» — признавал секретарь Приморского крайкома ВКП(б) А.С.Бирюков⁴⁵. Типичным явлением тех лет на Дальнем Востоке был разбор многочисленных персональных дел коммунистов на бюро, которые были заняты в среднем и низшем звене руководителей, в торговле, общественном питании. Документы тех лет так и пестрят персональными делами коммунистов из сферы торговли, снабжения и т.д.

Различные карательные меры по отношению к отдельным представителям управления или работникам специализированного аппарата распределения были могущественным инструментом политических органов,

при помощи которого они добивались определенных результатов при проведении социальных мероприятий. Однако карательные санкции в послевоенные годы выполняли еще одну функцию: они создавали общественное мнение у других социально-профессиональных групп, что партийные органы являются единственными полновластными защитниками их интересов, формировали мощную психологическую базу для полнейшего доверия к ним и создавали условия для существования безконфликтного общества, но наполненного большим числом различных противоречий.

Деятельность руководящих кадров всех уровней осуществлялась под мощным прикрытием учения марксизма-ленинизма и тотальной идеологической обработки всего населения в духе равенства и справедливости. Положение руководителей, принадлежащих к партии, которая провозгласила принцип равенства и справедливости, было двусмысленным. Они говорили о равном и справедливом распределении и боролись с различного рода злоупотреблениями, но сами в силу своего исключительного положения в распределительной системе уклонялись от этой уравнилельной справедливости, отовариваясь в спецраспределителях.

О том, что сразу после войны на Дальнем Востоке эта группа претендовала на особое место в распределительных отношениях, свидетельствуют и вышеназванные факты, и такие крупные дела, как «башмачное» и «лоскутное» в Приморье в 1950 г. Суть этих дел состояла в том, что председатель Приморского исполкома краевого Совета депутатов трудящихся Т.Семенов и его заместитель Виноградов разрешили производство партии обуви и одежды, которую распределяли по заниженным ценам по спискам. В списки входил прежде всего партийно-советский актив²⁶. Конечно, объемы «злоупотреблений» были малы, если сравнивать с 70—80-ми годами, но речь идет о формировании особого типа менталитета руководителей в условиях господства государственной формы собственности, монополии партийных органов на принятие решений и действий в распределительной системе. Общему аскетическому образу жизни, послевоенным стандартам соответствовали и размеры «злоупотреблений».

Таким образом, усиление властных хозяйственно-распределительных функций в послевоенный период создавало условия для дальнейшего формирования особой группы, которая составляла субъект социальной политики. Постепенное властное положение руководящих кадров переставало быть просто следствием сложившихся порядков, власть становилась для ее обладателей главной ценностью. Она превращалась в источник дополнительных благ для носителей властных отношений и

их близких. Причем, как показывают приведенные факты, это явление признавалось и самими представителями субъекта социальной политики, только оно переносилось на конкретную другую личность. А каждый руководитель исключал себя из этого процесса, признавая свое лишь исключительное право на привилегию. Именно в такой форме проявлялись эгоистические интересы работников аппарата, осуществлявших социальную политику.

Реализационный механизм социальной политики в 40—50-е годы, включая все формы контроля, обеспечивался и всей правовой культурой тех лет. В Уголовном кодексе РСФСР 1935 г., действовавшем до 1 июля 1950 г. (когда были внесены некоторые уточнения и изменения), существовал V раздел «Преступления хозяйственные». В частности, параграф 2 V раздела гласил: «Субъектом преступления, т.е. лицом, подлежащим уголовной ответственности, по ст. 128 УК может быть только руководитель государственного или общественного учреждения или предприятия (председатель, заведующий, директор, но ни в коем случае — работники среднетехнического персонала или канцелярий»⁴⁷, т.е. руководитель как субъект социальной политики закреплялся и юридически. Бесхозяйственность квалифицировалась как небрежность или недобросовестное отношение должностного лица к порученному делу и определяла нецелесообразность его деятельности⁴⁸. Советский закон обеспечивал не только особую роль руководителя и его персональную ответственность, но и деление общества по кастовому групповому признаку — выделение привилегированной группы руководителей.

Персональная ответственность как норма социального поведения закреплялась и статьей 109 (должностные, служебные преступления). «Бездействие власти, т.е. невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнять при наличии признаков, предусмотренных ст. 109, а равно халатное отношение к службе, т.е. небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшим за собой волокиту, медлительность в производстве дел и отчетности, и иные упущения по службе при наличии тех же признаков предусматривают лишение свободы на срок до трех лет»⁴⁹. Персональная ответственность прививалась и хорошо известными современникам статьями 58¹, 58⁷, которые также вошли в Уголовный кодекс 1950 г.⁵⁰ Обращение к этим документам-источникам подтверждает также еще одну нашу гипотезу, что самая главная группа субъекта социальной политики в послевоенное время находилась в центральном партийном аппарате. Но тем не менее следует выделить группу руководителей-хозяйственников высшего эшелона, которым на тер-

ритории Дальнего Востока партаппарат передал право фактического распоряжения всеми ресурсами (включая и трудовые), капиталовложениями, материально-техническими средствами. Особую роль в реализации социальных мероприятий играла группа работников провинциальных партийно-государственных аппаратов, которая в послевоенные годы уже стала расширять свои права в руководстве экономикой, социальной сферой, делая акцент на создание более благоприятных условий проживания на Дальнем Востоке. Это было то общее звено, которое связывало их собственные интересы и интересы других социальных групп — рабочих, крестьян, служащих, профессиональных групп интеллигенции.

Комплекс материалов и источников дает право сформулировать еще один важнейший вывод. Достижение целей в социальной сфере происходило в результате развитой системы контроля, основой которого в первое послевоенное десятилетие оставались карательные меры, персональная ответственность руководителей на территории Дальнего Востока.

3. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

В предыдущих параграфах мы рассмотрели экономическую ситуацию в стране, в дальневосточном регионе в послевоенное десятилетие, пути создания материальных благ, определили основные социальные группы, которые участвовали в распределении, рассмотрели механизм и взаимоотношения внутри этих групп, раскрыли историческую картину средств и методов достижения целей в социальной сфере. Главную задачу данного параграфа автор видит в том, чтобы проанализировать результаты социальной политики в регионе, которые в конечном итоге выражались в достигнутом уровне потребления населением благ и услуг, в степени удовлетворения в них¹. Другими словами, показав мир «ценностей» политиков, информация о котором была недоступна основной массе народа, мы приступаем к рассмотрению «мира вещей»; к анализу совокупности таких социальных явлений и фактов, последствия которых изо дня в день испытывал на себе каждый дальневосточник.

Основной формой контроля за распределением доходов населения региона было сохранение и совершенствование централизованной системы заработной платы, формирование которой относится еще к довоенному времени. Внесение отдельных частичных изменений в 1940—1950-е годы осуществлялось на Дальнем Востоке под «воздействием практи-

ки», а именно — освоения региона. Упорядочение заработной платы подчинялось этой стратегической задаче, одновременно и регулировались, и контролировались доходы населения. Регулирование заработной платы и жесткий контроль за ее изменениями составляли одно из главных направлений в деятельности партийно-государственного аппарата. Ведь заработная плата при государственной форме собственности была главным и основным источником доходов всех социальных групп. Ее удельный вес в структуре совокупного дохода рабочих Дальнего Востока составлял от 86,3 до 88,9% (в зависимости от количества работающих в семье)².

Хотя районы Дальнего Востока России не пострадали непосредственно от военных действий, но война повлияла на все стороны жизни в регионе: ухудшилось продовольственное снабжение, фактически прекратилось строительство жилья, больниц, школ, произошло резкое повышение цен на промышленные и продовольственные товары, снизилась заработная плата рабочих и служащих, занятых в строительстве на Сахалине, в Хабаровском крае, Магаданской и Амурской областях. Особенно она снизилась у работавших в сельском хозяйстве на Дальнем Востоке (см. табл. 1). В условиях войны 1 октября 1942 г. правительством было принято решение об отмене льгот для дальневосточников.

Система льгот, существовавшая на Дальнем Востоке в довоенное время, была восстановлена после войны в крайне урезанном виде. На основании постановления СНК СССР от 18 октября 1945 г. льготы в Приморье распространялись только на 6% населения края³. Тяжелая ситуация складывалась в северных районах Дальнего Востока и районах, приравненных к ним. До 1 октября 1942 г. лица, работавшие в этих районах, пользовались льготами независимо от того, прибыли они по направлению или были приняты по найму. Но в связи с войной это положение было отменено. В 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел вопрос о льготах северянам и указом от 1 августа поручил Совету Министров создать инструкцию по применению настоящего указа. Первая инструкция была создана Министерством финансов СССР и ВЦСПС и утверждена 2 сентября 1945 г.⁴ В течение последующего времени (1945 г. — начало 50-х годов) были разработаны другие инструкции и директивы, имевшие характер различных толкований. К середине 50-х годов уже от указа 1 августа остались действующими лишь отдельные пункты. В результате 25% населения, работавшего в районах Крайнего Севера Дальнего Востока, было лишено льгот. Директивы центральных политических органов были направлены на закрепление сформировавшейся социальной структуры — разделение общества на определенные профессионально-отраслевые и территориальные группы. Они преследо-

вали главную цель — привлечение новых трудовых ресурсов, но были антидемократичны к уже проживавшему на Дальнем Востоке населению.

Например, при переходе с одного места работы на другое необходимо было оформить перевод, так как при увольнении по собственному желанию работники лишались надбавок за выслугу лет. Тем самым население искусственно лишалось права выбора предприятий, а следовательно, повышения основных источников доходов. Еще более жесткими были пункты, по которым дети родителей, прибывших в районы Крайнего Севера 20—25 лет назад, при поступлении на работу также лишались льгот⁵. Не начислялись надбавки за выслугу лет работавшим пенсионерам, при этом на Дальнем Востоке процент их был выше, чем в центральных районах страны.

В то же время партийно-государственный аппарат устанавливал персональные оклады номенклатурным работникам, которые по существовавшей инструкции не имели права получать льготные надбавки. В специальном постановлении Совета Министров РСФСР «О мерах помощи Сахалинской области на 1952—1953 гг.» увеличивался лимит на 25 персональных окладов для руководителей треста «Сахалинстрой», местной промышленности и промкооперации⁶. Сахалинскому облисполкому разрешалось выплачивать заработную плату работникам сельских и поселковых Советов по сложившимся ставкам северных регионов, если они входили в указанные группы⁷. На Дальнем Востоке формировалась система привилегий в виде установления персональных окладов.

Таким образом, номенклатурная элита, осуществляя планы освоения региона, регулировала доходы населения, преследуя групповые интересы. Так называемая система льгот имела строго иерархический характер. Принцип ранжирования также составлял основу всех мероприятий в сфере определения и назначения заработной платы населению Дальнего Востока.

В 40—50-е годы заработная плата варьировалась и очень жестко контролировалась политическим руководством и правительством и зависела от того, насколько важно было то или иное предприятие или отрасль, к которой оно принадлежало. Так, предприятия промышленности, транспорта являлись более важными, чем сельское хозяйство или просвещение (табл. 1). В результате чего внутри социальных групп после войны сложился определенный уровень дифференциации заработной платы, что оказывало значительное влияние на различие в доходах. Децильный коэффициент (соотношение 10% наиболее оплачиваемых рабочих и служащих и 10% наименее оплачиваемых) в 1946 г. составлял 7,24⁸.

Реальные доходы советской семьи, отдельного человека определялись также и другим фактором, в частности территориальным и должност-

ным статусом работающего или главы семьи. Например, 25 августа 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий истроек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке»⁹. Заработная плата работников ведущих отраслей промышленности Дальнего Востока была увеличена на 20%, надбавку получили более 800 тыс. трудящихся Сибири и Дальнего Востока. Но при этом следует отметить, что такие коэффициенты для занятых на строительстве предприятий черной металлургии в Центральном районе были введены еще в 1940 г. К тому же надбавку получили только 11% рабочих и служащих указанных регионов¹⁰.

Регулирование доходов осуществлялось после войны с помощью введения различных надбавок и компенсационных выплат, что имело большое моральное воздействие, но лишь в определенной степени влияло на доходы населения. Низкооплачиваемым категориям трудящихся Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1946 г. в связи с повышением цен на продовольственные товары для работников, получающих от 300 до 900 рублей в месяц, вводилась ежемесячная надбавка от 80 до 100 руб.¹¹ С 21 сентября 1946 г. повышался размер минимума заработной платы рабочих и служащих со 150 до 260 руб. в месяц. С 1949 г. по специальному распоряжению трудящимся Камчатской области была повышена заработная плата на 50%¹².

Уровень средней заработной платы на Дальнем Востоке в 1945—1955 гг. устанавливался в зависимости от таких факторов, как народнохозяйственное значение отрасли и территориальное размещение предприятий (табл.2). В промышленности в 1945—1955 гг. наименьшая заработная плата была в Приморье и Амурской области. В Хабаровском крае средний показатель был довольно высоким, что объяснялось вхождением в состав Хабаровского края до 1953 г. Магаданской области. В строительстве самую высокую заработную плату получали рабочие и служащие Сахалина, в транспорте, торговле и общественном питании — Магаданской области.

Вводились новые виды вознаграждений в важнейших базовых отраслях. В 1947 г. в целях усиления материального поощрения рабочих тяжелой промышленности были установлены ежегодные единовременные вознаграждения за выслугу лет для подземных рабочих угольной промышленности и для рабочих комбината «Хабаровскуголь». 637 рабочим и инженерно-техническим работникам, имевшим многолетний трудовой стаж в угольной промышленности, было выплачено в 1948 г. свыше 1220 тыс. руб. вознаграждения. (Данные приводятся по курсу рубля, принятому реформой 1947 г.). На старейшем угольном предприятии

Таблица 2

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве Дальнего Востока в 1940—1955 гг. (руб. по курсу 1947 г.)

	1940	1945	1950	1955	1955 в % к 1940	1940	1945	1950	1955	1955 в % к 1940
	Все отрасли народного хозяйства					Промышленность				
Хабаровский край	538	701	920	1068	182	601	841	911	1181	196
Магаданская область					1280	сведений нет				
Амурская область	473	504	725	736	155	492	500	800	848	171
Приморский край	511	570	787	893	175	530	617	921	1044	197
Сахалинская область	655	638	1285	1579	241	631	677	1341	1736	275
	Строительство					Сельское хозяйство				
Хабаровский край	533	480	759	982	177	500	378	647	704	141
Магаданская область	713	618	766	1192	167	645	637	995	1266	196
Амурская область	446	396	744	808	181	412	313	505	478	119
Приморский край	483	582	715	1008	209	341	318	503	497	146
Сахалинская область	836	685	1200	1532	183	519	444	902	1210	233
	Транспорт					Торговля, общественное питание, заготовки, материально-техническое снабжение и сбыт				
Хабаровский край	529	779	1153	1201	227	444	402	701	871	191
Магаданская область	515	1107	1745	2075	403	586	707	1195	1493	255
Амурская область	571	684	845	910	159	363	400	536	632	174
Приморский край	540	740	889	980	181	380	384	591	686	180
Сахалинская область	731	769	1369	1799	246	482	447	1095	1191	247

Примечание. Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф.1562. Оп.15. Д.3770. Л.71—75; Д.607. Л.146—147. Сведения по Камчатской области даны вместе с Хабаровским краем; Батаева Т.И. Об уровне жизни населения Магаданской области // Проблемы развития производительных сил Северо-Востока СССР. Магадан. 1964. С.47.

Хабаровского края — Кивдинском руднике 569 шахтеров получили более 1 млн. вознаграждения¹³.

В Приморском крае в течение 1951—1955 гг. рабочим угольной, цветной, судоремонтной и лесной промышленности было выдано свыше 119 млн. руб. единовременных вознаграждений за выслугу лет¹⁴. Сумма

выплат за выслугу лет по комбинату «Сахалинуголь» составляла в 1954—1955 гг. 6,1—6,7%¹⁵. Однако вознаграждения за выслугу лет получали всего 1/5 часть занятых в народном хозяйстве региона. Денежные премии становились одной из форм материального стимулирования труда, но в целом в формировании доходов играли незначительную роль. Например, на Хабаровском машиностроительном заводе премии составляли всего 0,9—1,2% от общего фонда заработной платы¹⁶.

В середине 50-х годов среднемесячная заработная плата рабочих региона превышала общесоюзный показатель. Это превышение было обусловлено централизованным регулированием с помощью районных коэффициентов и надбавок. Такое регулирование составляло основное направление советской региональной политики. Оно было вызвано мотивами привлечения новых трудовых ресурсов. В Магаданской области на выплату по районному коэффициенту в структуре фонда заработной платы приходилось 37,6% всех сумм.¹⁷ В фонде заработной платы Сахалинрыбпрома эта доля составляла 20,4%. В целом на северные надбавки и начисления, на оплату дополнительных отпусков приходилось 34,2% от фонда заработной платы¹⁸.

Но высокий уровень заработной платы в 1946—1955 гг. (табл. 2) не компенсировал удорожание жизни у большинства социальных групп населения Дальнего Востока, жизнедеятельность которых была связана с суровыми климатическими условиями. К тому же она проходила в условиях неразвитости транспорта, отдаленности от центра и т. д.

Главным для населения Дальнего Востока было реальное содержание заработной платы, которое зависело от сложившейся ситуации в финансово-экономической системе СССР. К 1945 г. в обращении находилось в 4 раза больше денег, чем накануне войны. Ввод в обращение частично обесцененных денег продолжался и в период перевода народного хозяйства на структуру мирного послевоенного развития. На территории страны были в обращении и фальшивые деньги, выпущенные в годы войны фашистскими оккупантами. Все это привело к образованию существенного разрыва между большой массой денежных знаков и наличием товаров, т. е. к инфляции.

Чтобы обеспечить реальное содержание заработной платы в период войны, основная масса продовольственных и промышленных товаров распределялась по карточкам. Но наряду с жестко нормированным снабжением существовала и другая форма распределения. В 1944 г. открылись коммерческие магазины, в которых цены товаров значительно превышали цены нормированного снабжения.

Само открытие коммерческих магазинов свидетельствовало, что в годы войны выделилась группа населения, которая способна была даже

по высоким ценам приобретать продовольственные товары. С другой стороны, это же явление показывает, что жестко нормированное централизованное распределение для определенных групп советского общества не исключало возможности концентрации денежных средств у отдельных личностей. В условиях ограниченных продовольственных ресурсов коммерческие магазины являлись узаконенной государством формой перераспределения.

Перераспределение шло и через «неорганизованный черный рынок». Огромный дефицит продовольственных и промышленных товаров привел к увеличению цен на этом рынке. По сравнению с апрелем 1941 г. цены возросли в апреле 1942 г. в 7 раз, в апреле 1943 г. — в 15 раз и превышали уровень пайковых цен на 20%¹⁹. На Дальнем Востоке это превышение было еще более значительным. В годы войны увеличился приток денежных знаков из других районов, подвергшихся оккупации. Денежный поток, хлынувший в восточные районы страны, по подсчетам специалистов, составил около 1/3 всей денежной массы, обращавшейся накануне войны в СССР²⁰.

Оседание у населения денежных средств вследствие сокращения производства товаров повседневного спроса и продовольствия (проходивших распределение через государственную торговлю) привело к резкому превышению цен на рынке. В этих условиях имевшиеся у трудящихся деньги значительно обесценивались. Поэтому политическое руководство и правительство в первую очередь приняли меры, направленные на ликвидацию последствий войны в денежном обращении и ценообразовании.

В условиях восстановления народного хозяйства была проведена денежная реформа, реорганизованы цены, восстановлена покупательная способность рубля, отменено жестко нормированное снабжение и осуществлен переход к более свободным формам распределения. Реформа была проведена на основе административных мер с привлечением рычагов и элементов социальной защищенности отдельных групп и слоев населения.

Подготовка к проведению денежной реформы, отмене карточной системы началась сразу после окончания войны. Для перехода к единой системе государственных розничных цен, в целях сближения высоких коммерческих цен с низкими пайковыми решенным ЦК ВКП(б) и советского правительства в сентябре 1946 г. на всей территории страны вводились новые промышленные пайковые цены на хлеб, масло, мясо, рыбу, сахар, соль²¹. По сравнению с 1940 г. они возросли в среднем в 3,6 раза, а цены на промышленные товары — в 2,2 раза²²

В целях компенсации данного повышения цен для работников, получавших от 300 до 900 руб. в месяц, вводилась ежемесячная доплата в размере 80—100 руб., названная «Хлебной надбавкой»²³. Одновременно с повышением пайковых цен снижены были коммерческие цены на промышленные и продовольственные товары.

Однако жесточайшая засуха и неурожай 1946 г. вынудили отложить отмену карточек и денежную реформу на один год. Относительно хороший урожай 1947 г., пополнивший продовольственный фонд страны и обеспечивший промышленность сельскохозяйственным сырьем, усиленная система контроля за специализированным аппаратом распределения позволили Совету Министров и ЦК ВКП(б) принять постановление (14 декабря 1947 г.) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»²⁴. Указанным постановлением были отменены высокие цены в коммерческой торговле и введены единые государственные цены на продовольственные и промышленные товары. Розничные цены на хлеб, муку, крупу, макароны были снижены в среднем на 10—12% против действовавших пайковых цен. На все остальные продукты питания, продававшиеся в государственной торговой сети, цены были несколько повышены или сохранены на уровне пайковых 1946 г. На важнейшие промышленные товары цены устанавливались на более высоком уровне по сравнению с ценами нормированного снабжения, но ниже коммерческих в среднем в 3 раза²⁵.

Одновременно была проведена денежная реформа. Старые деньги, находившиеся в обращении, обменивались на новые в отношении 10:1. При этом размеры номинальной заработной платы рабочих и служащих остались без изменения.

К числу последующих мероприятий по регулированию реальных доходов некоторых социальных групп можно отнести снижения цен, которые проводились в стране до 1954 г. Всего в результате семикратного снижения розничные цены в 1954 г. стали ниже уровня 1947 г. в 2,3 раза, в том числе на продовольственные товары -- в 2,6 раза, на промышленные изделия -- в 1,9 раза²⁶. Однако уровень цен оставался все еще высоким. Установившиеся в 1954—1955 гг. индексы государственных розничных цен на продовольственные товары составили 137%, а на предметы промышленного потребления -- 134% к ценам 40-х годов. Покупательная способность рубля приблизилась к довоенной, оставаясь ниже ее на 17%²⁷.

Размеры снижения, особенно на некоторые продовольственные товары, не соответствовали экономическим возможностям государства.

Это способствовало обострению товарного дефицита, оживляло спекуляционную и уменьшало по сравнению с расчетными данными выигрыш населения от снижения цен²⁸ (в последующие годы массовое снижение цен уже не проводилось). Цены на продовольственные товары в целом оставались стабильными и поднялись в 1960 г. против 1955 г. только на 1%²⁹.

Влияние этого мероприятия на уровень жизни для различных социальных групп было неоднозначным. От массового снижения цен в первую очередь выиграли семьи с высокими доходами, и прежде всего те, кто ближе находился к распределению, т.е. снабжению, торговле, что усилило дифференциацию в уровне потребления населения. В то же время нельзя забывать, что одним из источников быстрого снижения цен был почти бесплатный труд крестьян (более 3/5 всех занятых в сфере материального производства в СССР).

Снижение цен и повышение заработной платы некоторым категориям рабочих, работникам управленческого аппарата обеспечивались не только изменением финансовой политики, но и бесплатным трудом огромного количества заключенных в системе ГУЛАГа. В источниках и публикациях существуют различные оценки числа занятых в отраслях лагерной экономики, и они уточняются историками³⁰. Но однозначно — это та часть населения, которая создавала значительный объем материальной продукции, практически ничего за это не получая.

Массовое снижение цен с 1947 по 1954 г. сопровождалось извлечением у населения значительных сумм в виде государственных денежных займов. Нормы покупки облигаций устанавливались государственными плановыми органами к фонду заработной платы. В 1955 г. проводился новый заем, который среди широких слоев народа вызвал уже скрытый протест. Финансовые органы Дальнего Востока вынуждены были отмечать, что во многих районах «установленные размеры среди рабочих и служащих не были выполнены», лишь по ряду организаций выполнены с нужным процентом к фонду заработной платы³¹.

В целом финансовая государственная политика в 1947—1955 гг. стабилизировала процессы на потребительском рынке и имела большое значение, но главным образом она касалась населения городов и промышленных поселков. Рост реальных доходов к концу 4-й пятилетки обеспечил рабочим более высокий уровень потребления. Например, товары, которые в 1947 г. покупались на 1000 руб., в 1954 г. стоили 433 руб.³²

Цены на Дальнем Востоке снижались теми же темпами, что и по стране. Но указанные мероприятия в области послевоенной реорганизации цен для районов Дальнего Востока имели свои особенности. В частности, политическое руководство и плановые органы пошли на реорга-

низацию поясных наценок на продовольственные товары. Дальневосточный регион был отнесен по уровню цен к районам третьего пояса. На его территории устанавливались самые высокие поясные наценки (поясная дифференциация государственных розничных цен была введена в 1935 г. и просуществовала без изменений до 1946 г.). В результате реформы 1946 г. были внесены изменения как в количество поясов, так и в размеры разницы в ценах между поясами. Вместо существовавших ранее розничных цен на хлеб, крупу по восьми поясам, а на сахар, мясо, масло по четырем устанавливались повышенные розничные цены по трем поясам.

В конце 50-х годов сохранилось значительное повышение цен на рынках Дальнего Востока по сравнению со среднереспубликанскими (табл.3). Наблюдалось различие цен и между городами внутри региона. В городах, расположенных в местностях с более суровыми климатическими условиями (Оха, Петропавловск-Камчатский, Магадан), цены на сельхозпродукты на рынках были выше цен городов южной зоны региона. Основное воздействие на уровень цен колхозной торговли государство оказывало при помощи снабжения рабочих через сеть магазинов и столовых по устойчивым ценам.

В условиях слаборазвитой собственной продовольственной базы на Дальнем Востоке и зависимости региона от завоза продуктов из других районов государственная и кооперативная торговля обеспечивала лишь минимальную потребность в основных продуктах — хлебе, сахаре, жирах, крупах и др. Особенно это было характерно в первые послевоенные годы. Например, главная торгующая организация Камчатской области Рыболовпотребсоюз на 1 ноября 1953 г. получила в процентах к годовым плановым, т.е. нормированным, мяса — 55%, масла — 80%, сухофруктов — 30%, сухих овощей — 30%. Всего — 40—60%.

Весовой ржаной хлеб из обойной муки в зоне 1-го пояса в 1946 г. продавался по 3 руб.20 коп. за 1 кг, а на территории 3-го пояса, куда входили районы Дальнего Востока, — по 3 руб.60 коп. Батон из муки первого сорта весом 0.5 кг продавался соответственно по 7 руб.50 коп. и по 9 руб.50 коп., сахар-песок — по 12 руб. и 15 руб. за кг и т.д.⁵³ В 1953 г. цены на мясо на Дальнем Востоке были выше цен центра РСФСР, отнесенного к первому поясу, от 9,7% до 25%, на рыбу — от 17% до 50%, сахар — от 21% до 24%, хлеб — на 4%, масло растительное на 16%, молоко 61%⁵⁴. Розничная цена на литр молока на Украине была 1 руб.20 коп., а в Камчатской области 2 руб.90 коп.⁵⁵ Розничная цена на хлеб в Сахалинской области равнялась 3 руб.30 коп., рнс — 9 руб.60 коп. В то же время цены на хлеб в центральных районах страны не превышали

Таблица 3

Цены на сельхозпродукты на рынках городов центральных районов РСФСР и Дальнего Востока в 1958 г. (в руб. за кг)

Наименование продуктов	Воронеж	Пенза	Южно-Сахалинск	Оха	Комсом.-на-Амуре	Хабаровск	Владивосток
Картофель	1.50-1.00	1.25-1.00	3.50-4.00	4.50-6.00	2.50	2.80	2.50
Говядина	17-18.00	18-20.00	25-30.00	40.00	27.00	27.00	23.00
Свинина	18-20.00	18-22.00	25.00	40.00	28-30.00	28-30.00	30.00
Молоко	2.50-3.50	3-4.00	4-5.00	8-10.00	3.50	4.50	5.00
Яйца за дес.	15-13.00	16-14.00	35-20.00	40-35.00	15.00	21.00	15.00

Примечание: Таблица составлена на основе источников: ГАРФ. Ф.374. Оп.31. Д.2062. Л.88; ГАСО Ф.54. Оп.1. Д.509. Л.72; ГАПК. Ф.46. Оп.2. Д.86. Л.1.

2 руб.60 коп., рис — 8 руб. за 1 кг. На картофель, яйца цены в Сахалинской области были выше цен центра РСФСР в 1,5 и в 3,5 раза³⁶.

Таким образом, поясная дифференциация цен на продукты, реорганизованная в 1946 г., по-прежнему оставалась значительной. В таком виде часть средств, выплаченных как льготные надбавки вновь возвращалась в государственный бюджет. Но это оставалось тайной страницей советской социальной политики.

Согласно опубликованным данным, уровень цен на Дальнем Востоке в 40—50-е годы был выше, чем в центре РСФСР, районах первого пояса, на 8—30%. Но анализ архивных данных показывает, что поясные наценки на продукты, особенно в Сахалинской, Камчатской областях, были еще выше и составляли на высококалорийные продукты — мясо, молоко, яйца, овощи — 300—400%³⁷.

На Дальнем Востоке выше средних были и цены на продукты на колхозных рынках. Особенно это проявилось в 1947—1949 гг., когда в целом по РСФСР цены на колхозных рынках централизованными мерами были снижены в 4 раза³⁸. Так, в Хабаровске в декабре 1954 г. цена на картофель за 1 кг в госторговле была 0,75 коп., на рынках — 2 руб.50 коп., т.е. в 3,3 раза выше, капуста соответственно — 1 руб. и 3 руб., мясо — 13 руб.50 коп. в госторговле, на рынке — 30 руб. за 1 кг. Розничная цена молока — 3 руб.60 коп., на рынке — 4 руб.50 коп.³⁹

Некоторая часть городского населения Камчатской области получала определенную долю продуктов с индивидуальных огородов и личных подсобных хозяйств. Но большинство населения северо-восточных районов такие продукты, как молоко, мясо, овощи, картофель, в 40—50-е годы могло покупать только на рынке⁴⁰. Поэтому рыночные цены были в среднем очень высокими. На мясо цена была от 55 до 80 руб., молоко — от 12 до 15 руб. в зависимости от сезона⁴¹.

Высокие рыночные цены, поясные наценки на продовольственные товары значительно снижали реальные доходы дальневосточников. Если уровень заработной платы у рабочих и служащих по РСФСР увеличился в 1958 г. по сравнению с 1950 г. на 54 %, то у рабочих и служащих Дальнего Востока — на 52%⁴². Так, за счет поясной разницы в ценах прожиточный минимум на Камчатке был выше общереспубликанского на 20—22%⁴³.

Высокий прожиточный минимум населения региона был связан с повышенными расходами на питание. Удельный вес расходов на питание в структуре семейных бюджетов служит адекватным показателем материального благосостояния: чем ниже расходы на питание, тем, как правило, выше общий уровень потребления, и, следовательно, жизненный уровень.

В рассматриваемый период питание было основной расходной статьей в бюджетах рабочих Дальнего Востока. По данным бюджетных обследований семей ведущих отраслей промышленности региона, удельный вес расходов на питание в 50-е годы составлял в среднем от 33 до 48%⁴⁴. (Без учета поступлений от огородничества, широко распространенного в те годы).

Расходы на питание зависели от среднедушевого дохода в семье: чем выше был денежный доход на одного члена семьи, тем больше расходовалось средств на питание, но при этом меньше был их удельный вес в общих семейных доходах. В Приморском крае в 1955 г. семьи с доходом на члена семьи до 300 руб. в месяц тратили на питание до 49% семейного бюджета, в то время как в семьях с доходом 1200 руб. в месяц эта доля составляла только 26,4%⁴⁵.

В данной связи важно отметить, что количество семей рабочих Дальнего Востока со среднедушевым доходом от 600 до 900 руб. и выше в общем составе рабочих региона постепенно возрастало. Но расходование на питание более половины семейного бюджета свидетельствует о крайне низком уровне материальной обеспеченности рабочих. При этом следует учитывать важнейший исторический фактор: советский народ, страна перенесли тяжелейшую войну XX в.

Для периода 1946—1955 гг. было характерно решение главной задачи, связанной с жизненной потребностью в пище. Именно «картина» питания (душевое потребление, рацион, расходы на питание, источники поступления продуктов, удельный вес на питание в общих бюджетах и ряд других показателей) наиболее полно характеризует уровень и степень обеспеченности населения в соответствии с его ценностными ориентациями тех лет. Решение продовольственной проблемы было одной из самых сложных задач. Война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству страны. Валовое производство зерна сократилось с 96,6 млн.т в 1940 г. до 47,3 млн.т в 1945 г., мяса — с 4,7 до 2,6, картофеля — с 76,1 до 58,3 млн.т. Почти в два раза меньше было произведено животного масла, в 4,5 раза — сахара⁴⁶.

В первые послевоенные годы из-за ограниченности государственных рыночных фондов продовольственных запасов после сильной засухи в 1946 г., а также вследствие существовавшей системы распределения продуктов в виде фондов, выделяемых в зависимости от расположения регионов, в торговой сети Дальнего Востока в 1946—1955 гг. были очень частые перебои с товарами первой необходимости. Государственное и кооперативное снабжение не могло полностью удовлетворять спрос населения. В магазинах городов и промышленных центров не хватало картофеля, мяса, овощей, молока, случались частые перебои в снабжении хлебом. В такой ситуации политическое руководство страны пошло на значительное развитие подсобных хозяйств при промышленных предприятиях. Развитие подсобных хозяйств было одним из главных средств, которое подкрепляло действующую государственную политику распределения продовольствия в послевоенную пятилетку и сглаживало противоречия в самой распределительной системе.

Распределение хлеба осуществлялось по технократическому принципу: приоритет принадлежал рабочим и служащим, занятым в ведущих отраслях промышленности. При этом урезывались нормы для колхозников, но по-прежнему оставались высокими для партийно-государственной номенклатуры и членов их семей. Следовательно, уровень потребления продуктов, их качество зависели не только от наличия денежных знаков и числа членов семьи, но и от социально-профессионального должностного статуса главы семьи.

Трудности в сельскохозяйственном производстве заставили правительство пойти на то, чтобы разрешить городскому населению заниматься индивидуальным огородничеством и животноводством. (Постановления от 23 ноября 1945 г. «О развитии индивидуального животноводства и птицеводства среди рабочих и служащих», от 24 февраля 1949 г. «О коллективном и индивидуальном огородничестве рабочих и служа-

ших»⁴⁷). Личное подсобное хозяйство как источник поступления картофеля, овощей, мяса, птицы, молока имело большее значение для рабочих и служащих Дальнего Востока, чем для рабочих РСФСР в целом. По таким продуктам, как картофель, яйца, овощи, сало, подсобное хозяйство оставалось основным и единственным источником поступления для большинства рабочих и служащих (см. таблицу 3).

Подсобные хозяйства и приусадебные участки широко были распространены прежде всего у рабочих, живущих в небольших городах, рабочих поселках и занятых в лесной и деревообрабатывающей, горнодобывающей и угольной промышленности дальневосточного региона.

Среди рабочих чаще вели хозяйство семьи с большим количеством иждивенцев и низкооплачиваемые. Основная часть продуктов с приусадебных участков, из хозяйств рабочих шла на личное потребление, а не реализовывалась на рынке. На Дальнем Востоке был один из самых низких показателей покупки рабочими продуктов питания на колхозных рынках (16,2%), в центре — 26%, в Поволжье — 32,8%, на Северном Кавказе — 44,6%⁴⁸. На протяжении десяти послевоенных лет огороды и личные подсобные хозяйства в семьях рабочих и служащих Дальнего Востока играли огромную роль в увеличении запасов продуктов и улучшении питания.

Таким образом, в экстремальных условиях послевоенного времени социальные группы населения Дальнего Востока, оказавшиеся в самом тяжелом положении, использовали так называемую «этику выживания». Это, в свою очередь, создавало своеобразный психологический климат во взаимоотношениях народных масс и политиков.

Народной «этике выживания» сопутствовал жесткий политический и административный контроль за развитием пищевой промышленности и других отраслей, которые обеспечивали улучшение условий жизни. Другими словами — социальная политика соответствовала состоянию общества.

Развитие пищевой промышленности на Дальнем Востоке явилось следствием перераспределения капиталовложений после августовской (1953 г.) сессии Верховного Совета СССР. Курс на социальную переориентацию экономики, даже в рамках жесткого планирования, дал реальные результаты на практике. Это проявилось на Дальнем Востоке, во-первых, в развитии рыбной промышленности — увеличение вылова рыбы и выпуска рыбных консервов и морепродуктов⁴⁹. Во-вторых, расширились мощности предприятий, выпускавших хлебобулочные изделия. В-третьих, стала создаваться новая отрасль на Дальнем Востоке — производство овощных и фруктовых консервов. Промышленность Даль-

него Востока в те годы производила сахар (Приморский край), кондитерские изделия выпускались во всех краях и областях. В послевоенные годы начала создаваться маслосыродельная и молочная промышленность на Сахалине, в Амурской области⁵⁰.

Увеличение производства в пищевой промышленности, поставки сельскохозяйственной продукции как местного производства, так и завоз ее из других регионов страны позволили несколько увеличить продажу продовольствия населению в дальневосточном регионе в 1950—1955 гг. В Приморском крае в 1952 г. было продано мяса на 13%, жиров на 12,5% больше, чем в 1951 г. За 1953 г. продуктов (мяса, рыбопродуктов, жиров, сахара, кондитерских изделий) было продано на 3000 млн.руб. больше, чем в 1952 г.⁵¹ В 1955 г. продовольственные товары в структуре розничного и общественного питания государственной и кооперативной торговли составили, например в Приморском крае 56,4%⁵². О соотношении государственной торговли, рынка и личного подсобного хозяйства в снабжении рабочих такими продуктами, как мясо, молоко, овощи, картофель, к середине 50-х годов говорят данные табл. 4.

В первой половине 50-х годов, как и в конце 40-х, в снабжении рабочих юга Дальнего Востока огромное значение имели поступления от личного подсобного хозяйства, огородов. Это социально-экономическое явление, а также изменения в денежных доходах при уравниль-

Таблица 4

Источники поступления продуктов питания в семьях рабочих Приморского края в 1953 г. (%)

Наименование продуктов	Всего поступило	В том числе куплено в гос. торговле и общ. питании	В процентах по всему поступлению	
			куплено на колхозных рынках	поступило из личных подсобн. хозяйств
Картофель	100	6	23	71
Овощи	100	33	16	51
Мясо, птица	100	42	11	47
Яйца	100	0.6	8.1	91.3
Сало	100	-	-	100
Молоко	100	3	28	69

Примечание: ГАПК. Ф.26. Оп.33. Д.467. Л.38; Ф.131. Оп.9. Д.976. Л.18.

ной тенденции, стабилизация финансовой системы, идеологические установки, весь общественно-политический подъем после победы над Германией создавали атмосферу уверенности, спокойствия среди дальневосточников, даже несмотря на многие дефициты и постоянные очереди.

К тому же вопросы снабжения рабочих, преимущественно занятых в наиболее важных для государства отраслях, регулировались через систему общественного питания. Это также доказывает «служилый» характер советской социальной структуры.

Снабжение рабочих и служащих через сеть столовых получило широкое распространение в военные и первые послевоенные годы. Так партийно-государственный аппарат применял методы «льгот» для определенной части рабочих. Однако после окончания войны объем этих «льгот» сокращался. В 50-е годы произошло уменьшение доли расходов на питание рабочих в общественных столовых, буфетах и т.д. Только 50% работающих могли регулярно пользоваться услугами общественного питания.

В Приморском крае доля общественного питания в общем объеме товарооборота в 1949 г. составляла 15,7%, тогда как в 1945 г. через столовые шло основное снабжение рабочих продовольствием. В дальнейшем произошло уменьшение как общего товарооборота общественного питания, так и его удельного веса в объеме товарооборота: в Приморье — до 13,5%⁵³, на Сахалине — 12% (1955 г.)⁵⁴. Объясняется столь незначительная роль общественного питания в снабжении рабочих не только ограниченным числом предприятий общественного питания, но и высокими ценами в столовых и буфетах.

Рацион питания дальневосточников, в частности рабочих и большинства служащих, в первые послевоенные пятилетки мало чем отличался от рациона большинства населения страны. Он состоял из ограниченного набора продуктов: хлеб из ржаной муки грубого помола, картофель, крупа. Очень ограниченным было потребление мяса, жиров, молочных продуктов, сахара. Но уже во второй половине 50-х годов увеличилось потребление молока и мяса. Среднедушевое потребление сахара, мяса, жиров в дальневосточных семьях было меньшим, чем в среднем по РСФСР (табл.5). На долю продуктов животного происхождения в рационе дальневосточников приходилось 17%, тогда как в Москве, Ленинграде 27—28%⁵⁵. Хлеб и хлебопродукты составляли 27,3%, картофель — 23,6%, молоко — 12%.

Статистика свидетельствует, что потребление продуктов питания регулировалось не только по территориальному признаку, но и по до-

лжностному статусу работающего, а также зависело от квалификации рабочего. Само включение в бюджетные обследования данных об уровне потребления в зависимости от квалификации рабочих указывает, что существовала политическая установка поддерживать квалифицированных рабочих. Тем самым контролировался уровень потребления продуктов и промышленных товаров.

Анализ всех видов источников показывает, что реальные доходы дальневосточников на протяжении 1945—1955 гг. были в значительной степени дифференцированы. Мероприятия, которые разрабатывала и проводила в жизнь партноменклатурная элита тех лет, строго учитывали

Таблица 5

Среднедушевое потребление продуктов питания в семьях
рабочих-дальневосточников в 1955 г., кг

Наименование продуктов	РСФСР	Восточная Сибирь	Дальний Восток
Мука, хлеб, макаронные изделия	153,6	159,6	172,8
Картофель	128,4	146,4	145,2
Овощи и бахчевые	74,4	52,2	54,0
Сахар и кондитерские изделия	32,4	27,6	26,4
Мясо и мясопродукты	38,4	43,2	26,4
Молоко	74,4	75,6	75,6
Яйца (шт.)	96,0	76,8	67,2

Примечание. Источник: РГАЭ. Ф.1562. Оп.26. Д.427. Л.115.

социально-профессиональный признак. В центре внимания находились отдельные группы рабочих и служащих, инженерно-технических работников, занятые в приоритетных отраслях региона. В меньшей степени учитывались интересы таких профессиональных групп, как врачи, учителя. На первом же плане были соответственно интересы партноменклатуры. Таким образом воспроизводилась служивая социально-профессиональная структура, именно она соответствовала тоталитарному политическому режиму, составляя социальное ядро советского общества.

Колхозники оставались самой эксплуатируемой группой в советском обществе. При этом 50% всего сельскохозяйственного налога приходилось на доходы от скота, находившегося в подсобном хозяйстве у

крестьян⁵⁶. Труд колхозников использовался на лесозаготовках, и труд его в отличие от профессиональных рабочих оплачивался минимально. Если колхозник работал всю зиму, то в итоге оставался еще должен государству примерно 1 тыс. руб.⁵⁷ Крестьяне пытались стихийно выразить свой протест. Несмотря на все указы, колхозники «правдами и неправдами» покидали колхозы, пытаясь официально поступить на работу в леспромхозы. Стремление изменить свой социальный статус являлось своеобразной формой «этики выживания» и реакцией колхозников на проводимую социальную политику. При этом налоги с крестьян, их почти бесплатный труд в колхозах, принудительная работа на лесозаготовках составляли один из источников снижения цен, проведенного в 1947—1954 гг.

Лишь после смерти Сталина политика по отношению к крестьянам начинает меняться. Новый закон, принятый в интересах крестьян в августе 1953 г., снизил налог с приусадебных хозяйств в два раза и отменил обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов с них. Были повышены заготовительные закупочные цены на основные продукты. К концу 50-х годов они выросли в 3 раза.

Эти мероприятия способствовали улучшению условий жизни дальневосточного крестьянства. Увеличились денежные доходы на одного трудоспособного колхозника с 2098 руб. в 1950 г. до 3943 руб. — в 1955 г. До войны, в 1940 г., они составляли 1138 руб.⁵⁸ К середине 50-х годов был достигнут довоенный уровень денежных отчислений на трудодни. В колхозах Дальнего Востока крестьянам выдавалось на руки от 33,5 до 39% от общих денежных доходов⁵⁹. По сравнению с 1940 г. увеличилась выдача зерна и денег на трудодень в Хабаровском и Приморском краях. Наиболее низкие выдачи на трудодень были у колхозников Амурской области. Здесь на трудодень выдавали зерна меньше, чем в 1940 г., денежные выплаты увеличились незначительно. Выдача картофеля на трудодни в дальневосточном регионе была нехарактерной и минимальной.

Если учитывать индекс удорожания проживания в условиях Дальнего Востока, то материальное положение крестьянства к середине 50-х годов было хуже, чем в центральных и западных районах страны. Крестьяне-дальневосточники в 1946—1955 гг. получали настолько мало на трудодни в колхозе, что денег не хватало даже на товары первой необходимости: соль, керосин, спички, одежду.

Несколько иной была система оплаты труда небольшой части крестьянства — колхозников-механизаторов, работавших в МТС. Партийно-государственный аппарат и в этой сфере диктовал условия оплаты и

контролировал дифференциацию оплаты. Для этой социально-профессиональной группы был установлен твердый гарантированный минимум — 3 кг зерновых и 2 руб.50 коп. на трудодень, независимо от итогов хозяйственного года в колхозе. По решению февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б), гарантируемый минимум стал выдаваться при условии, если на участке колхоза, обработанном данной тракторной бригадой, будет достигнута урожайность не ниже плановой. При невыполнении плана все равно гарантировался минимум: 2 кг зерна на трудодень⁶⁰. Но и это было выше, чем получали так называемые рядовые колхозники. Кроме того, оплата труда механизаторам была дифференцирована даже в зависимости от марки и вида машины, на которой он работал. И это все устанавливалось и контролировалось центральным государственным аппаратом. Специальным распоряжением Совета Министров СССР от 29 апреля 1949 г. временно применялась норма выработки, при которой оплата труда при работе на комбайнах типа «Коммунар» устанавливалась с учетом увеличения для комбайнеров и денежных сумм, и количества зерна в день на 20%⁶¹.

На особом положении находился административно-управленческий аппарат, получавший твердое содержание. Он, обладая властью, увеличивал средства на собственное содержание. Например, в 1948 г. в колхозах Приморья на его содержание только перерасход составил 77 тыс. руб.⁶²

Таким образом, к середине 50-х годов в результате социальной политики разные группы населения Дальнего Востока в значительной степени различались по источникам и размерам доходов. На низшей ступени доходно-имущественной лестницы стояли крестьяне-колхозники, которые не имели никаких социальных гарантий. В отличие от рабочих, интеллигенции и служащих колхозникам до середины 50-х годов оплачивались отпуска и пенсии лишь в отдельных артелях.

Колхозники в меньшей степени, чем рабочие, имели возможность получать дополнительный доход из общественных фондов потребления. Отсюда неразвитость медицинского обслуживания в сельской местности, очень мизерные ассигнования на развитие культуры, крайне урезанное пенсионное обеспечение. Крестьяне даже не имели на руках паспортов и не могли покинуть по своему желанию деревню. Будучи производителями сельскохозяйственной продукции, они питались хуже, чем жители городов.

Для крестьянства был характерен ярко выраженный картофельно-хлебный тип питания. Крестьяне-дальневосточники меньше, чем рабочие, употребляли мяса, растительных жиров, сахара, яиц⁶³. Лишь после

1953 г. политическое руководство страны разрешило крестьянам оставлять в личное пользование более значительную, чем прежде, часть продуктов, произведенных в личном подсобном хозяйстве.

Сельское население испытывало чрезвычайные трудности в приобретении самых элементарных и необходимых промышленных товаров. По материалам проверки состояния торговли в сельской местности в 1955 г. в Приморье из 264 проверенных магазинов в 20 в продаже не было даже соли⁶⁴. Аналогичное положение существовало и в других районах Дальнего Востока. Трудности в обеспечении сельского населения в 1946—1952 гг. солью и керосином приобрели такой характер, что правительство приняло специальное постановление о снабжении сельского населения керосином⁶⁵. В 1946—1955 гг. для населения Дальнего Востока, особенно для сельского, было большой проблемой и приобретение одежды и обуви. В послевоенной нищете все категории населения были бедны по-разному.

А на самой низкой ступени социальной иерархической лестницы находилась такая группа, как узники ГУЛАГа. Репрессивный политический режим формировал несколько неоднородных слоев осужденных. Это были заключенные в лагерях, спецпоселенцы и т.д. Дальний Восток являлся одним из регионов спецпоселений. В 1950 г. в Амурской области проживало 17870 чел. спецпоселенцев, в Сахалинской области — 3952 чел., к Дальстрою было приписано 28766 чел.⁶⁶. Жизнедеятельность этих людей строго регламентировалась правительственными постановлениями. Они в принудительном порядке были направлены на предприятия Дальнего Востока, которые подчинялись 49 министерствам. В 1945 г. вышло в свет постановление Совета народных комиссаров (от 8 января №35) «О правовом положении спецпоселенцев»⁶⁷. Эти люди не имели права выбора места работы; за нарушение трудовой дисциплины они привлекались к строгой ответственности; не имели права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района поселения.

Документ, регламентирующий жизнь этой группы людей, был подписан заместителем председателя СНК Союза ССР В. Молотовым и управляющим делами СНК Я. Чадаевым. Описание условий жизни можно найти в докладе Л. Берии, бывшего в те годы наркомом НКВД СССР. Этот доклад он направил И.В. Сталину и В.М. Молотову: «Баракы старые, медпункты, бани и другие коммунальные помещения не оборудованы необходимым инвентарем, многие из них не освещены из-за отсутствия керосиновых ламп»⁶⁸. Содержание и стиль документа показывают, что описание содержит далеко не все детали реальности. Спецпоселен-

цы получали крайне мизерную плату, которая могла лишь кое-как поддерживать их физическое существование.

Спецпоселенцы, спецпереселенцы, выселенцы обретались в непригодных для жилья помещениях. Местное население, само испытывавшее большие трудности с жильем, обязывалось упомянутым постановлением «уплотняться» с целью расселения репрессированных. Термин «уплотняться» очень ярко отражает отношение партийно-государственной номенклатуры к остальному населению. В местах поселения на 1 января 1956 г. находилось 9281 одиноких стариков и инвалидов, в том числе по Дальнему Востоку и Крайнему Северу — 2234 чел. Свыше тысячи детей-сирот спецпоселенцев, потерявших родителей на поселениях, оставались без крова и защиты. Посещать школы могли только 20% детей из-за отсутствия не только школ, но и одежды, обуви в этих семьях⁶⁹.

В число осужденных входили и бывшие партийно-государственные руководители и служащие, рабочие и колхозники-крестьяне. Все они в заключении занимались тяжелым физическим принудительным трудом, который в свою очередь составлял неотъемлемое звено всей распределительной системы.

В сослови осужденных удельный вес рабочих и членов их семей составлял в 1940 г. 35%, в 1945 г. — 40%. в 1947—1949 гг. произошло некоторое снижение этого показателя, но с 1950 г. их удельный вес снова стал расти, достигнув в 1953 г. 48,1%. Насколько регулировались пропорции, трудно сказать, но все-таки определенная закономерность прослеживается.

В составе осужденных крестьяне-колхозники составляли в 1940 г. 26,6%, в 1953 г. — 21,9%. На долю крестьян-единоличников (после сплошной коллективизации) приходилось в 1945 г. 2,4%, в 1952 г. — 7%. Число служащих и членов их семей в составе осужденных колебалось от 16,7% в 1945 г. до 21,9% — в 1953 г. Рост, наблюдавшийся в 1948—1952 гг., объясняется введением закона «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». За один год было осуждено 200 тыс. чел., а за 8 лет — 1,3 млн. чел.⁷⁰

О том, что количественно потоки регулировались, свидетельствуют лишь косвенные примеры. В частности, В.П. Попов приводит данные о планировании строительства новых лагерей. Он же, исследуя состав осужденных, приходит к выводу об отсутствии криминальных наклонностей народа. Шла бесперебойная работа репрессивного аппарата по регулированию дешевой рабочей силы.

Регулирование социальных отношений с помощью репрессий, карательных мер составляло особое звено в социальной политике тех лет.

Война, приведшая к гибели значительной части мужчин, обрекла женщин не только на тяжелый физический труд, но и повлияла на увеличение числа женщин среди осужденных. После завершения войны их количество среди осужденных удвоилось; их удельный вес увеличился с 17,2% до 39,1%⁷¹. Все это генетически отрицательно сказывалось на нравственном и физическом состоянии общества.

Условия жизни узников ГУЛАГа очень широко и детально описаны в многочисленной мемуарной литературе. Но здесь в качестве примера можно привести официальный документ — постановление Совета Министров СССР №4293—170300 от 20 ноября 1950 г. В соответствии с ним, заключенные за свой труд получали заработную плату. Она исчислялась, исходя из пониженных тарифных ставок и окладов (до 30%), с применением сдельно-прогрессивной и премиальной систем оплаты труда⁷².

Таким образом, сталинский социально-экономический строй создавался при помощи могучей системы послушания. Именно системе послушания принадлежала главная роль в создании крайне дифференцированного уровня жизни советских людей.

Строго централизованное управление народным хозяйством наряду с ценностными ориентирами в те годы определяло и систему иерархий в развитии производства в различных регионах страны. Весь хозяйственный комплекс делился на производство группы А и группы Б. Деление на два сектора имело решающее значение в формировании материальных условий жизни, влияло на уровень потребления товаров первой необходимости. Сложившаяся ситуация с выпуском товаров первой необходимости в послевоенные годы исправлялась с помощью постоянного контроля со стороны политических и государственных органов центра.

В 1948 г. Госплан РСФСР совместно с Министерством местной промышленности и управлением промысловой кооперации при Совете Министров РСФСР разработали мероприятия по «ускорению развития местной промышленности в районах Урала, Сибири и Дальнего Востока». В 1953 г. Совет Министров РСФСР рассматривал вопрос по Хабаровскому краю. Речь шла о расширении производства мебели, посуды, утюгов и т.д. В 1955 г. в Госплане РСФСР вновь рассматривался вопрос о производстве товаров широкого потребления в Хабаровском крае, Приморье и на Сахалине. Впервые в советской истории государственные органы пошли на перераспределение капитальных вложений по отраслям на Дальнем Востоке⁷³, учитывая необходимость развития тех отраслей, которые производили товары первой необходимости для населения.

Это позволило в некоторых районах Дальнего Востока увеличить производство продукции пищевой промышленности. Так, в Приморье производство сахара в 1955 г. увеличилось почти в 3 раза⁷⁴. Однако к середине 50-х годов промышленность республики, в том числе и региона, так и не смогла выйти на такой уровень, чтобы в минимальной степени удовлетворять потребности населения в самых элементарных и необходимых вещах. Анализ уровня доходов, трудности обеспечения региона продовольствием и промышленными товарами свидетельствуют о том, что был достигнут лишь так называемый минимум благосостояния*. Аналогичная картина наблюдалась и в обеспечении населения жильем, медикаментами и другими услугами.

Необходимость восстановления жилья в разрушенных войной районах оказала решающее влияние на перераспределение средств по регионам, в том числе тех средств, которые шли на развитие социально-бытовых учреждений. Хотя война в меньшей степени коснулась районов Дальнего Востока, состояние жилого фонда, учреждений здравоохранения, просвещения, быта в первое послевоенное десятилетие было крайне тяжелым. Проявились и отрицательные последствия освоения Дальнего Востока в довоенный период. Здесь практически с 1938 по 1952 г. не велось жилищное строительство «по линии исполкомов». Значительная часть жилого фонда принадлежала различным министерствам и ведомствам. Жилой фонд местных Советов на Дальнем Востоке в начале 50-х годов состоял из муниципализированных и реквизируемых преимущественно мелких строений. Его удельный вес в Приморье, Хабаровском крае составлял 10—11 %, в Амурской области еще ниже⁷⁵. В 1945—1950 гг. на одного человека приходилось в Приморье 3-3,5 кв.м, в Петропавловске-Камчатском и большинстве населенных пунктов Камчатки — от 1,9 до 3,6 кв.м. В Корякском национальном округе 50% колхозников продолжали жить в землянках⁷⁶. Многие и городские семьи Дальнего Востока проживали в землянках, бараках. Так, во Владивостоке в 1953 г. 10 тыс. семей ютились в бывших корейских и китайских фанзах, землянках, подвальных помещениях. Если учесть, что средняя городская семья, по бюджетным обследованиям, состояла из 4—4,5 чел., то получается цифра 40—45 тыс. чел. Это приблизительно составляло около 18—20% населения города. Положение с жильем обострилось во многих районах юга Дальнего Востока в связи с последствиями наводнений 1950 г. В Уссурийске (Ворошилове) в 1950 г. (июль) затопило 1 тыс. домов, сотни семей лишились крова. Крайне тяжелое положение было с жильем в

* Автор опирается на понятие «минимум благосостояния», которое разработано в книге «Реальные доходы населения». М., 1988. С.264.

1946—1950 гг. на Сахалине. «В Южной, освобожденной от японцев части Сахалина, нет жилых построек, которые даже в малой степени напоминали бы жилье... В холодных легких постройках, отапливаемых железными печами, на одного человека приходится 1,5—2 кв.м жилой площади»⁷⁷. Так описывал ситуацию тех времен секретарь Сахалинского обкома ВКП(б) Д. Мельник. Причем, на Северо-Востоке у занятых рабочих и служащих в промышленности и узников ГУЛАГа в жилищных условиях эта разница была минимальной. Как те, так и другие проживали в тяжелейших условиях. Например, в среднем на одного проживающего в районах Магаданской области было 1,2—2 кв.м, в лагерях Дальстроя 1—1,5 кв.м⁷⁸. (Безусловно, речь идет только о качестве жилья и размерах площади).

Сложной проблемой для дальневосточников в те годы была возможность попасть в баню. Для живущих в 90-е годы, возможно, это покажется несерьезным, но для людей того времени проблема была первостепенной. Большинство городов региона не имело водопроводов и канализации. В Благовещенске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, в городах Сахалина в 1946—1955 гг. в весенне-летние периоды резко возрастало число заболевших из-за различных инфекций, возрастала детская смертность.

В условиях тоталитарной системы, жесткой централизации распределения капиталов на строительство домов, бань, школ, больниц единственный путь пополнить ничтожно малые средства было обращение местной номенклатуры в главный политический центр, непосредственно к главным руководителям. Такой метод использовался всеми партийными органами. Это была норма советской социально-политической действительности, взаимоотношений центра и регионов. В 1945—1953 гг. с Дальнего Востока последовала целая серия писем на имя И.В. Сталина, Г.М. Маленкова, секретарей ЦК, Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. В них сообщалось о крайнем тяжелом и бедственном положении в районах Дальнего Востока с обеспечением населения жильем, банями, услугами здравоохранения, школами, детскими садами. В них содержалась «просьба» повлиять на различные министерства и ведомства, которые не выполняли правительственные постановления⁷⁹. В результате колониального отношения к районам Дальнего Востока государство в лице министерств рыбной, лесной, угольной промышленности не осваивались даже те малые средства, которые выделялись краям и областям региона. В 1946—1950 гг. в Приморском крае, например, доля на развитие жилищного строительства составляла 13%, в 1950—1955 гг. — 13% всех капиталовложений; в РСФСР соответственно 13—16%⁸⁰. В 1946—1955 гг. на юге Дальнего Востока на долю государства приходилась примерно 1/3 строящегося жилья, а осталь-

ное относилось к индивидуальному строительству, осуществлявшемуся рабочими, служащими и крестьянами. Большинство индивидуальных домов в те годы сооружались из дерна и плетня⁸¹.

На Северо-Востоке в большей своей части индивидуальный сектор представлял небольшие неблагоустроенные и временные дома. Это было закономерно. Одним словом, одно из последствий технократического принципа партийно-государственной линии «привлечения кадров». В тех условиях население прибывало с временными настроениями и с определенными ценностными установками — заработать и вернуться затем в родные края. Оно не было заинтересовано в создании собственного постоянного жилья. И чем ближе к нам время, тем больше требовалось государственного жилья для вновь прибывшего населения. «Новоселы» в целом по Дальнему Востоку в меньшей степени имели собственные дома, больше жили в государственных квартирах, в значительной степени снимали частные квартиры. Причем тенденция эта постоянно нарастала (см. табл. 6).

Для сельского населения, крестьянства строительство собственного дома в 1946—1955 гг. было единственным путем улучшения своих жилищных условий, т.е. крестьяне сами заботились об обеспечении себя жильем. Но строительство жилья в сельской местности, в особенности для крестьян на собственные средства, фактически стало возможным только во второй половине 50-х годов, когда увеличились их доходы.

Система жилищных отношений, сложившаяся еще в довоенные годы, несла в себе много элементов социальной несправедливости, скрытых от современников. Анализ, проведенный О.Э. Бессоновой, свидетельствует, что в 1943 г. произошло слияние подоходного налога с целевым жилищным сбором⁸². Это означало, что люди, не имевшие никаких квартир и собственных домов, участвовали в финансировании жилищного фонда. Однако эта «метаморфоза» была облечена в идеологическую пропагандистскую формулу «низкой» денежной квартирной платы в СССР.

Динамика жилищных условий (т.е. способы и сроки) при административно-распределительной системе в очень большой степени различалась в зависимости от социального статуса семьи (в какой отрасли работал глава семьи, какую занимал должность и т.д.). Так и жилищные отношения закрепляли социально-профессиональную служилую структуру населения Дальнего Востока.

Но в первое послевоенное десятилетие элементы социальной несправедливости и противоречия в механизме обеспечения жильем сглаживались тем, что плата зависела от качества жилья. Поступления в бюджет в виде квартирной платы увеличивались с ростом заработной платы и улучшением качества жилья. Для различных категорий плательщиков в те годы тарифная ставка за 1 кв.м колебалась в пределах от

Обеспеченность жилой площадью населения в зависимости от времени
оселения на Дальнем Востоке, в %

Годы вселения	Удельный вес в гос. кв.	Доля проживающих в частных кв.	Доля благоустроенного жилого фонда	В собственных домах
До 1940 г.	46,4	0,8	11,2	52,8
1941—1950 гг.	58,2	1,6	17,2	40,2
1951—1955 гг.	63,4	3,3	16,2	34,3
1956—1960 гг.	71,7	3,5	12,7	24,8
1961—1965 гг.	-	-	-	21,3

Примечание. Таблица взята из источника: Л.Л. Рыбаковский. Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока. Хабаровск, 1959. С.82.

44 коп. до 1 руб. 32 коп.⁸³ Это была своеобразная форма регулирования корпоративно-групповых интересов партийно-советской бюрократии и других социально-профессиональных групп.

Жилищные отношения в регионе, как и в целом по СССР, были основаны на административных принципах, внешней бесплатности. Они не имели правового механизма защиты против волюнтаризма. Профсоюзы, призванные защищать интересы различных социально-профессиональных групп, в условиях тоталитарного режима не могли выполнять этих функций.

Модель жилищных отношений, созданная партийно-государственным аппаратом, его устраивала. Она давала возможность распределять и перераспределять жилье в собственных интересах. В общественной практике региона было много таких конкретных примеров. В 1956 г. Приморский крайком КПСС обратился в Совет Министров РСФСР с «ходатайством о выделении дополнительных капиталовложений на жилищное строительство восьмиквартирного дома для размещения направленных по линии ЦК ВКП(б) на работу в край руководящих партийных и советских работников». Совет Министров РСФСР выделил деньги, но за счет изменений ассигнований на эту же сумму строительства жилого дома во Владивостоке⁸⁴. Подобные факты тех лет были не единичны, но их объединяло одно: они являлись секретной информацией для населения. Для командно-административной системы государственное, особенно ведомственное жилье, было рычагом закрепощения работника. Система жилищных отношений соответствовала служилой социальной структу-

ре общества. В этом также проявлялась целостность советской системы и социальной политики. Однако в массовом сознании конкретная жилищная политика отождествлялась с истинно справедливой в силу уже названных факторов.

Наряду с решением проблем снабжения населения продовольствием и обеспечения «какой-либо крыши над головой» в послевоенное время крайне остро обстоит дело с организацией медицинской помощи, в том числе и на Дальнем Востоке.

✓ Организация здравоохранения в 40—50-е годы, как и организация жилищного строительства, опиралась на довоенный опыт. В СССР ценной значительно меньших, чем в других странах, затрат на развитие здравоохранения удалось достичь заметных результатов. В условиях сосредоточения в руках государства всех материальных средств и ресурсов в период послевоенного времени довольно значительные ассигнования были направлены на использование в здравоохранении научных достижений. И это дало значительный эффект. Успехи в здравоохранении СССР были существенны и признаны еще до начала войны 1941 г. Государственная медицина настолько хорошо показала себя в годы войны, что в конце 40-х годов по миру прокатилась волна национализации здравоохранения в разных странах.

Но уже в начале 50-х годов в системе государственного здравоохранения начали проявляться первые негативные тенденции. Очень разросся управленческий аппарат, возникла многоступенчатая подчиненность служб. Сильные и влиятельные ведомства стали игнорировать советы органов здравоохранения, нарушалась экологическая среда, здравоохранение в большей степени ограничивалось лечебной медициной. Плановость превратилась в некие перечни всеохватывающих нормативов, которые бюрократические службы пытались выполнить любой ценой. На Дальнем Востоке, например, чтобы выполнить «нормативы коек на 1000 человек», людей размещали, превышая все санитарные и допустимые нормы.

Затраты на лечение были невелики, и методы лечения просты. Борьба медиков в 40—50-е годы шла главным образом с принципиально неизлечимыми болезнями. Все расходы на здравоохранение в те годы (экстраполяция, так как точных данных нет) не превышали 1—2% производимого валового продукта⁸⁵. Тотальная централизация средств позволяла распределять их по регионам независимо от состояния материальной базы и условий проявления. При этом средства главным образом выделялись крупным городам, где были сосредоточены и материальная база здравоохранения, и лучшие специалисты.

В первые послевоенные годы большую позитивную роль сыграли врачи, уволенные в запас из армии. Они прошли суровую школу оказа-

ния неотложной помощи на фронтах и остались фанатично преданными своей специальности.

Эффективность здравоохранения была также связана и с самим составом населения. Доля нетрудоспособных в 40—50-е годы была еще весьма мала, всего 2—4%. Лечение подростка или взрослого работника вполне перекрывалось тем вкладом, который тот вносил в общее достояние своим трудом⁸⁶. Поэтому государственное здравоохранение даже при бедной материальной базе функционировало, не вызывая у людей чувства неудовлетворения.

Для Дальнего Востока развитие системы государственного здравоохранения из-за сложных климатических условий, постоянного притока нового населения, которое проходило длительный период адаптации, имело первостепенное значение. Но, по оценкам и свидетельствам современников, в частности Б. Котляровского, председателя крайплана Хабаровского края, Д. Мельника, секретаря Сахалинского обкома ВКП(б), и др., эти факторы редко учитывались центром при распределении средств.

Состояние материальной базы здравоохранения в районах Дальнего Востока в послевоенные годы было крайне тяжелым и вызывало озабоченность местной власти и партийного руководства. Лечебные учреждения в 1950—1955 гг. располагались большей частью не только в довоенных постройках, но и в дореволюционных. На юге Дальнего Востока, наиболее освоенном в хозяйственном отношении, 1/3 коечного фонда размещалась в зданиях, требовавших незамедлительного капитального ремонта или вообще подлежавших сносу. Всего 50% больничных зданий имели центральное отопление, 45% — водопровод и канализацию, 27% — горячую воду⁸⁷. В 1946 г. почти во всех больницах не было стаканов, и больные пили воду из консервных банок; врачи работали при постоянном дефиците перевязочного материала и лекарств. На 1 тыс. чел. в 1955 г. приходилось 7 больничных коек⁸⁸. Состояние здравоохранения в сельской местности находилось в еще более катастрофическом положении. К середине 50-х годов 42,4% сельских населенных пунктов даже в южной части Дальнего Востока вообще не имели никаких лечебно-профилактических учреждений⁸⁹.

Еще трагичнее складывалась ситуация в регионах Северо-Востока и Сахалинской области. В условиях очень короткого безморозного периода, сильных ветров и частых снегопадов и метелей, обилия кровососущих насекомых и т.д. на 1 тыс. чел. приходилось всего 5 больничных коек.

Крайне тяжело обстояло дело с оказанием медицинской помощи детям. Даже в инфекционных отделениях во многих больницах дети «размещались по 2—3 человека на одну кровать»⁹⁰. В результате нехватки больниц в восточных районах республики больным часто отказы-

вали в госпитализации. В Хабаровском крае в 1952 г. отказали в госпитализации 3341 чел., в 1953 г. — примерно стольким же. В Приморье, в Пожарском районе, в период вспышки дизентерии медицинские учреждения смогли госпитализировать только 50% заболевших⁹¹.

В 1946—1950 гг. на Дальнем Востоке в отдельные периоды резко повышалось число страдавших дизентерией, гепатитом, фиксировались многочисленные случаи заболевания тифом⁹².

Обстановка с оказанием медицинской помощи на Дальнем Востоке СССР в условиях централизованного финансирования заставляла местные органы власти постоянно обращаться в Москву с просьбами о дополнительных ассигнованиях и жалобами на отраслевые министерства в связи с невыполнением ими заданий по строительству больниц и поликлиник в 1946—1955 гг.

Сложнейшей проблемой, которую решали дальневосточные власти, было обеспечение больниц и поликлиник квалифицированными врачами, фельдшерами, медсестрами. Даже по нормативам тех лет лечебные учреждения самых крупных городов Хабаровска и Владивостока были укомплектованы медперсоналом лишь на 50%. В сельских районах этот показатель составлял всего 26,2%⁹³.

К середине 50-х годов население Дальнего Востока, жившее в суровых климатических условиях, в результате низкого уровня жизни, серьезных просчетов в региональной социальной политике центра имело повышенные показатели смертности и меньшую среднюю продолжительность жизни, чем в среднем по СССР: в южной части — на 2 года, на Сахалине — на 4, на Камчатке и в Магаданской области — на 5 лет⁹⁴.

Более или менее нормальные условия жизни были созданы на Дальнем Востоке только к концу 50-х годов. С помощью жесткого социального контроля стал наконец обеспечиваться прожиточный минимум значительной части населения.

Причем это произошло при поддержке и одобрении социальной политики центра. Следует вообще отметить, что энтузиазм народа был одним из основных условий функционирования общественной системы в СССР. Он позволял массам не замечать многих трудностей, преодолевать их, выступал в качестве особого ресурса, позволявшего преодолевать противоречия и нестыковки в самой распределительной системе. В условиях низких стандартов жизни, когда решались задачи, связанные с питанием, приобретением самого минимума одежды, жестко централизованная распределительная система оказывалась соответствовавшей мировоззренческим устоям советских людей.

В первое послевоенное десятилетие существовавший уровень различий в потреблении материальных благ как по социально-профессио-

нальному признаку, так и по территориальному не вызывал открытого массового недовольства или протестов. Это, правда, не исключало отдельных проявлений неудовлетворенности. На бытовом уровне, в очередях высказывались иногда и довольно резкие суждения, особенно это было связано с «урезанием» хлебного пайка в 1946—1947 гг. Малейшее же улучшение положения и проведение новых социальных мероприятий имели положительное психологическое воздействие на дальневосточников. Здесь сказывалось обнищание людей, происшедшее в годы войны, сильнейшая идеологизация региональной социальной политики, сталинская система льгот для дальневосточников, которая преподносилась как высшее благо. Огромное психологическое воздействие на людей имела персонифицированная «борьба против расхитителей государственного имущества».

В рассматриваемый период уровень жизни населения Дальнего Востока, как уже отмечено выше, был крайне дифференцирован, что явилось закономерным результатом проводившейся социальной политики. Так, интересы рабочих ставились над интересами крестьянства. Материальное положение колхозников было намного хуже, чем рабочих промышленности. Внутри этих больших групп также существовали значительные различия. Интересы инженерно-технических работников учитывались главным образом по отраслевому и должностному принципу. Выделение в послевоенный период группы руководителей, обладавших чрезвычайными властно-хозяйственными функциями и полномочиями, способствовало дальнейшему формированию так называемого института привилегий. Но низкий уровень потребностей в послевоенный период, сильное влияние идеологических установок, система усиленного социального контроля и репрессии как бы регулировали эти привилегии и не вызывали открытого общественного протеста.

Централизованная распределительная социальная политика воспринималась дальневосточниками как подлинно социалистическая и демократическая. Региональные материалы показывают, что социальное единство советского общества в первое послевоенное десятилетие достигалось на базе соединения мотивационного и «дрессирующего» влияния различных форм карательных мер, льгот, наград. Это составляло важные компоненты реализационного механизма послевоенной политики.

Социальная политика тех лет закрепила служилую социальную структуру населения на Дальнем Востоке. В состав служилых групп входили как партийно-советская бюрократия, так и рабочие, учителя, врачи, ученые. За «службу» партийному государству и гарантировался определенный уровень потребления материальных благ. Развитие такой системы и структуры обеспечивало полукOLONIALНЫЙ путь освоения Дальнего Востока.

Глава II. ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (середина 50-х — первая половина 60-х годов)

1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (Середина 50-х — начало 60-х годов)

Улучшение условий жизни к середине 50-х годов у значительной части общества по сравнению с нищетой первых послевоенных лет, некоторые послабления в отношении колхозного крестьянства — все это создавало для современников своеобразный психологический климат. Он по-прежнему был пронизан крепкой верой в политическое руководство партии коммунистов и советские социальные отношения.

В середине 50-х — начале 60-х годов в СССР свершились такие общественно-политические события, которые оказали значительное влияние на состояние всего советского общества, на весь ход исторического движения советской системы. За смертью Сталина последовали персональные изменения в расстановке лидеров в политбюро, в составе правительства и соответственно в партийных аппаратах на местах. Состоялся XX съезд КПСС, на котором прозвучал доклад Н.С. Хрущева «О культе личности Сталина». Прошла волна реабилитации части репрессированных.

Следующим звеном в цепи этих событий стало принятие III программы партии на XXII съезде. Эти события вносили новые настроения в общество. Они сыграли большую роль в формировании новых ценностных ориентиров как в среде политиков, хозяйственной бюрократии, так и среди широких масс. Менялось и внешнее оформление идеологических установок. Но, как и прежде, идеологии отводилась главная роль в создании общественной базы доверия к социальной политике со стороны всех слоев и групп населения в условиях критики исторического прошлого (в лице Сталина).

Ключевыми словами всей идеологической пропаганды стали в те годы «курс на демократизацию общества, восстановление ленинских норм

партийной жизни, коллективность руководства и повышение народного благосостояния». Однако либерализация политического режима была связана не со стремлением партаппарата к демократии. Ее тогда еще в обществе не могло быть. Либерализация политического режима была связана с усталостью от условий тоталитаризма. Эта усталость характеризовала и саму партийно-государственную бюрократию.

Курс на либерализацию политического режима рождался в условиях личной борьбы за власть между группировками Л.П. Берия и Г.М. Маленкова, Н.С. Хрущева. После длительного существования сталинской тираннии идея коллективного руководства, выдвинутая Г.М. Маленковым и Н.С. Хрущевым, для большинства политиков высшего ранга оказалась самой привлекательной.

Партийно-государственная номенклатура в силу своего политического и экономического положения в СССР первая заявила о необходимости либерализации условий жизни, облекая это в идеологическую форму-курс на широкую демократизацию общества.

Решения XX съезда КПСС, в частности материалы о культе личности Сталина, постепенно становились известны сначала партийно-государственной бюрократии, затем всем коммунистам, а потом и народу. Отношение к этим решениям не могло быть ни безразличным, ни простым. Хотя тогда в СССР еще существовало социально-политическое инертное общество, но оно уже пробуждалось от карательно-репрессивного режима. Одновременно начался процесс переоценки ценностей. В этом очень большую роль сыграла критика культа личности Сталина, аскетических норм жизни, которые были связаны с периодом безраздельного его властвования.

Эти отдельные признаки проявились и в отдаленных регионах, каким был Дальний Восток. Но здесь такая тенденция была выражена крайне слабо по сравнению с центром, столицей, крупными городами¹. На партийных конференциях и профсоюзных собраниях, которые стали регулярно проводить на Дальнем Востоке, на страницах местной периодической печати высказывали свое отношение к социально-политическим вопросам представители различных групп. Все чаще звучали выступления, выражавшие неудовлетворенность условиями труда, его оплатой, жилищно-бытовыми условиями. Именно в такой форме выражалось пробуждение дальневосточного населения.

Последствия всех политических событий в центре проявлялись на Дальнем Востоке очень медленно и постепенно. В 1961—1963 гг. в Комитет по труду и заработной плате при Совете Министров СССР поступила целая серия писем с Дальнего Востока. Письма содержали свиде-

тельства о том, что в сознании дальневосточников происходили изменения. Но они касались прежде всего вопросов справедливости в распределении материальных благ. Так, в письме Кравченко (в источнике отсутствуют инициалы) дается оценка действовавшей системе льгот. Автор письма делал вывод: «Документы Министерства финансов и ВЦСПС направлены не только на ущемление интересов и прав трудящихся, но и на экономический развал предприятий Крайнего Севера»¹. Происходившая переоценка ценностей, в частности в форме повышенного внимания к получению справедливой платы за свой труд в условиях Дальнего Востока, отразилась в ряде источников, например в материалах комиссии ВЦСПС по экономическим вопросам. Члены комиссии в начале 60-х годов постоянно готовили документы в правительство о состоянии уровня жизни населения в восточных районах, где доказывали необходимость проведения таких мер, которые бы улучшили условия проживания и труда людей на Дальнем Востоке и Сибири.

Но это были лишь отдельные симптомы, в целом массового общественного движения или давления на правительство не было и не могло быть в тех условиях. Интересы дальневосточников, различных территориальных или профессиональных групп по-прежнему могли представлять на высшем политическом уровне, т.е. в «центре», в Москве, лишь работники партийно-государственного аппарата.

Другим «каналом» доведения интересов дальневосточников до политической элиты центра являлась деятельность интеллигенции. Это стало отличительной чертой формирования всей региональной социальной политики. Большую активность тогда проявляли представители различных профессиональных отрядов интеллигенции. Проблема улучшения жизни на Дальнем Востоке стала определяющим мотивом обращения к политикам, в государственные органы. В частности, в письмах И. Торопкина, редактора газеты «Моряк Холмска», Л.Н. Толкунова, редактора газеты «Известия», в ряде докладных записок группы ученых М.Я. Сонина, Е.А. Маневича, Н.С. Масловой, Л.Л. Рыбаковского и др. мы находим не только «призыв» к московским политикам и чиновникам обратить особое внимание на развитие социально-бытовой сферы восточных регионов СССР, но и конкретные предложения по ликвидации различий в уровне жизни, и даже сроки².

Активность рабочих в отстаивании собственных интересов в условиях либерализации политического режима главным образом выражалась в апелляции к местному партийно-государственному аппарату и чаще в обращении в профсоюзные органы по конкретным вопросам. Большинство рабочих искренне верили в систему наказов депутатам,

избиравшимся в местные Советы, потому что они были самой простой и доступной формой. На Дальнем Востоке 70—80% наказов составляли просьбы и ходатайства об улучшении жилищно-бытовых условий⁵. Действия рабочих ограничивались выступлениями на профсоюзных конференциях, собраниях, что было типично для начала 60-х годов. Эти выступления оформлялись в виде поручений профсоюзным комитетам. Довольно распространенным явлением периода конца 50-х — начала 60-х годов стала популярная формула «потребовать от профсоюзного руководства выполнения планов строительства жилья, детских учреждений, культурно-бытовых предприятий, усилить повседневный контроль за работой предприятий торговли и общественного питания»⁶. В крайкомы профсоюзов поступали жалобы по вопросам оплаты труда, которые в тех условиях являлись тоже формой выражения либо личных, либо групповых интересов⁶.

В крестьянской среде после десятилетий сталинского режима решение проблемы улучшения жизни связывалось с новым коммунистическим лидером. Несмотря на многие противоречивые политические директивы по отношению к сельскому хозяйству, в частности подсобному хозяйству, на селе надеялись на него. В тот период на имя Н.С. Хрущева поступало значительное число писем от крестьян. Вот что, например, писал Н.С. Хрущеву председатель колхоза Я.Н. Терещук из Приморья: «Я в этом колхозе («Иманская долина». — Прим. авт.) проработал 18 лет председателем колхоза бессменно, но добиться ничего хорошего не смог. В данный период работает председателем колхоза присланный человек по призыву партии, но дела в колхозе не улучшаются⁷. (Сохраняются стиль и орфография письма). Далее шло описание тяжелых условий жизни в колхозе и выражается надежда получить готовый «рецепт» ее улучшения.

Естественно, новые тенденции, связанные с настроениями необходимости утверждения социальной справедливости (под этим большинство населения Дальнего Востока понимало справедливое распределение), оказывали влияние на социальную политику. Но в большей степени изменения обуславливались в тот период другими причинами. В частности, они были связаны с изменениями отношений внутри самой группы, составлявшей субъект социальной политики, что будет рассмотрено в следующем разделе.

Но не менее важную причину необходимости либерализации социальной политики в конце 50-х — начале 60-х годов представляла группа материально-экономических факторов. Многие условия, которые раньше работали на консолидацию хозяйственного механизма сталинского

типа, постепенно стали терять силу своего влияния. Внедрение новых технологий и производств стало тормозиться сверхцентрализованной системой управления, лагерной экономикой, отсталой материально-технической базой сельскохозяйственного производства, расчетом на дешевую рабочую силу. Продолжавшаяся индустриализация до середины 50-х годов не давала развиваться новым отношениям с крестьянством. Производственные отношения, воплотившиеся в систему главков, стали приходить в противоречие с начавшимся в мире научно-техническим прогрессом. Вся система народного хозяйства испытывала давление как внутренних, так и внешних обстоятельств. Уже в конце 50-х годов в СССР обозначились сложности в обеспечении экономики трудовыми ресурсами. Особенно это проявлялось на Дальнем Востоке, ибо постоянный приток сюда трудоспособного населения всегда составлял один из главных факторов развития хозяйства региона⁸.

В то же время появились и первые признаки недостатка сырья и материалов. Темпы роста валовой продукции всей страны снизились по сравнению с 1950—1955 гг.⁹ В 50-е годы в СССР возникла необходимость развивать принципиально новые производства, такие, как химия полимеров, электроника. Новые технологии оформлялись в отдельные отрасли, которые поставляли продукцию обособленным приоритетным заказчикам — военно-промышленным предприятиям¹⁰. Становление новых производств потребовало расширения такой профессиональной группы, как инженерно-технические работники, увеличения числа управленческих кадров.

Но и старые производства, откуда уходили рабочие, инженерно-технические кадры, в свою очередь вынуждены были добиваться от правительства увеличения оплаты труда. Все это также вызывало появление новых акцентов в социальной политике, направленных на уравнивательные тенденции, учет интересов многочисленных профессиональных и территориальных групп населения.

Названная группа факторов дополнялась на Дальнем Востоке еще одной, значение которой увеличилось по мере роста внимания политического руководства к природным ресурсам региона, их роли в развитии экономики страны.

Таким образом, вся социально-экономическая обстановка заставляла партийную элиту искать пути развития экономики и усиления советской державы. В условиях постоянного экстенсивного способа развития производства, экономики широко использовался исконно российский метод разрешения внутренних противоречий — колонизация восточных регионов, но, естественно, в модифицированном виде. Постепен-

по выработывалась региональная дальневосточная политика. Отличительной ее чертой стала активизация социальной политики, частью которой явилось регулирование доходов дальневосточников.

По-прежнему социальной опорой проведения мероприятий, связанных с улучшением жизни на Дальнем Востоке, как и в других регионах, оставался бюрократический аппарат партийных, государственных органов, хозяйственные руководители крупных предприятий, колхозов, совхозов и чиновничий аппарат центральных министерств и ведомств.

Дальнейшее уточнение функций партийных организаций, «освобождение их от оперативно-хозяйственного руководства» вовсе не означало уменьшения объема их власти на местах, поскольку центральному аппарату компартии по-прежнему принадлежала прерогатива выработки и определения стратегических направлений социально-экономического развития Дальнего Востока. Центр, ослабив политические репрессии, теперь мог осуществлять управление на местах, имея только сильную социальную опору в лице партийных и административно-хозяйственных органов.

Не случайно в те годы на Дальнем Востоке было проведено административно-территориальное разукрупнение. Это расширяло управленческий аппарат на местах. Вслед за созданием Амурской и Сахалинской областей произошло выделение Магаданской, а затем Камчатской областей. В связи с этими событиями были приняты специальные постановления Совета Министров СССР о мероприятиях по развитию хозяйств в этих новых территориально-административных единицах¹¹. В июне 1955 г. Совет Министров принял постановление, которое также касалось Дальнего Востока «О передаче решений некоторых вопросов Советам Министров автономных республик, крайисполкомов, облисполкомов, городам республиканского подчинения»¹². На первый взгляд, данный документ не представляет решительной уступки центра в перераспределении объемов власти, но он свидетельствует, что сверхцентрализованная система управления хозяйством начинала испытывать трудности.

Следующим важным шагом стало повсеместное создание с 1957 г. совнархозов. Центр тяжести в управлении регионом перекладывался в определенной части на плечи местной бюрократии. Чтобы еще больше расширить бюрократическую опору на местах, но при этом сделать ее более гибкой, Н. С. Хрущев в 1962 г. пошел на то, чтобы разделить партийные и советские органы по производственному принципу. Это произошло в Приморье. Но в Хабаровском крае, в Амурской, Камчатской, Магаданской и Сахалинских областях, а также в Еврейской авто-

номной области сохранялись единые советские органы¹³. В качестве гипотезы можно предположить: такое явление было связано с отдаленностью от центра и геостратегическим статусом региона.

Таким образом, во второй половине 50-х — в начале 60-х годов обозначились новые факторы и обстоятельства, которые впервые за период советской власти заставляли политиков заниматься проблемами согласования интересов различных групп, а следовательно, менять методы социальной политики. Новые проблемы ставили перед руководителями высшего эшелона задачу выработки такой социальной политики, которая бы учитывала появившиеся социально-экономические обстоятельства. Эти объективные условия, заставлявшие политиков менять отношение к социальным вопросам, тесно переплетались с субъективными собственными интересами. Среди работников партийного аппарата зрело понимание, что сохранение прочности собственного положения в качестве правящей элиты также зависит от либерализации социальной политики. Поэтому параллельно с критикой личности Сталина были провозглашены идеи подъема уровня жизни народа. Однако на сам процесс формирования социальной политики оказала большое влияние и острба, развернувшаяся вверху за персональное лидерство. Еще на V сессии Верховного (авг. 1953 г.) Совета СССР Г.М. Маленков выступил с докладом, в котором говорил о том, что если в прошлом было необходимо форсировать рост тяжелой промышленности для создания экономического могущества СССР, то ныне возникла необходимость увеличить выпуск потребительских товаров и направить больше капиталовложений на развитие легкой промышленности¹⁴.

Политическая борьба за лидерство уже между Г.М. Маленковым, Л.Н.С. Хрущевым в определенной степени повлияла на принципы формирования шестого пятилетнего плана. Г.М. Маленков был подвергнут критике и обвинен в заигрывании с народом. Так, в докладе секретаря Приморского крайкома ВКП(б) А.С. Бирюкова, безусловно, отражавшего линию большинства ЦК КПСС во главе с Н.С. Хрущевым, говорилось: «Тов. Маленков, для того чтобы снискать себе дешевую популярность, выступил на V сессии Верховного Совета СССР с непродуманной экономически и необоснованной речью. В этой речи т. Маленков допустил политически вредные противопоставления темпов развития тяжелой и легкой, пищевой промышленности. Каждому из нас понятно, что это не марксистская и не ленинская позиция»¹⁵.

Однако все выше названные факторы, несмотря на борьбу за власть, заставили послесталинское политическое руководство все-таки изменить свое отношение к социальным вопросам и обусловили переход к новой

социальной политике, основанной на принципе балансов интересов в советском обществе.

Острота решения проблемы распределения материальных благ настолько уже назрела в обществе, что новое руководство, несмотря на широкую критику курса, предложенного Г.М. Маленковым, вынуждено было провозгласить на XX съезде задачу подъема материального благосостояния народа, но в традиционной форме. В директивах по шестому пятилетнему плану говорилось, что повышение материального благосостояния можно добиться только на базе преимущественного развития тяжелой промышленности, но признавалось, что этого сделать невозможно без крутого подъема сельского хозяйства¹⁶. В целом решения XX съезда соответствовали сложившейся ситуации в обществе, и политическая элита тех лет решила на реформы. Когда Н.С. Хрушев прочно занял пост партийного и государственного лидера, он сам выступил за радикальные решения многих социальных проблем, за увеличение темпов роста отраслей, производящих товары широкого потребления, что создавало экономическую базу для проведения либеральной социальной политики. Несмотря на традиционные подходы к решению проблемы повышения уровня жизни населения, на XX съезде КПСС были приняты частные документы, которые в тех условиях в рамках распределительно нормированной социальной политики имели успех. В этих документах давались директивные указания по повышению заработной платы рабочих и служащих и, что особенно было важно, давалась «команда» чиновникам всех рангов усилить внимание к повседневным бытовым нуждам колхозников, сельских жителей.

Дальнейшее совершенствование советской социальной политики в те годы базировалось на соответствующем уровне производства промышленности и сельского хозяйства. Новая роль потребительского сектора позволяла политическому руководству улучшать методы распределительной социальной политики, учитывая интересы различных профессиональных групп. В 1956—1960 гг., хотя темпы экономического роста снизились по сравнению с 1950—1955 гг., оставались относительно высокими темпы прироста национального дохода — 9,4%, по альтернативным источникам — 9,3%¹⁷.

Вклад дальневосточного региона в развитие экономики характеризовался работой промышленных отраслей, использующих природные ресурсы. На долю Дальнего Востока в создании национального дохода приходилось в 1961—1965 гг. 2,7—2,8%¹⁸. Развитие производства всех видов продукции на Дальнем Востоке осуществлялось за счет мобилизации экстенсивных факторов. К ним относилось прежде всего увеличение ка-

питаловложений на развитие Дальнего Востока: за 1961—1965 гг. было вложено столько же, сколько за 12 послевоенных лет (1946—1958 гг.)¹⁹.

Предпринимавшиеся в СССР попытки повышения эффективности экономики в рамках устоявшегося старого хозяйственного механизма давали минимальные результаты²⁰.

Падение эффективности общественного производства на Дальнем Востоке было обусловлено влиянием целого комплекса факторов, в том числе ослаблением трудовой и финансовой дисциплины, что было лишь частично связано с изменившимися условиями хозяйствования. В 1961 г. уже 30% предприятий не выполняли планы по прибыли²¹. В 1961 г. в материалах комиссии ВЦСПС по экономическим вопросам отмечались тревожные факты превышения темпов роста заработной платы над темпами роста производительности труда²². Примеры ослабления финансовой дисциплины выражались и в других фактах. В 1957 г. Амурский совнархоз представил в правительство перечень строек и объектов и просил Совет Министров списать с баланса капитального строительства затраты как «бросовые работы» на сумму 7413 млн.руб.²³ Между тем трудовые коллективы этих строек тогда регулярно получали заработную плату.

В 1961 г. в Приморском совнархозе было недополучено 65 тыс. т цемента, 473 т рафинированного свинца, 86 тыс. куб.м деловой древесины, 2,733 т мяса, 1,088 т цельномолочной продукции... Особенно ухудшались показатели на предприятиях лесной, деревообрабатывающей промышленности, на предприятиях, производящих кирпич, цемент.

Возросли приписки, непроектные потери, в том числе от брака. Потери рабочего времени, например, на предприятиях Приморского совнархоза составляли 540 тыс. человеко-дней в 1961 г. На Дальнем Востоке не были выполнены задачи по росту производительности труда в угольной, лесной, деревообрабатывающей, пищевой промышленности. В условиях либерализации политического режима, но при отсутствии мотивационного механизма труда у рабочих возросла текучесть кадров. Так, на предприятиях Приморского совнархоза она составила 40%²⁴. Объем промышленного производства на Дальнем Востоке увеличился, произошло это экстенсивно — в результате концентрации капиталовложений и привлечения новых трудовых ресурсов.

Фактор трудовых ресурсов как основное и важное условие экстенсивного развития дальневосточной экономики уже достаточно исследован в региональной и всесоюзной исторической литературе. В данном случае автор опирается на выводы, содержащиеся в трудах предшественников-исследователей, в частности Л.Л. Рыбаковского,

В.Е. Борчаниновой, Е.Н. Чернолуцкой⁷⁶ и др. В целом все мобилизованные ресурсы, использование организационно-административных рычагов обеспечили на Дальнем Востоке темпы роста валовой продукции — 159%. Такие высокие темпы объяснялись еще и тем, что в регионе продолжался процесс индустриального освоения. По темпам роста общего объема продукции Дальний Восток превышал среднереспубликанский показатель (по РСФСР темпы роста соответственно составляли 145%)⁷⁷.

Сложная ситуация наблюдалась в сельском хозяйстве региона. Социально-экономическая организация производства, в основе которой лежали затратный хозяйственный механизм и командно-административные методы управления, обеспечивали незначительные темпы роста выпуска продукции⁷⁸. Производство мяса в регионе (оез Якутии) к 1965 г. по сравнению с 1958 г. увеличилось на 13%, молоко соответственно на 12%; производство овощей, картофеля оставалось на уровне 1958 г.⁷⁹ Уже в начале 60-х годов на Дальнем Востоке наблюдалось парадоксальное явление: некоторый рост производства важнейших продуктов животноводства пропорционально увеличивал убыточность хозяйств⁸⁰, что свидетельствовало о высокозатратном механизме всех ресурсов. К середине 60-х годов на Дальнем Востоке по сравнению с серединой 50-х годов произошло увеличение доли совхозно-колхозного сектора в производстве всей валовой продукции сельского хозяйства. Удельный вес совхозно-колхозного производства в общем объеме государственных заготовок составлял по зерновым и сое — 100%, картофелю — 60%, овощам — 96%, молоку — 98,8% и скоту — 85,3%.

В условиях преобладания экстенсивного пути развития сельскохозяйственного производства вопрос о трудовых ресурсах в аграрном секторе экономики на Дальнем Востоке стал одним из главных. Чтобы остановить отток людей из села в город, необходимо было развивать социально-бытовую сферу. Это становилось одной из главных причин либерализации социальной политики и включения в сферу ее регулирования интересов сельского населения.

Либерализация на Дальнем Востоке стала возможна благодаря высоким темпам развития промышленности даже при незначительном увеличении объемов производства сельскохозяйственной продукции. В то же время рост доли государственного сектора в заготовках, завоз многих видов сельскохозяйственной продукции из других районов дополняли социально-экономическую основу повышения роли партийно-государственного аппарата, работников всех служб материально-технического снабжения, заготовок, торговли, регулирования и распределения продовольственных фондов. Таким образом, создавались наилучшие

условия для повышения материального вознаграждения каждого работника перечисленных служб и особенно партгосноменклатуры.

Развитие и состояние советской экономики, культурно-ценностные ориентации партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры, их внутрigrупповые отношения проведение первых уравнилельных мероприятий создавали во второй половине 50-х — начале 60-х годов условия для продления курса политики распределительного-нормированного типа. Новым явлением периода было наличие факторов, заставивших партгосноменклатурную элиту страны и Дальнего Востока более активно проводить социальные мероприятия.

2. ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Объективные и субъективные причины, заставившие партийно-государственную номенклатуру идти на некоторые изменения в социальной политике на рубеже 50 — 60-х годов, поставили задачу дальнейшего укрепления доверия со стороны широких слоев населения. Тем более это было крайне важно, поскольку политики, отражающие и аккумулирующие интересы этой социально-профессиональной группы, отважились на критику культа личности Сталина. Необходимы были новые идеи, которые продолжали бы консолидировать советское общество в такой политической ситуации. И политическая элита тех лет, учитывая общественное настроение и традиции советского общества, обеспечила медленный эволюционный переход к новым моментам социальной политики. Как и прежде, главная роль в формировании доверия к начатому реформированию отводилась идеологии. Более утонченное идеологическое обеспечение потребовалось партгосноменклатуре и для прикрытия своих корпоративно-групповых интересов, которые концентрировались в области укрепления власти, главного и основного средства распределения всех материальных благ. Идеология по-прежнему выступала в СССР важнейшей формой социального контроля: с ее помощью сведения о реальном положении в социальной сфере, о существовавших различиях в уровне жизни оставались секретными. Идеологическое обеспечение не позволяло открыто поднимать вопрос в обществе об имеющейся дифференциации доходов среди различных групп населения, в частности между работниками партийно-государственного аппарата, специализированного аппарата распределения и другими профессиональными группами. Предлоги для введения секретности в 50 — 60-е годы были

самые различные: от забот об интересах обороноспособности страны до необходимости не возбуждать сознание широких масс народа. Целью сильного идеологического обеспечения было установление контроля за активностью населения в области публичного выражения своих интересов при распределении материальных благ. Это особенно касалось научной общественности.

Отказ от широких масштабов репрессий усиливал функцию социального контроля всей идеологическо-пропагандистской работы. Партийно-государственный аппарат отчетливо понимал, что прежде всего необходимо было выдвинуть такие идеи, которые бы объединили все социальные группы и слои общества. Можно сказать, что партноменклатурной элите тех лет это удалось сделать с большим успехом. И свидетельство тому — более чем 25-летнее существование советской модели социальной политики.

Такой интегрирующей социальной идеей стала пропаганда «образа жизни при коммунизме», который столь широко был описан в Программе КПСС, принятой XXII съездом (1961 г.) партии. Пропаганда программной идеи, что через 20 лет наступит коммунизм, имела огромное преобразующее значение для ментальностей всех социальных групп советского общества. Если раньше в официальной идеологии улучшение личного материального благополучия откладывалось на далекое будущее, то в начале 60-х годов советские политики объявили новые конкретные сроки его наступления. Принятие III программы КПСС стало своеобразным рубежом в идеологическом обеспечении либеральной социальной политики. Аскетический образ жизни сталинских времен стал по воле партийно-государственной номенклатуры уходить в прошлое, на смену ему выдвигалась идеология личного материального благополучия. Новая партийная доктрина официально формировала новые ориентации в обществе, создавая новый психологический климат для жизнедеятельности всех социальных групп и слоев общества, в том числе и для новой генерации партийно-государственной номенклатуры. Ключевыми понятиями, лозунгами идеологического оформления материальной социальной политики стали «равенство», «подъем уровня жизни», «стирание различий между городом и деревней», выравнивание уровня жизни населения отдельных республик и регионов¹

Идеологическое обеспечение социальной политики представляло собой целую систему пропагандистской работы по радио, телевидению, через прессу, лекционные и другие культурно-просветительные формы пропаганды. Надо сказать, что в региональном плане эта часть социальной политики очень широко описана историками 60—80-х годов². Ав-

тор, опирается на весь этот историографический багаж и сознательно не вводит его данные в свою работу, а ограничивается выводами, которые сложились в ходе их изучения и анализа. Появление новых тезисов и внедрение их в сознание современников очень ярко проявилось в деятельности профессиональных обществоведов.

Партийно-советские лидеры 60-х годов, формируя свой новый курс, пытались проводить его, привлекая широкие круги обществоведов-экономистов. Опираясь на их профессионализм, партноменклатура тем самым превращала деятельность значительного отряда интеллигенции в составную часть механизма социальной политики. И, как показал историографический анализ, это удалось реализовать с большим успехом. С помощью работ экономистов, историков, философов, в том числе и работающих в дальневосточном регионе, все цели социальной политики были низведены до уровня удовлетворения лишь материальных потребностей, а точнее до той доли, которую государство определяло конкретной группе или человеку. Выявлялись и публиковались только те факты и явления, которые соответствовали официальной идеологии. Социальная структура представлялась статистической службой двумя классами и служащими. В обмен профессиональная группа интеллигенции получала широкий доступ в партийные и советские органы. Элитную часть интеллигенции представляли Академия общественных наук и ВПШ при ЦК КПСС в центре и высшие партийные школы в регионах (в частности, Хабаровска), которые обеспечивали основную идеологическую работу по оформлению социальной политики. Эта часть интеллигенции входила и в привилегированную группу распределительной советской системы. Названные идеологические центры поставляли кадры профессиональных идеологов.

На местах в партийный аппарат стали активно привлекаться преподаватели истории КПСС и научного коммунизма, экономики. Дальний Восток не был исключением. Но наиболее ярко это явление получило распространение в 70-е годы. Промежуточным звеном или ступенькой для перехода части интеллигенции в элитную группу являлись общество «Знание», а также институт внештатных лекторов крайкомов КПСС. Например, только в одном Приморье насчитывалось в 1961 г. 4,5 тыс. членов общества «Знание» и 2 тыс. внештатных лекторов, т. е. на 1 тыс. чел. населения, включая младенцев, приходилось примерно 4 лектора. Учитывая, что до 80% лекций было общественно-политической тематики, то фактически на 1 тыс. чел. приходилось около 4 идеологических работников¹.

Партийно-государственный аппарат, взяв курс на либерализацию социальной политики, нуждался в поддержке всей интеллигенции, особен-

но той ее части, которая профессионально занималась вопросами управления и планирования. В 1961 г. редакция журнала «Коммунист» обратилась к работникам плановых органов и другим специалистам с призывом высказать свое мнение по вопросам улучшения теории и практики планирования, в том числе и социальной сферы. В 1962 г. «Экономическая газета» открыла «Деловой клуб» для обсуждения проблем, связанных с состоянием и перспективами совершенствования существовавшего хозяйственного механизма.

В первой половине 60-х годов, пожалуй, не было ни одного общественно-политического или научного печатного органа, так или иначе не обсуждавшего аналогичные вопросы. Тогда же делались и первые шаги по совершенствованию практики регионального социального планирования. В 1960 г. в докладной записке ученых Сибири, направленной в центральные плановые органы, содержались рекомендации о преодолении сложившегося отставания уровня жизни населения восточных районов от такового в центре, о новой роли социальных мероприятий в развитии народного хозяйства Сибири и Дальнего Востока⁵. На первый план в предложениях научных учреждений выдвигалась задача комплексного развития народного хозяйства восточных районов, а повышение уровня жизни населения ставилось как одно из средств этого развития.

С точки зрения исследователя 90-х годов технократизм научного мышления 50—60-х годов оставался типичным явлением, но для того времени попытка ученых обратить внимание правительства на проблему условий на Дальнем Востоке была прогрессивным явлением. Иногда ученые выступали даже в качестве официальных критиков деятельности государственных органов, что было абсолютно новым явлением в проведении регионально-социальной политики.

С критическим анализом деятельности Госплана РСФСР по отношению к социальным проблемам выступал, например, доктор экономических наук М.Я. Сонин на заседании комиссии ВЦСПС по экономическим вопросам в октябре 1964 г. Увязывая проблему уровня жизни с вопросами закрепления трудовых ресурсов и миграции, он говорил: «Движение с Востока на Запад превышает движение на Восток. Когда мы попытались у представителей Госплана РСФСР или даже Госплана СССР выяснить уменьшение разрыва или увеличение его в отношении уровня жизни населения Сибири и Дальнего Востока, никто на это не мог ответить»⁶. Эти слова свидетельствуют, что центральный партийно-государственный аппарат не очень-то был заинтересован сообщать информацию о состоянии социальной сферы в дальневосточных районах. Однако в те годы предпринимались отдельные попытки ученых овладеть

истинной информацией. Они приходится на начальный период деятельности совнархозов.

В начале 60-х годов был накоплен значительный фактический материал об условиях жизни на Дальнем Востоке лабораторией трудовых ресурсов Дальнего Востока филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, которой руководил Л.Л. Рыбаковский. Лаборатория также сотрудничала с экономической комиссией ВЦСПС. В 1964 г. эта комиссия ВЦСПС, основываясь на данных и материалах ученой общественности, разработала документ и отправила его членам советского правительства. Тогда же группа ученых (Е.А. Маневич, В.Ф. Майер, Н.С. Маслова) подала докладную записку на имя В.В. Гришина «О состоянии и мерах повышения уровня жизни населения восточных и отдаленных районов РСФСР», где они писали о причинах слабого развития социальной сферы в этих регионах.

«Если неравномерное распределение суммы доходов населения можно объяснить в какой-то степени различиями в структуре народного хозяйства и социальной структуры населения, то неравномерное распределение общественных фондов потребления в значительной степени является результатом системы планирования уровня жизни по территории республики. Госплан РСФСР ограничивается разработкой сводных показателей уровня жизни (реальных доходов и общественных фондов потребления) по Федерации в целом. Местные плановые органы в разработке мероприятий, направленных на повышение уровня жизни, не участвуют⁷. При этом предлагалось пересмотреть показатели социального развития при детальной разработке народнохозяйственных планов на 1966 г.

Таким образом, вся проблема региональной социальной политики экономической мыслью сводилась к территориальным различиям. Вопросы регулирования отношений и интересов различных социально-профессиональных групп в те годы не ставились, да и не могли рассматриваться, поскольку в главной партийной доктрине тех времен в III Программе КПСС была поставлена задача стирания различий между регионами, городом и деревней, между умственным и физическим трудом и т.д. Разработки и рекомендации ученых не могли выходить за эти доктринальные рамки.

Однако, если исходить из конкретно-исторических условий, то следует отметить главное: научная общественность уже в начале 60-х годов пыталась по-новому осмыслить социальные мероприятия и не только привлечь внимание политиков и региональных властных структур к социально-бытовым мерам, но и влиять на характер их разработок на высшем политическом уровне. Допуск ученых к разработке основных

направлений социальной политики был одним из ярких проявлений ее либерализации. Экономические расчеты ученых 60-х годов по миграции, трудовым ресурсам, анализ социально-бытовой инфраструктуры стали базой всех обоснований партийно-государственных постановлений.

Общественники активно разрабатывали тематику «Роль КПСС в повышении благосостояния народа» на примере отдельных партийных организаций, получая ученую степень и тем самым создавая условия для собственного повышения в должности и заработной платы. Так научная деятельность обществоведов по-прежнему оставалась важным звеном идеологического обеспечения всего механизма социальной политики. В условиях же либерализации советского политического режима роль этого звена расширялась. Существование значительной группы ученых-общественников было возможно, поскольку она обеспечивала интересы партийного государства и выполняла в социальной политике соответствующие функции. Стремление партийно-государственной бюрократии опереться на профессионализм ученых в проведении социальных мероприятий на Дальнем Востоке стало распространенным явлением уже в 60-е годы. Особенно широко для обоснования социальных мероприятий политики и чиновники привлекали разработки экономистов.

Но нельзя утверждать, что деятельность идеологических работников и научной общественности сводилась только к апологетической функции. Она в те годы одновременно выполняла важнейшую функцию артикуляции и интеграции интересов различных профессиональных групп дальневосточников. В конце 50-х годов социальными вопросами активно начал заниматься научный совет Госкомитета по вопросам труда и заработной платы. Была создана специальная группа экспертов по изучению и упорядочению льгот в районах Крайнего Севера и отдельных местностях, приравненных к районам Крайнего Севера.

Одним из экспертов, который в тех условиях достаточно много занимался дальневосточными проблемами, был С.В. Славин. Еще в 1957 г. в специальной записке в научный совет он одним из первых в концентрированном виде изложил основные положения и особенности концепции, ядро которой состояло в активной социальной политике. (Впоследствии, в 70-е годы, эта идея выдавалась как новая). Он писал: «Денежные льготы не дают еще решения задачи и закрепления кадров на севере (имелся в виду север Дальнего Востока. А.В.). Важнейшее значение имеют и другие льготы, а также состояние общего жизненного комплекса — благоустройство жилья, хорошее снабжение, удовлетворение потребностей населения в развитом транспорте, связи и т.д.» В 1957 г. он осмелился предложить использовать опыт Аляски и Северной Канады

на Дальнем Востоке. Но, естественно, эта рекомендация в тех условиях не могла быть реализованной. В замечаниях по проекту Указа Президиума Верховного Совета СССР, Постановления Совета Министров СССР по упорядочению действующей системы льгот в северных и отдаленных районах страны от 23 марта 1957 г. С. В. Славин категорически и аргументированно выступил против исключения территории Охотского побережья из списка территорий Крайнего Севера. Он убедительно настаивал на том, чтобы сохранить в данном документе и другие северные районы — Желтулакский и Алемджинский угольные районы Ургала и золотоносный район Амгуни Амурской области. В 1957 г. в документе, принятом ученым советом при Комитете по труду и заработной плате после длительной дискуссии и направленном в Совет Министров СССР, были сформулированы рекомендации, положения об усилении развития социально-бытовой сферы в отдаленных районах Дальнего Востока¹.

Естественно, в тех условиях основной путь решения жизненно важных проблем дальневосточников, а именно централизованное распределение средств, по-прежнему не подвергался никакому сомнению, поскольку уже выходил за рамки их доктринального знания. Это достаточно четко прослеживалось в докладных записках ученых тех лет, которые были уверены, что министерства и ведомства являются единственной силой, способной преобразовать Дальний Восток и создать наилучшие условия для жизнедеятельности людей. «Расчеты эти в дальнейшем могут и должны быть сделаны с привлечением заинтересованных министерств и ведомств, имеющих значительные контингенты работников в районах севера (уголь, нефть, цветная металлургия, мясная, рыбная промышленность)», — писали они. В то же время и постановка вопроса о привлечении трудовых ресурсов, и сам стиль документа «заинтересованные министерства» показывают, насколько была близка эта «группа интересов» к партийно-государственной бюрократии. Идеи активизации мероприятий по улучшению условий жизни, высказанные учеными тех лет, технически оформляли партийно-государственную стратегию освоения Дальнего Востока. Поэтому группа партийно-государственного аппарата при подготовке официальных документов широко опиралась на разработку ученых.

Государственные органы центра и плановые региональные органы опирались на материалы и разработки известных в то время экономистов Л. Л. Рыбаковского, профессора Д. Валентя. 12 июня 1965 г. в Совет Министров РСФСР поступили предложения Д. Валентя². Они впоследствии были широко использованы чиновниками в ряде партийно-правительственных постановлений по Дальнему Востоку. Совет

Министров РСФСР, используя выводы и материалы доклада, вышел с предложением в Госплан СССР и Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. В результате всей организационной культурно-технологической цепочки 2 ноября 1965 г. в Совет Министров СССР были внесены предложения о повышении «материальной заинтересованности» и закреплении людей в северных районах Дальнего Востока. Кроме того, председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин лично поручил Госплану и другим комитетам подробно разработать документы по данному вопросу¹¹. Таким образом интересы значительной части дальневосточников включались непосредственно в социально-политический процесс.

Деятельность же названной выше части интеллигенции превращалась в неотъемлемый элемент формирования социальной политики. Для ее реализации стало характерно расширение круга лиц, в том числе и принимающих участие в самом механизме формирования этой политики. Но в целом социально-профессиональная группа интеллигенции выполняла функцию информирования партийно-государственных органов, принимавших политические и организационно-административные решения и чаще всего была ориентирована на интересы последних. Результаты анализа данного раздела позволяют сформулировать еще один вывод: переход к либерализованной социальной политике был обеспечен безраздельным господством идеологии, выступавшей под лозунгами уравнительного распределения.

3. ПОИСКИ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (конец 50-х — начало 60-х годов)

Либерализация политического режима и соответствующее ему идеологическое научное обеспечение создавали благоприятную атмосферу для проведения организационных мероприятий, которые в первую очередь отражали интересы местной партийно-государственной номенклатуры. Поскольку сам механизм реализации политики по-прежнему делал не только необходимым существование этой группы общества, но и расширял объем властных функций на местах, в результате создавались новые условия для взаимоотношений между различными рангами партийно-государственной бюрократии, представлявшей, с одной стороны, интересы центра, с другой — регионов, провинций. Таким образом, либерализация социальной политики и ее реализация в первую очередь

зависели от регулирования внутригрупповых отношений. Характер взаимоотношений между рангами в значительной степени влиял на проведение на местах социальных мероприятий, на сроки их выполнения, методы осуществления и даже на размеры финансирования. Во второй половине 50-х годов отказ от репрессий сталинского периода при регулировании социальных отношений поставил перед партией и государством задачу поиска механизма реализации либеральной социальной политики.

В связи с этим лозунг, выдвинутый новым политическим лидером Н.С. Хрущевым «Повернуться лицом к экономике», сделать все возможное, «чтобы жизнь советских людей постоянно улучшалась», неверно было бы считать просто очередным пропагандистским маневром. На основе этой идеи достигался своеобразный консенсус в обществе между партийно-государственной бюрократией и другими социальными группами. Поэтому многие мероприятия, постановления, указы в определенной степени подкреплялись реальными организационными мерами. В первую очередь они касались регулирования внутрикорпоративных отношений и затрагивали, отражали интересы провинциальной партийно-государственной бюрократии, которая в свою очередь одновременно представляла во властных структурах интересы остальных групп населения Дальнего Востока.

Центральные управленческие органы в новых общественно-политических условиях вынуждены были пойти на ряд мелких уступок по децентрализации управления социально-бытовой сферой. В 1955 г. (19 июня) было принято постановление Совета Министров РСФСР «О передаче решения некоторых вопросов Советам Министров автономных республик, крайисполкомам, облисполкомам, горнесполкомам, городам республиканского подчинения»¹. С 1956 г. Министерство коммунального хозяйства РСФСР предоставило Советам Дальнего Востока и Севера, учитывая их отдаленность, дополнительные права: право на местах утверждать планы банно-прачечных комбинатов, тарифы на коммунальные услуги. Разрешалось исполкомам все накопления, образующиеся в коммунальном хозяйстве, использовать на его развитие². С позиций сегодняшнего дня это выглядит очень незначительной мерой, но в тех условиях было заметным фактом в перераспределении объема властных отношений среди групп, которые контролировали использование средств, направляемых на развитие социально-бытовых учреждений.

Начавшаяся либерализация политического режима требовала расширения социальной базы исполнительского звена на местах. Поэтому высшая политическая элита стала разрабатывать меры по повышению роли местных Советов. Так, в постановлении ЦК КПСС от 22 января

1957 г. «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами» указывалось на необходимость принятия практических мер по расширению прав Советов в области планирования производства и распределения продукции местной промышленности, в решении финансово-бюджетных вопросов, а также в вопросах бытового обслуживания населения¹. С выходом в свет другого постановления ЦК КПСС от 31 июля 1957 г.² расширялись права исполнительных комитетов местных Советов по контролю за строительством жилья, повышалась их ответственность за выполнение срока ввода жилья в регионах, расширялась функция и по контролю за содержанием и своевременным ремонтом жилья, культурно-бытовых зданий.

В силу того что работники местных Советов занимались непосредственно самыми насущными и понятными для народа вопросами, они выступали как определенные группы, защищавшие интересы самых различных социальных и профессиональных слоев, и, естественно, пользовались всеобщим доверием. То есть решение всех самых насущных вопросов жизни всего населения продолжало быть функциями государственного бюрократического аппарата, и его роль в обществе еще больше возросла. Исполкомы городских Советов, например Владивостокского, Хабаровского, Благовещенского, Уссурийского, уже становились основными заказчиками на жилищное строительство, осуществлявшееся подрядным способом³. Это имело двойственный социальный эффект. С одной стороны, вносился определенный порядок в городское строительство, концентрируя в руках этих органов денежные и материальные средства, необходимые для жилищного строительства, и создавая лучшие условия для контроля на местах за жилищным строительством. Но, с другой стороны, увеличивалась роль местной госноменклатуры в распределении жилищного фонда. Правда, в те годы этот процесс сдерживался контролем со стороны партийных органов, что было очень важным элементом советской системы тех лет.

Крупнейшим организационным мероприятием по децентрализации управления не только экономикой, но и социальной сферой стал переход на территориальный принцип планирования и управления. Введение совнархозов создало уже в первые годы их существования благоприятные условия для консолидации местной партийно-государственной номенклатуры и хозяйственников, всех руководящих кадров. По словам В.Н. Новикова, ставшего председателем Госплана РСФСР, Н.С. Хрушев в этой форме (в совнархозах) видел приближение местных партийных и советских органов к управлению промышленностью, что избавляло правительство от вмешательства в местные дела⁴. А при существовавшей

системе собственности и методах управления это означало усиление региональной партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры. Теперь интересы краев и областей Дальнего Востока стали отстаивать не только политические, но и хозяйственные органы.

У тех и других имелся один общий материальный интерес — контроль за распределением ресурсов Дальнего Востока. Он-то и составил базу, на которой начался активный процесс укрепления, консолидации региональной партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры. Анализ ряда поручений правительства и заключений по ним, касающихся производственной деятельности дальневосточных совнархозов (в частности, строительство жилья, детских садов), дает возможность сделать вывод, что на Дальнем Востоке в те годы организационно начала оформляться структура, которая повела борьбу за свои интересы и привилегии под видом борьбы с ведомствами. Это в свою очередь повлияло на весь стиль и культуру внутригрупповых отношений-субъектов социальной политики. В регионе партийный аппарат теперь все чаще и чаще обращается непосредственно к руководителям предприятий, находящихся на территории региона, причем уже непосредственно к руководителям-хозяйственникам, понимая, что в их руках находятся материально-технические средства и финансы.

Срашиванию интересов местных политиков и хозяйственников способствовала перестройка партийных организаций по так называемому производственному принципу. Например, в Хабаровском крае взамен сельских районов были созданы 6 крупных парткомов при трех зональных промышленно-производственных и трех колхозно-совхозных производственных управлениях. Аналогичные перестройки были осуществлены в Приморском крае. А в Амурской, Магаданской, Камчатской и Сахалинской областях сохранялись единые партийные органы.

В период функционирования совнархозов и перестройки партийных организаций по производственно-территориальному принципу наиболее отчетливо проявилась двойственность и противоречивость природы советской партийно-государственной номенклатуры регионального уровня. Действительно, она стремилась укрепить свои позиции в распределении материальных благ и управлении всей экономикой края, тем самым объективно защищая интересы различных других социально-профессиональных групп, проживавших в регионе. Но эта объективность, связанная с выполнением управленческих функций, подкреплялась чисто личными корпоративными интересами: создать наиболее благоприятные условия для удовлетворения собственных интересов. Безусловно, в данном случае очень трудно произвести какие-то количествен-

ные расчеты, определить, где объективные причины, а где субъективные мотивы. Такие выводы вытекают, например, из анализа мероприятий по повышению заработной платы этой группы. А борьба за расширение жилищного строительства в регионе представляла номенклатуре более широкие возможности для освоения Дальнего Востока и постоянного улучшения своих жилищных условий.

Возрастание роли местной партийно-государственной номенклатуры в распределительной политике было связано в те годы с важнейшим социально-политическим обстоятельством. В условиях либерализации политического режима центральный аппарат мог добиться реализации своих социально-экономических планов на Дальнем Востоке, только опираясь на провинциальный управленческий аппарат и предоставляя ему все больше льгот, идя ему на уступки. В результате чего развивалась система постоянных согласований и корректировок планов, касавшихся и социально-бытовой сферы. Это — зарождение начальной стадии системы согласований, которая охватывала период конца 50-х — начала 60-х годов. Каждое постановление или какой-либо другой вид документа, прежде чем появиться на свет, «проходил процедуру согласований» во многих инстанциях, касались ли они заработной платы, системы льгот или надбавок, строительства жилья или объектов здравоохранения⁷. Начиная с середины 50-х годов в центральные партийные и государственные органы с Дальнего Востока увеличивался поток различных документов-ходатайств, просьб, в которых все больше и больше расширялись местные инициативы. Естественно, расширялся и поток ответов.

Вопросы согласовывались со всеми «заинтересованными ведомствами». Таким образом устанавливался определенный «баланс интересов» на Дальнем Востоке среди групп, игравших ведущую роль в формировании региональной социальной политики. Координационным центром, осуществлявшим связь с союзными органами в те годы, являлся Госплан РСФСР. Об этом свидетельствует весь механизм официальной переписки.

Группа чиновников Госплана России тоже активно включилась в политический процесс. Как пример можно привести переписку Магаданского совнархоза, точнее председателя Магаданского совнархоза Ю. Чугуева с председателем Совета Министров РСФСР Ф.Р. Козловым* и председателем Госплана РСФСР В.Н. Новиковым по вопросу строитель-

* Козлов Ф.Р. с 1958 г. — первый зам. председателя Совета Министров СССР, в 1960—1964 гг. — секретарь ЦК КПСС

ва в области 60 магазинов, 10 столовых, 20 хлебопекарен, 68 складов, 22 овощебаз, 30 складов-холодильников.

Об усилении роли аппарата Госплана РСФСР в решении социальных вопросов Дальнего Востока свидетельствуют и воспоминания его председателя: «Госплану РСФСР приходилось решать множество проблем: рассматривались в целях координации все вопросы, связанные с медициной, образованием, культурой, наукой»⁸. Как показывают документы, Госплан РСФСР был подчинен Совету Министров РСФСР, но в своих решениях он фактически опирался на разработки собственного чиновничьего аппарата.

Советская либеральная социальная политика формировалась с самого начала как политика согласований, баланса интересов прежде всего среди и внутри групп, входивших в субъект социальной политики, т.е. между представителями тех или иных властных структур как по вертикальным, так и по горизонтальным связям. Очень много было в те годы согласований между местной партийно-государственной и хозяйственной бюрократией и аппаратом Госплана РСФСР по развитию местной промышленности и материальной базы социально-бытовых учреждений. Все обращения руководителей Дальнего Востока по вопросам развития социально-бытовой сферы, направленные в Совет Министров РСФСР, посылались на «проработку» в Госплан РСФСР. Аппарат его в начале 60-х годов состоял из 10 заместителей председателя и более 2 тыс. чиновников, от которых зависело решение вопросов⁹. Как свидетельствует текстовый анализ переписки, все согласования шли на личностном уровне. И в этом плане механизм социальной политики представлял собой своеобразную культуру поведения, обращения местных чиновников к начальникам, стоявшим рангом выше. В Совете Министров РСФСР, например, курировали вопросы торговли и обслуживания населения, в том числе и дальневосточников, А.У. Струев, культуру, науку, образование, здравоохранение — М.Д. Яковлев, от их личной позиции зависело решение многих вопросов.

Политика согласований была проявлением так называемой совещательной демократии, ставшей отличительной чертой всей общественной жизни в тот период. «Совещательная демократия» соответствовала такому порядку организации власти, при котором многое в конечном счете зависело от воли лидера или группы лидеров. А это создавало почву для разногласий даже в среде тех, кто принимал решения.

Так, М.И. Яснов, зам. председателя Совета Министров РСФСР, выступая на одном из заседаний, говорил: «Дело идет к тому, что руководители областей, краев и республик перестанут обращаться в Совет

Министров, так как все функции Совмина взял на себя Госплан республики»¹¹. Каждая группа чиновников пыталась укрепить свои позиции. В формировании региональной социальной политики была сильна роль аппаратчиков Госплана РСФСР, что подтверждается рядом данных. В краевые, областные плановые органы Дальнего Востока поступали циркулярные письма из Госплана РСФСР, из содержания которых становится предельно ясно, что центральный плановый аппарат республики стремился овладеть информацией об истинном положении дел на Дальнем Востоке, чтобы проводить сбалансированную региональную политику с целью сохранить свою власть в регионах.

Вот небольшая выдержка из циркулярного письма тех времен, в содержании которого кроются истинные интересы: «В связи с происшедшими в 1957 г. большими изменениями в структуре промышленности и строительства местного подчинения необходимо более глубокое изучение всех сторон сложившегося хозяйства районов Сибири и Дальнего Востока, а также в целом предметного сравнения достигнутого в тех районах уровня жизни с центральными районами. Хотелось бы получить от Вас более подробный отчет о выполнении планов развития народного хозяйства». В задание по сбору материалов в районах Сибири и Дальнего Востока входили также данные об обеспеченности жильем, обслуживании коммунальных и культурно-бытовых нужд населения¹².

Совокупность приведенных исторических данных свидетельствует о переходе к новому типу взаимоотношений прежде всего среди субъектов социальной политики. Это в свою очередь составляло важнейший и благоприятный субъективный фактор, влиявший на реализацию социальных мероприятий.

Для периода конца 50-х — первой половины 60-х годов, как отмечено выше, было характерно согласование огромного количества документов, определявших размеры капитальных вложений в развитие местной промышленности, т.е. тех отраслей, которые производили товары повседневного спроса. Предметом согласований были количество и номенклатура изделий. Обсуждались и постоянно корректировались планы производства мебели, вывоза деловой древесины, цемента, стекла, даже телег, лопат. После длительной бюрократической процедуры согласований, например, было принято решение о строительстве в Хабаровском крае завода «Эмальпосуда», о сооружении пионерского лагеря и жилого дома для коллектива завода металлоизделий, жилого дома для фабрики ширпотреба, строительстве детских яслей. Причем, все это возводилось за счет накоплений промышленности Ленинграда и Москвы¹². Таким образом шел расчет за вывозимые с Дальнего Востока природные

ресурсы. По источникам, которые имеются в архивах, очень трудно получить систематизированные данные об обменных операциях партийно-государственного аппарата, но уже начиная со второй половины 50-х годов эти факты фиксируются косвенными подтверждениями. В те годы обменные операции санкционировались путем согласования с плановыми органами.

Наглядным примером бюрократической процедуры согласования являются и факты несколько иного рода. В 1956 г. из состава Хабаровского края выделилась Камчатская область. Совет Министров СССР 11 июля того же года принял постановление «О мероприятиях по развитию народного хозяйства Камчатской области». В апреле 1962 г. в Совет Министров СССР на имя Д.С. Полянского поступило письмо секретаря Камчатского областного комитета КПСС М. Орлова и председателя Камчатского облисполкома К. Есауленко, в котором содержалась просьба принять новое постановление «О мерах по дальнейшему развитию хозяйства и культуры Камчатской области»¹³. Анализ текста письма позволяет сделать вывод о причинах его появления. Необходимо было воздействовать на ряд министерств, чтобы решить конкретные вопросы социально-экономического порядка. Действием регионального партийного комитета было явно недостаточным, чтобы изменить отношение союзных министерств к вопросам строительства жилья, школ, больниц. Проект постановления согласовывался в 16 отделах Всероссийского совета народного хозяйства, 14 министерствах и ведомствах. В результате такой длительной процедуры были выделены дополнительные ассигнования на строительство жилья по линии Министерства морского флота (на 1962—1963 гг.) — 1,9 млрд. руб., что приблизительно хватало на строительство 3,7 тыс. кв.м, по линии Министерства автомобильного транспорта — примерно на 7 тыс. кв.м¹⁴.

С аналогичным письмом обращались, но только в Совет Министров РСФСР председатель Магаданского облисполкома И. Чистяков и председатель окрисполкома А. Нутэ-те-Гринэ в июле 1962 г.¹⁵ В результате таких же аппаратных согласований «снизу» «вверх» и обратно было достигнуто решение многих вопросов, которые касались улучшения условий жизни в Хабаровском крае.

Партийно-государственные структуры, выполняя свои управленческие функции, претендовали на особые привилегии в распределительных отношениях. Анализ всех названных документов позволяет высказать тезис о постоянном стремлении местной партийно-государственной бюрократии расширить свои властные права. В 1956 г. — начале 60-х годов шла тихая скрытая от общественности перманентная борьба за

роль главного «хозяина» в регионе. Исторические источники содержат сведения о фактах разрешения частных спорных вопросов. Но чаще всего такой «спор» завершался победой работников аппарата министерств, хозяйственников высшего эшелона.

В июне 1959 г. председатель Хабаровской краевой плановой комиссии обратился в Госплан РСФСР с инициативой «предоставить право крайисполкому перераспределять капитальные вложения, выделяемые на объекты просвещения»¹⁶, но эта попытка оказалась безрезультатной. В рассматриваемый период со стороны местных исполнительных структур власти были попытки расширить свои права по контролю за производством товаров широкого потребления и, естественно, за их распределением. В данном случае показателен пример сахалинцев. Аппаратчики Сахалинского облисполкома обратились в Совет Министров СССР с проектом «О мерах по дальнейшему расширению производства товаров широкого потребления», где просили предоставить Сахалинскому облисполкому право устанавливать задания для союзных и союзно-республиканских строительных организаций по выпуску товаров народного потребления, по комбинатам бытового обслуживания и другим социальным предприятиям за счет средств местного бюджета в пределах 5% общего объема строительных работ каждой строительной организации¹⁷. Но практически каждое союзное министерство, куда был направлен данный проект «на согласование», выступило против него¹⁸. Очень любопытна и показательна аргументация министров, в частности министра угольной промышленности: «Предоставление Сахалинскому облисполкому возможности в течение всего года поручать комбинату «Сахалинуголь» выполнение работ привело бы к дезорганизации строительной организации на Сахалине и поставило бы ее в полную зависимость от Сахалинского облисполкома, фактически бы лишило министерства контроля над их деятельностью»¹⁹. Последний аргумент явно говорит, что борьба за ресурсы, за монопольное право контролировать их распределение представляла основную форму внутригрупповых противоречий. Заместитель начальника строительства и расквартирования войск, маршал интендантских войск М. Воробьев также выступил против этого пункта проекта. Аналогичную позицию заняли чиновники Министерства морского флота²⁰. Министерский чиновничий аппарат боролся за каждое предприятие, выступая против децентрализации.

Даже такие два предприятия, как заводы ликеро-водочных напитков на Сахалине, стали предметом спора Советов и аппарата Госплана РСФСР. Аргументы чиновников из центра были крайне просты: «При передаче этих заводов в другое подчинение будет ослаблен контроль за

производственной деятельностью и сохранностью товаров и материальных ценностей»²¹.

Таким образом, во второй половине 50-х — начале 60-х годов шел активный процесс поиска равновесия интересов центра и властей на Дальнем Востоке в сфере контроля за производством товаров повседневного спроса, распределения ресурсов. Опыт формирования планов социального развития Дальнего Востока свидетельствует о том, что в советской социальной политике, несмотря на ее детерминированность объективными факторами, огромную роль играл субъективный. Вся система согласований, составляющая ядро реализационного механизма, держалась именно на субъективном факторе. Поэтому бюрократический механизм социальной политики в его либеральном варианте мог функционировать только при условии иерархического контроля за выполнением заданий, решений, постановлений, инструкций. Исполнение постановлений и решений обеспечивалось всем менталитетом руководителей. По словам В.Н. Новикова, стиль и методы руководства оставались теми же, что и при Сталине²². То же самое относилось к руководству республик, краев и областей. Система нерархического контроля оставалась еще сильным звеном в процессе осуществления всех социально-распределительных мероприятий на первом этапе либерализации.

В этой системе главная роль принадлежала партийному контролю. До 1962 г., как известно, действовало решение XVIII съезда КПСС о предоставлении партийным организациям права контроля за состоянием работы предприятий и администрации. На ноябрьском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС было принято решение о реорганизации системы контроля в стране и образован Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР и соответствующих органов на местах²³. Это было фактическое признание и документальное оформление общности интересов партийного аппарата и хозяйственников. Создание такого органа свидетельствовало об интеграции их интересов.

Широкое привлечение к контролю представителей рабочих и крестьян (здесь необходимо сослаться на выводы и факты, приведенные в работе Л.Г. Ключковской) также подтверждает наш вывод, что в СССР в сфере распределительных отношений наблюдалась тенденция к согласованию интересов различных социальных групп. Местные органы партийно-государственного контроля создавались на Дальнем Востоке по территориальному принципу. Л.Г. Ключковская определила время их создания — март 1963 г. По ее данным, аппарат штатных сотрудников составлял на Дальнем Востоке в 1964 г. около 6 тыс. чел. Создавались внештатные отделы и временные комиссии, бюро жалоб, заявлений и

предложений трудящихся. Во всех комитетах были отделы торговли и общественного питания, бытового обслуживания, культуры и здравоохранения, социального обеспечения²⁴.

Особое место занимали внештатные отделы, бюро жалоб и предложений трудящихся. За 1963 г. ими было рассмотрено на Дальнем Востоке 9 тыс. писем, создано в регионе 63500 групп содействия комитетам народного контроля: в них работали 26217 чел.²⁵

В конце 50-х — начале 60-х годов политическая элита придавала этой форме социального контроля особое внимание, поскольку разрушались основы репрессивного политического режима. Органы народного контроля обеспечивали таким образом преемственность во всем реализационном механизме.

В то же время движение «снизу» против несправедливых фактов распределения, «борьба с расхитителями народного добра», контроль за движением материальных ценностей от производства до потребителей вызывали недовольство у провинциальной бюрократии, стремившейся к неконтролируемому господству в сфере распределения. Это явилось одной из причин бюрократического взрыва в 1964 г. по отношению к Н.С. Хрущеву. Но региональная бюрократия никогда бы самостоятельно в те годы не решилась на такой «бунт», однако политические события в Москве решили ее проблемы.

Нарождавшаяся в начале 60-х годов система согласований преодолела несколько видов противоречий. Например, создание совнархозов, направленное на усиление территориального управления, привело на Дальнем Востоке к временному обострению отношений хозяйственников и работников Совета. Наглядный пример — публикация статьи «Приморские курьезы» в «Экономической газете»²⁶. Суть разногласий сводилась к следующему: поскольку многие предприятия местной промышленности стали контролироваться совнархозами, то госаппаратчики начали высказывать свое недовольство этим²⁷. Но такие разногласия носили временный характер. Все чаще стала проявляться консолидация интересов партийно-государственной и хозяйственной бюрократии. Теперь в центральные органы власти с Дальнего Востока все чаще стали поступать документы за совместными подписями руководителей совнархозов, советских и партийных органов. В переписке прослеживаются постоянные требования корректировок, обоюдное стремление дальневосточных совнархозов и провинциальных партийно-государственных аппаратов осуществить перераспределение в пользу своих территорий²⁸. В письме председателя Магаданского совнархоза Ю. Чугуева, отправленном на имя Ф.Р. Козлова в Совет Министров РСФСР (от 8 февраля

1958 г.), в письме исполнявшего обязанности начальника отдела по совнархозам Дальнего Востока Т. Толкина на имя В.Н. Новикова*, председателя Госплана РСФСР (от 10 октября 1957 г.), четко обосновывалась необходимость увеличения капиталовложений по дальневосточным совнархозам.

Такой характер взаимоотношений партийно-государственной бюрократии центра с руководством краев и областей Дальнего Востока свидетельствует, что «исторический» путь развития этой бюрократии проходил от обладания политической властью к стремлению господствовать и в сфере производства, особенно в области распределения. Партийно-государственная и хозяйственная номенклатура, являясь субъектом социальной политики, одновременно была и ее объектом, в ходе осуществления социальных мероприятий меняла свой социально-психологический образ. Но в конце 50-х — начале 60-х годов она еще во многом сохраняла старые черты: исполнительность, испытывала большое влияние идеологии. В то же время, вынужденная приспосабливаться к реформам, к постоянным реорганизациям в условиях либерализации политического режима, она постепенно теряла чувство страха. Провозглашение идей роста «материального благосостояния» главной целью общества создавало благоприятный морально-психологический климат для развития прежде всего корпоративной системы льгот и привилегий. Изменялись и количественные характеристики этой социально-профессиональной группы.

Установить число состоявших в партийно-государственной и хозяйственной бюрократии (и ее номенклатурной части) в так называемый переходный период от жесткой распределительно-нормированной политики к ее либеральному варианту очень сложно и связано с «размытостью» социальных границ, различным объемом власти во всей распределительной системе. Границы этой социальной группы трудно определить, поскольку «управленцы» растворялись статистическими органами в массе служащих и интеллигенции.

Существуют различные методики подсчетов. Для данной работы важно определить, какова же была доля тех, кто непосредственно разрабатывал социальные мероприятия и руководил их реализацией. Если рассматривать количество работников, связанных с руководством людьми, то, по данным Л.А. Гордона и А.К. Назимовой, доля их составляла в 50-е годы 4%, в 60-е — 5%²³. Дальневосточный историк В.Е. Борчани-

* Новиков В.Н. с 1960 г. — председатель Госплана СССР; в 1965—1980 гг. — зам. председателя Совета Министров СССР

нова, исследуя социальную структуру населения Дальнего Востока, пришла к следующему выводу. Среди всех работающих в народном хозяйстве региона аппаратчики составляли 14—16%. Среди них В.Е. Борчанинова выделила две группы: руководители государственных, хозяйственных и кооперативных организаций — от 2 до 3% и остальные руководители предприятий, организаций, их заместители, начальники подразделений, смен, цехов, мастера³⁰. Но в первой группе не названы партийные, комсомольские, профсоюзные работники. Если учесть, что в реализации социальных мероприятий в регионе были задействованы работники от союзных органов до руководителей первичных организаций, то можно воспользоваться данными Всесоюзной переписи населения 1959 г. и учесть все группировки официальной статистики³¹. Эта относительная цифра приближается к данным Л.А. Гордона и А.К. Назимовой, т.е. к 6%. Из приведенных данных, однако, очень трудно выявить точные цифры, которые бы ответили на вопрос: на какую же долю занятого населения распространялась система льгот и привилегий, связанных с управленческо-бюрократической функцией. Здесь также трудно воспользоваться статистическим методом, поскольку объем привилегий зависел от объема власти в распределительной системе и необязательно в формализованном порядке.

Очень многое зависело от стечения различных субъективных факторов: личных знакомств, авторитета, даже от того или иного вида выпускаемой продукции, поскольку система привилегий в распределительном механизме невозможна без обменных операций. Статистическими данными трудно подтвердить этот тезис, здесь есть резон сослаться на данные косвенного порядка. К ним можно отнести, например, документы, в которых раскрываются факты злоупотребления служебным положением, но они также отрывочны. Это связано со стремлением партийно-государственной номенклатуры тех лет скрывать всю информацию о реальных источниках и размерах своих доходов.

Характерной чертой конца 50-х — начала 60-х годов являлось то, что среди аппаратчиков всех рангов проводилась постоянная перестановка кадров, и эта перестановка сопровождалась изменениями в оплате труда. В 1959—1961 гг. за счет упразднения некоторых должностей были введены новые оклады работникам партийного аппарата, что можно проследить на примере Приморского края (табл.7).

Ставки партийных работников устанавливались на основании постановления ЦК КПСС от 28 февраля 1961 г. «Об упорядочении заработной платы освобожденных работников первичных партийных организаций»³², затем определялись решением бюро Приморского крайкома КПСС.

**Новые должностные оклады партийного аппарата в сравнении
со среднеотраслевыми (руб.) в 1961 г.**

Отрасли, партийные органы	Должность	Размер заработной платы	Средний размер заработной платы рабочих и служащих
Морской транспорт Партком морского транспорта	Секретарь	250	108,7
	Зам. секретаря	200	
	Зав. сектором уч.	105	
Машиностроение Партком Дальзавода	Секретарь	202	104,4
	Зам. секр.	176	
	Зав. сект.уч.	105	
Угольная	Секретарь	220	158,8
Пищевая промышленность Партийный комитет Масложиркомбината	Секретарь	150	79,6
Партком Сахарного комбината	Секретарь	112-150	79,6
Совхоза «Артемовский»	Секретарь	140	63,1
Колхозы Приморья	Секретарь	95	45,1
Сельскохозяйственный институт	Секретарь	120	
	Преподаватель	142,3	

Примечание: Таблица составлена на основе источников: ГАПК. Ф.11-68. Оп.6. Д.383 Л.108; РГАЭ. Ф.1562. Оп.15. Д.3730. Л.71—75, 146—147.

Из приведенных в таблице данных видно, что самый большой разрыв между средней оплатой труда в отрасли и заработной платой секретарского корпуса первичных организаций наблюдался в совхозах и колхозах — почти в 2 раза. На морском транспорте рабочий получал 43,5% от уровня заработной платы секретаря, работник партийного аппарата, занятый канцелярской работой, получал примерно столько же, сколько рабочий.

Анализ данной таблицы позволяет сделать еще ряд обобщений: заработная плата партийно-чиновничьего аппарата зависела от отраслевого статуса предприятия, т. е. и по отношению к «своим», но лицам низшего ранга проводился тот же технократический служилый принцип. В 1962 г. последовало вновь «упорядочение» заработной платы освобожденных работников партийных организаций на железнодорожном

транспорте, в рыбных портах и совхозах края. Политическое руководство должно было учитывать интересы новых групп партийно-государственной номенклатуры. Средняя заработная плата секретаря первичного звена оставляла (с поясным коэффициентом) от 140 руб. (в совхозах) до 114 руб. у секретаря рыбного порта. На самой низшей ступени стояли номенклатурщики, занятые в пищевой отрасли, в сельском хозяйстве. На заседаниях бюро крайкомов и обкомов все чаще стали рассматриваться вопросы о премировании партийных, профсоюзных и комсомольских работников, хозяйственников.

Имеющиеся источники в архивах не содержат прямых данных о существовавшем уровне различий в получении доходов, но здесь можно использовать логические построения. По результатам бюджетных обследований, среднемесячный денежный расход на одного члена в семьях ИТР (куда включались представители хозяйственной номенклатуры) в 1960 г. составлял 69,7 руб. В такую же примерно сумму оценивалась в официальной статистике и стоимость бюджетной потребительской корзины. На иждивении ИТР находилось в среднем 2 чел. Таким образом, подсчитав ($69,7 \text{ руб.} \cdot 3 = 209,1 \text{ руб.}$), получаем примерный количественный расход.

Теперь сравним это с данными о заработной плате секретарского корпуса. В промышленности она составляла на Дальнем Востоке от 202 руб. до 250 руб. Таким образом, доходная часть была выше расходной. В семьях же рабочих заработная плата в среднем достигала 120,7 руб. Если разделить эту сумму на число иждивенцев (по бюджетным обследованиям — 3—4 чел.), то получится 40 руб. на человека. Это ниже прожиточного минимума начала 60-х годов²³ и гораздо меньше, чем в семьях работников партийно-государственного аппарата. Однако начавшаяся политика баланса интересов различных социальных групп заставляла политическое руководство страны контролировать доходы провинциальной партийно-государственной и хозяйственной бюрократии. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июля 1959 г. «О мероприятиях по решительному наведению порядка премирования инженерно-технических работников и служащих в народном хозяйстве СССР»²⁴ было направлено как на ограничение растущих злоупотреблений в этой области, так и на сдерживание процесса расслоения в области формирования доходов.

Стремление бюрократии повысить свои доходы через премиальную форму было не единственным направлением создания лучших условий жизни. В начале 60-х годов в ценностных ориентациях как партийных и советских работников, так и хозяйственников ведущее место стало за-

нимать стремление улучшить жилищные условия, получить государственное жилье. К такому выводу автор пришел в результате анализа так называемых персональных дел, связанных со злоупотреблением служебным положением и разбиравшихся на заседаниях бюро крайкомов и обкомов КПСС. Примером может послужить и «Записка приморской группы контролеров РСФСР», направленная в Приморский крайком КПСС. В начале 60-х годов вопрос о жилищном строительстве был одним из важнейших. На партийных конференциях, партийно-хозяйственных активах, сессиях Советов ему уделялось огромное внимание⁵⁵.

В конце 50-х — начале 60-х годов расширялись не только привилегии и льготы провинциальной партийно-государственной бюрократии, но в сам процесс втягивалось все большее число управленцев и обслуживающего их персонала. Причем некоторые политики тех лет в определенной мере даже пытались бороться с этими явлениями. 5 ноября 1961 г. вышло постановление Комитета народного контроля, в котором обозначались две позиции: во-первых, необходимость улучшения состава аппарата управления и его деятельности, во-вторых, признавались многочисленные факты расточительного расходования больших средств на приобретение мебели, инвентаря для служебных помещений, устройство банкетов, приемов⁵⁶.

Очень сложным для исторического анализа является такой аспект начала либерализации распределительно-нормированной социальной политики, как курс на низкие и стабильные цены на товары и услуги. В распределительной системе советского типа этот курс составлял важнейшее звено. (Подробно этот аспект будет рассматриваться в разделе о влиянии социальной политики на уровень жизни, в данном случае же речь идет о группах, использующих право и функции распределения). Низкие цены также использовались в субъективных и корпоративных интересах бюрократии, работников специализированного аппарата распределения. Рассматривая и анализируя этот вопрос, очень трудно провести линию разграничения и определить, где преобладали мотивы выполнения управленческих функций, а где чисто субъективные интересы. Но в этом и была сила социальной политики советского типа: всегда можно было обращаться к интересам народа, в частности к интересам дальневосточников.

Наши логические построения о соотношении доходов, расходов и стоимости потребительской корзины позволяют высказать тезис, что уровень цен приводился в соответствие с уровнем зарплаты партийно-государственной номенклатуры провинциального ранга. В результате при соответствующих привилегиях в распределительной системе уровень

жизни этой социальной группы превышал уровень жизни групп, заняты исполнительским трудом.

Отличительной чертой начального этапа реализации либеральной социальной политики в СССР было регулирование партийной бюрократией своих отношений с группой специализированного аппарата распределения, т.е. работниками торговли, материально-технического снабжения, общественного питания и т.д. Контроль партийного аппарата за деятельностью этих работников в конце 50-х — начале 60-х годов составлял важнейшее условие реализации распределительно-нормированной социальной политики. Например, в 1961 г. на заседании бюро Приморского крайкома КПСС обсуждали вопрос «О сохранности социалистической собственности на Уссурийском мясокомбинате»⁶⁶, в результате прокурору края было поручено проверить этот факт. Осуждались и запрещались такие «операции», как «беспорядочный отпуск мяса рабочим, реализация мяса через ларек». Вскрывались часто факты прямого хищения: на территории Уссурийского мясокомбината было задержано в 1961 г. 95 «несунов», у которых изъяли 311 кг мяса⁶⁷.

Для начала 60-х годов типичными были постоянные проверки правильности государственных цен в торговле, борьба против обсчета покупателей. В 1961 г. в Приморье состоялись 4152 проверки, и в 2642 случаях были установлены нарушения «правил советской торговли»⁶⁸. Здесь по-прежнему важную функцию выполняла система подбора и расстановки кадров. В 1959 г. повсеместно на Дальнем Востоке стали создаваться партийные комиссии, которые осуществляли контроль за деятельностью администрации в торговле, материально-техническом снабжении. Они назывались «комиссии по соблюдению правил советской торговли, по обеспечению бесперебойного завоза товаров»⁶⁹. Деятельность таких комиссий направлялась на подавление корпоративных, субъективных интересов торговых работников. В исторических документах тех лет прямо указывается на эту функцию: «С созданием комиссий партийные организации получили возможность еще сильнее влиять на дела своих предприятий, решительно бороться против недостатков». Деятельность торговых работников была довольно частым предметом обсуждения на заседаниях партийных бюро. Предпринимаемые меры носили персонафицированный характер. Типичными формулировками документов тех лет были: «... Многие хозяйственные руководители в погоне за выполнением плана производства валовой продукции не обеспечили выполнения установленных задач в ассортименте товаров»⁴⁰.

Таким образом, выработка баланса интересов, либерализация социальной политики советского типа в конце 50-х — начале 60-х годов

проявилась прежде всего по отношению к различным рангам партийно-государственной номенклатуры, особенно провинциального уровня. Укрепление ее позиций на Дальнем Востоке влияло на характер проведения социальных мероприятий, затрагивающих интересы всех социально-профессиональных групп. Начавшаяся децентрализация управления экономикой, социально-бытовой сферой позволила провинциально-региональной бюрократии шире выводить интересы дальневосточников на политический уровень. Начальный этап либерализации социальной политики сопровождался поиском усовершенствования реализационного механизма через различные формы согласования, оптимизации самих бюрократических процедур. Но во внутрigrупповых отношениях сохранялось прежнее социально-политическое ядро: политики контролировали деятельность местной хозяйственной бюрократии, что придавало устойчивость механизму.

4. ТРУДНОСТИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗМЕНЕНИИ УРОВНЯ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х ГОДОВ

В конце 50-х годов в результате мобилизации всех ресурсов и либерализации распределительно-нормированных отношений были достигнуты значительные перемены в уровне жизни дальневосточников. Ощущение перемен усиливалось сравнением с послевоенной нищетой. Новым фактором общественных отношений становились уравнивательные тенденции, которые тоже влияли на весь социально-психологический климат в СССР.

Эти тенденции явились результатом целенаправленной политики послесталинского руководства. Уравнительность как элемент либерализации в те годы обеспечивалась еще относительно высокими темпами производства. В то же время уравнительность внедрялась в общественные отношения при развитии всей системы социально-политического контроля в стране.

Различные виды контроля распространялись не только на группы, занятые исполнительным трудом, но и на управленцев всех рангов, в том числе на провинциально-региональную бюрократию. На местах она выполняла одновременно управленческие функции и представляла интересы дальневосточников на высшем политическом уровне.

Однако в начале 60-х годов экономическая ситуация в СССР стала меняться. Первые признаки экономического спада заставили политическое руководство и административно-управленческий аппарат искать пути смягчения экономических трудностей, уменьшения их влияния на материальное положение различных социальных групп. Только такая социальная политика могла обеспечить (в условиях «критики своего прошлого в лице Сталина») стабильность в обществе, а главное сохранение доверия к советской бюрократии и ее партноменклатурной элите.

Уровень понимания, восприятия и решения всех проблем в те годы не мог выйти за рамки организационных административных перераспределительных действий. Группы, осуществлявшие социальные мероприятия, и все остальное население, в интересах которого они решались, генетически были связаны с общественно-моральными нормами распределительной системы.

Партноменклатурная элита начала 60-х годов повторяла некоторые приемы сталинского руководства, но в модернизированной форме. На первый план, как в свое время в 1947 г., была выдвинута идея изменения масштаба денежной единицы и введение новых денег.

В определенной степени и представители властных структур, и экономисты тех лет понимали, что финансово-денежной системе принадлежит ведущая роль. Денежная реформа 1961 г. временно сбалансировала наличие денежной массы и рынка* потребительских товаров**. Это также обеспечило экономические условия для продления курса либеральной социальной политики.

Уже само обоснование Н.С. Хрущевым необходимости проведения денежной реформы свидетельствовало о признании первых признаков инфляционных тенденций в стране и необходимости принятия сдерживающих мер. Хотя, как известно, официальные идейно-теоретические догматы не признавали инфляцию для советской экономической системы. Непризнание специалистами данного явления отразилось и на всей статистике. Поэтому обратимся к анализу текста высказывания политического лидера. «Теперь бывает так: лежит копейка на тротуаре, иной человек проходит и не нагнется, чтобы поднять ее. А когда будут новые деньги, копейка не будет валяться, ее обязательно поднимут, ведь коробка спичек», — говорил Н.С. Хрущев на сессии Верховного Совета СССР в 1960 г.¹ В 1960 г. работники Госплана СССР, Министерства

* «Рынок» употреблен как синоним массы распределяемого товара.

** А.И. Матлин считает, что многие неудачи начались с реформы 1961 г. (Знание-сила. 1989. №7. С.16). Но в данной статье берется лишь экономический аспект и не учитывается социально-политический.

финансов СССР и Госбанка СССР докладывали правительству: «... значительный рост заработной платы с ее упорядочением и сокращением продолжительности рабочего дня не был компенсирован соответствующим повышением производительности труда»².

В такой ситуации правительство в 1962 г. идет на повышение розничных цен (мясо, молоко) и на замораживание темпов роста заработной платы. В результате темпы роста прибыли в промышленности за 1958—1962 гг. составили в СССР 74%, а темпы роста отчислений в фонд заработной платы всего 33%. Если иметь в виду одного работающего, то прибыль возрастала на 41%, а средства, шедшие на зарплату, премирование, на оплату путевок в санатории на одного работающего, сократились за этот период на 6,2%³. То есть фактически были приняты меры, обозначавшие, что надо жить по средствам.

Для Н.С. Хрущева как политического лидера это было непопулярное решение, и поэтому возросла роль идеологического обеспечения таких решений. Замораживание заработной платы коснулось и той социальной базы, на которую опирался Н.С. Хрущев, — провинциально-региональную номенклатуру.

Политическое руководство времен Н.С. Хрущева попыталось контролировать расходы на ее содержание. Это было продолжением сталинских методов в новых социально-политических условиях. Бюджетные ассигнования в 1961 г. по сравнению с 1953 г. были урезаны на 25%. ЦК партии рекомендовал на местах сократить управленческий аппарат. Такое противоречивое отношение к «руководящим кадрам» вызывало своеобразную реакцию провинциальной бюрократии, что стало проявляться в отношении чиновников к своим управленческим обязанностям. В материалах различных партийных собраний, пленумов, заседаний бюро назывались такие основные причины невыполнения конкретных мероприятий, как слабая организаторская работа отдельных руководителей исполкомов, ведомств, хозяйственных органов, торговли, службы быта, партийных комитетов⁴. Многие заседания бюро были посвящены разбору дел, касавшихся «плохой работы кадров». В своих воспоминаниях В.Н. Новиков пишет, что при Н.С. Хрущеве сохранялись многие жесткие методы работы с кадрами⁵.

Дальний Восток не был исключением. Однако, если говорить в целом о реализационном механизме социальной политики сталинского типа, то он в первой половине 60-х годов медленно эволюционировал и разрушался. Разрушительную роль играла, в частности, так называемая «демократия согласований» или «совещательная демократия». Она очень противоречиво влияла на исполнение бюрократией управленческих фун-

кий. Причем часто простое стечение обстоятельств, а не только личное руководство определяли степень выполнения того или иного правительственного постановления. Вместе с тем провинциально-региональная бюрократия боролась за расширение прав и все больше и больше требовала распределения средств в пользу своего региона, в частности Дальнего Востока. В тех условиях только такая мера создавала благоприятные условия для деятельности чиновников, аппаратчиков.

Однако увеличение капиталовложений в развитие хозяйственного комплекса Дальнего Востока объективно отражало интересы и других социальных групп, всех дальневосточников. Тем самым создавалась не только экономическая, но и социально-психологическая основа для солидарности всего населения восточных регионов. Поэтому тогда партийно-государственный аппарат по-прежнему выступал главным представителем интересов дальневосточников. От него зависело получение или неполучение дополнительных средств в местные бюджеты, на строительство предприятий и учреждений социально-бытовой сферы. Начиная с 50-х годов, в Госплан СССР и Госплан РСФСР из восточных районов страны приходило все больше различных партийных и государственных документов, заключений ученых, в которых сообщалось о реальной ситуации в социально-бытовой сфере и ставился вопрос о необходимости новых централизованных мер по улучшению жизни сибиряков и дальневосточников⁶.

В ходе обсуждения в центре жизненно важных для дальневосточников вопросов складывалась концепция региональной социальной политики привлечения трудовых ресурсов. При этом социальные мероприятия рассматривались как средство, с помощью которого можно было привлечь на Дальний Восток рабочих и специалистов в отрасли, особенно имевшие союзное значение и специализацию. Таким образом, региональная социальная политика выступала в роли главного регулятора уровня жизни. При этом привлечение трудовых ресурсов традиционно обеспечивалось денежными надбавками к заработной плате. И вся структура формирования доходов дальневосточников, уже сложившаяся на предшествующем этапе, составляла объективное экономическое условие для того, чтобы заработная плата выполняла названную выше функцию.

Данные показывают (табл. 8.9), что заработная плата всех членов семьи в дальневосточном регионе составляла 84—87% их совокупного дохода. Следовательно, она оставалась главным объектом внимания партийно-государственной бюрократии центра.

В условиях снижения темпов экономического роста в СССР и производительности труда партийно-государственная власть пошла в 1960—

Структура денежных доходов семей рабочих промышленности (угольной, металлообрабатывающей, деревообрабатывающей и промышленности строительных материалов) в Приморском крае в 1961—1965 гг.

	1960		1961		1962		1963		1964	
	руб.	в %	руб.	в %	руб.	в %	руб.	в %	руб.	в %
Весь денежный доход	2748,0	100	2698,2	100	2832,6	100	2903,8	100	2970,15	100
Заработная плата всех членов семьи		84,7	85,1	84,9	77,7		77,0			
Заработная плата обследуемого	1896,0	69,0	1816,2	67,3	1844,6	65,1	1892,2	65,2	1947,8	65,0
Заработная плата других членов семьи	456,0	16,7	481,6	17,8	532,7	18,9	653,0	22,5	654,6	22,0
Пенсии и стипендии	96	3,5	106,1	3,9	108,9	3,8	51,4	1,8	49,4	1,7
Пособия	108,0	3,9	112,3	4,2	122,9	4,3	109,6	3,7	91,4	3,1
Пособия по социальному страхованию	96,0	3,5	104,8	3,9	115,3	4,1	98,4	3,4	84,3	2,8
Общественные фонды потребления:										
Денежные дотации предприятий (детские сады, санатории и т.д.)	36,0	1,3	40,3	1,5	59,6	2,1	70,5	2,4	83,8	2,8
Стоимость натуральных поступлений от предприятий	12,0	0,4	9,8	0,4	9,0	0,3	8,3	0,3	9,9	0,3
Другие поступления от государства	36	1,3	31,6	1,2	39,7	1,4	43,3	1,5	55,6	1,9
Прочие поступления	108,0	3,9	100,3	3,7	115,2	4,1	75,6	2,6	77,7	2,6

Источник: ГИСК. Ф. 131. Оп. 16. Д. 6. Л. 1-11; Д. 3. Л. 13; Д. 4. Л. 6; Д. 5. Л. 4; Д. 6. Л. 3.

Таблица 9

Структура денежных доходов семей рабочих промышленности (черной металлургии, химической, машиностроения, деревообрабатывающей) Хабаровского края в 1961—1965 годах.

	1960		1961		1962		1965	
	руб.	в %	руб.	в %	руб.	в %	руб.	в % к итогу
Весь денежный доход	2837,4	100	2655,1	100	2787,87	100	3071,60	100
Заработная плата рабочих	1669,8	58,9	1578,9	59,47	1610,53	57,8	1657,35	53,95
Зар./пл. др. членов семьи	743,76	26,2	710,83	26,77	753,49	27,0	972,25	31,65
Зар./пл. всех членов семьи	24135,56	85,1	2289,73	87,24		84,8		81,60
Целевые	59,64	2,1	64,58	2,43	71,68	2,6	55,74	1,81
Стипендии и пособия, в т.ч. и по соцстрахованию	94,16	3,4	201,52	7,58	205,32	10,4	116,82	3,80
Денежные дотации от предприятий и учреждений	79,68	2,8	80,58	3,03	86,22	3,1	116,87	3,80
Другие поступления от гос-ва	61,68	2,2	47,07	1,77	54,13	1,9	44,23	1,43
Прочие поступления	114,60	4,0	92,98	3,5	101,35	3,6	109,69	3,57

Источники: ГАХК. Ф. 719. Оп. 29. Д. 672. Л. 3; Д. 764. Л. 54; Д. 875. Л. 7.

Состав и структура денежных расходов обследуемых семей рабочих промышленности (угольной, металлообрабатывающей, строительных материалов) Приморского края в 1961—1965 гг.

	1961		1962		1963		1964	
	руб.	в %	руб.	в %	руб.	в %	руб.	в %
Весь денежный доход	2641,0	100	2758,5	100	2774,60	1000	2944,5	100
В том числе:								
покупка продуктов питания и общественное питание	1041,0	39,4	1090,4	39,5	1107,8	39,9	1158,3	39,4
Водка, вино, пиво	155,0	5,9	168,8	6,1	160,4	5,8	160,1	5,4
Плата за детские учреждения	34,9	1,3	54,4	2,0	79,7	2,8	94,3	3,2
Покупка тканей, одежды, обуви	492,4	18,7	509,6	18,5	501,3	18,1	422,2	14,3
Мебель, хозяйственные вещи, электроприборы	73,4	2,8	73,8	2,7	112,8	4,1	102,2	3,5
Культурные товары	79,3	3,0	101,5	3,7	85,3	3,1	91,9	3,1
Папиросы, сигареты	20,1	0,8	15,25	0,7	19,8	0,7	21,6	0,7
Отдых, лечение	60,8	2,3	68,0	2,4	61,7	2,2	69,3	2,4
Культурно-просветительные мероприятия	40,6	1,5	38,25	1,4	32,4	1,2	29,32	1,0
Оплата жилищна и коммунальных услуг	82,1	3,1	84,9	3,1	88,9	3,2	97,8	3,3
В том числе:								
Оплата жилищной, ремонт	29,8	1,1	19,47	0,7	9,1	0,3	30,9	1,1
Покупка стройматериалов	29,8	1,1	27,0	1,0	31,1	1,1	32,2	1,1
Транспорт, почта, телеграф	72,6	2,7	78,8	2,8	80,9	2,9	86,8	2,9
Платежи	217,0	8,2	218,4	7,9	226,1	8,2	239,5	8,1
Прочие расходы, взносы	242,0	9,2	233,3	8,5	208,37	7,5	214,5	7,1

Источник: ГАИК, ф. 131. Оп. 16. Д. 3. Л. 6; Д. 4. Л. 5; Д. 6. Л. 6; Д. 5.

Примечание 1 — доля жилой расход на одну семью; 2 — в % к итогу.

1962 гг. на замораживание темпов роста заработной платы на Дальнем Востоке, как и в целом по стране. Это сразу же отразилось на структуре семейных бюджетов.

Рассмотрим данную тенденцию на примере рабочих (рабочие составляли около 65% от всего занятого населения Дальнего Востока). Как показывают данные таблиц 8, 9, 11, прекратился рост заработной платы не только у глав семей, но и у других членов этих семей. В 1962—1965 гг. удельный вес заработной платы в структуре доходов был ниже, чем в 1960—1961 гг. Замораживание темпов роста заработной платы отразилось на общих денежных доходах в семьях рабочих (табл. 11).

Таблица 11

**Динамика денежных доходов в семьях рабочих южной части
Дальнего Востока в 1959—1965 гг.**

Годы	Денежные доходы в среднем на одну семью в год (руб.)	В том числе заработная плата всех работающих членов семьи в год (руб.)
1959	2720,9	2319,9
1960	2714,6	2330,5
1961	2698,2	2297,7
1962	2832,6	2374,4
1963	2904,1	2545,3
1964	2970,9	2602,5
1965	3169,9	2776,6

Источник: ГАРФ. Ф.374. Оп.36. Д.3870. Л.91.

Однако замораживание темпов роста заработной платы в 1959—1961 гг. было осуществлено на фоне проведения принципа уравнительности (табл. 12). Такое сочетание способствовало сохранению стабильности в обществе, политики тем самым подкрепляли выдвинутые ими лозунги о «стирании социальных различий в СССР». Идеино-теоретические воззрения в сочетании с конкретными обстоятельствами вылились в социально-политические решения, которые влияли на динамику уровня жизни.

В июне 1961 г. было принято постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР о новой системе оплаты труда. В результате так называемого «упорядочивания заработной платы» в централизованном по-

рядке были повышены тарифные ставки рабочих⁷. В цветной металлургии, на открытых горных работах они повышались на 61%, на подземных — на 81%, в угольной промышленности соответственно — 43 и 70%, в металлообработке — на 46,3%, в строительстве — на 80%⁸. Изменение тарифов было одним из главных рычагов контроля за заработной платой во всех регионах страны.

В результате изменения тарифных ставок произошло сближение уровней заработной платы в отраслевом разрезе. Так, в цветной металлургии заработная плата увеличилась на 20%, на автомобильном транспорте — на 13%. У низкооплачиваемых категорий рабочих заработная плата была повышена на 40—60%⁹.

К середине 60-х годов курс на уравнительность дал свои результаты в среде рабочих. На Дальнем Востоке наибольший удельный вес составляли семьи со среднемесячным доходом 600—900 руб.; таких было 41,6%. Семьи со средним душевым доходом 900—1200 руб. составляли 34,1%. На самые крайние группы приходилось: 11,4% — с минимальным доходом 600 руб.; число наиболее обеспеченных семей — 12,9%¹⁰.

Уравнительные тенденции в 1960—1965 гг. имели свои пределы и свидетельствовали о сохранении служилой социально-профессиональной структуры общества. Если сравнить заработную плату занятых в материальном производстве Дальнего Востока (особенно в отраслях союзного значения) и групп населения, работающих в так называемой непроизводственной сфере (по терминологии тех лет), то получаются следующие результаты. В наихудших условиях оказывались в тот период профессиональные группы, связанные со здравоохранением, просвещением, жилищно-коммунальным обслуживанием (табл.12). В здравоохранении заработная плата составляла 70% от средней в народном хозяйстве как в северной, так и южной части Дальнего Востока. Работники здравоохранения Приморья, Амурской области, Хабаровского края получали меньше, чем в среднем по народному хозяйству. Но это наблюдалось и в целом по Российской Федерации. Средняя заработная плата в южной части Дальнего Востока была выше среднереспубликанской всего на 16,7%; на севере соответственно — в 2 раза.

Анализ состава фонда заработной платы рабочих на севере Дальнего Востока показывает, что он отличался очень высоким удельным весом выплат по районному коэффициенту — 28,1% к итогу; надбавки за работу на Севере составляли 16,8%¹¹. Эти выплаты были направлены в первую очередь на привлечение новых кадров. Они как бы попутно обеспечивали более высокий уровень денежных доходов. Однако в «свободном виде» средняя заработная плата в промышленности была выше среднереспубликанской на 22,2%.

Таблица 12

Динамика среднемесячной заработной платы по отраслям народного хозяйства в 1960—1965 гг. (руб.)

Отрасли	Южная зона Дальнего Востока		Северная зона Дальнего Востока		РСФСР	
	1960	1965	1960	1965	1960	1965
Народное хозяйство в целом	94,0	114,5	201,6	208,7	82,5	98,0
Промышленность	112,2	129,6	250,6	232,8	92,1	104,3
Строительство	104,6	130,9	190,6	223,5	96,3	112,1
Сельское хозяйство	67,6	100,5	156,6	178,7	54,6	72,5
Транспорт	105,8	127,4	233,7	238,7	90,8	110,
Лесное хозяйство	-	87,0	145,6	185,3	-	-
Связь	74,8	83,0	11,4	175,5	63,8	76,2
Торговля и общественное питание	72,2	79,5	144,5	148,5	63,3	76,9
Жилищно-коммунальное и бытовое обслуживание	-	79,5	133,6	153,5	59,3	74,1
Здравоохранение и социальное обеспечение	-	81,4	142,3	165,3	63,5	80,6
Просвещение и культура	-	94,5	134,1	164,7	70,2	93,8
Наука	-	142,3	239,6	279,6	110,4	120,1

Примечание. Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф.1562. Оп.15. Д.3730. Л.71-75, 146-147; ГААО. Ф.353. Оп.10. Д.474. Л.77; ГАХК. Ф.353. Оп.10. Д.474. Л.77; ГАПК. Ф.68-П. Оп.3. Д.187. Л.193; СЖД. Ф.4-П. Оп.27. Д.7. Л.87. Архив Хабаровского комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН. Основные показатели жизненного уровня населения Дальнего Востока. С.15; Приморье в девятой пятилетке. Стат. сб. Владивосток, 1975. С.63; Народное хозяйство Хабаровского края в девятой пятилетке: Стат. сб. Хабаровск, 1976. С.76. Перемены на земле Камчатской. Петропавловск-Камчатский. 1971. С.48; Кашинцев В.П. Камчатка — край перспективный. Петропавловск-Камчатский. 1973. С.205; Мурзов Ф.К. Амурская область в девятой пятилетке. Благовещенск. 1972. С.40. Амурская область за годы советской власти: Юбилейный стат. сб. Благовещенск, 1980. С.131; Народное хозяйство Магаданской области. Магадан. 1983. С.49. Сахалинская область в цифрах за годы восьмой пятилетки: Краткий стат. сб. Южно-Сахалинск. 1971. С.63; Сахалинская область в цифрах за годы девятой пятилетки: Краткий стат. сб. Южно-Сахалинск. 1976. С.40. Стат. комитет РСФСР. Средняя заработная плата по краям и областям.

Эти 22,2% объясняются различием в структуре отраслей промышленности, а именно преобладанием в Магаданской области отраслей, где применялись повышенные тарифные ставки. При сопоставимой же структуре отраслей промышленного производства разница сокращалась

до 17%¹³. К тому же складывающийся уровень заработной платы формировался в те годы в известной мере и под влиянием преходящих факторов. Например, в горнодобывающей промышленности таким фактором явилось применение своеобразного режима рабочего времени. В связи с сезонным характером работ в основной отрасли Магаданской области возникли большие трудности в комплектовании предприятий кадрами рабочих, вызывавшиеся необходимостью увольнять часть рабочих зимой и снова набирать в летний период.

Чтобы избежать отрицательного влияния сезонности, на правительственном уровне было принято решение об изменении режима рабочего времени рабочих и мастеров, занятых на горных предприятиях Магаданского совнархоза. В соответствии с этим решением с 1961 г. был введен суммированный учет времени за календарный год¹³. Так государственные интересы освоения Дальнего Востока оказывали влияние на формирование доходов конкретных социально профессиональных групп.

Для того чтобы была полной и ясной картина реальных доходов населения Дальнего Востока в первой половине 60-х годов и отношения правительства к проблемам населения региона, необходимо сравнить темпы роста доходов за счет заработной платы с данными другого порядка. Во-первых, со среднегодовыми темпами роста промышленности на Дальнем Востоке. Здесь они были выше, чем по РСФСР, и составляли соответственно 9,1% и 8,5%¹⁴. В то же время темпы роста доходов за счет оплаты по труду были ниже, чем по РСФСР. В Приморье они составляли 4,5%, в Хабаровском крае — 3,7%, в Амурской области — 4,4%, по стране — 7,8%¹⁵. А это означало, что те надбавки, которые правительство квалифицировало и преподнесло своим гражданам как льготы, были уже заработаны дальневосточниками. Но эти средства прошли опять этап перераспределения и возвращались населению в такой форме.

Повышение заработной платы на юге Дальнего Востока на 16,7% следует сравнить и с удорожанием проживания в регионе. Расходы на питание на одного человека в южных районах Дальнего Востока были выше, чем в западных, на 21,5% и соответственно на одежду — на 18%¹⁶. Поэтому необходимо было так масштабно проводить идеологические акции по обеспечению в региональной социальной политике, выдвигая на первый план лозунг «об особой заботе партии и правительства о Дальнем Востоке».

Правительство, объявив либерализацию социальной политики (в виде лозунгов ликвидации различий между городом и деревней) и «сти-

рания классовых различий», «повышения материального благосостояния всего народа») и включив в этот курс уравнивательные мероприятия, в условиях экономических трудностей пошло на новое централизованное мероприятие — «упорядочение северных льгот»¹⁷. С одной стороны, оно действительно распространило надбавки на более широкий круг социально-профессиональных групп, проживавших в районах Севера и приравненных к ним. Но с другой — общий объем льгот не только не увеличился, но и даже снизился. Снижение доли северных надбавок сразу же отразилось на замораживании денежных доходов в виде заработной платы (табл.12).

Такое «упорядочение» северных льгот было следствием стечения в историческом пространстве трех моментов. Во-первых, это произошло в результате ухудшения общих показателей экономического развития в СССР. Во-вторых, названное выше решение было следствием понимания политиками хрущевского времени проблем социального равенства в виде уравнительности. В-третьих, в «упорядочении» отразились интересы центральной партийно-государственной бюрократии.

Курс на уравнивание денежных доходов населения в те годы проявился еще в одном специфическом направлении, характерном для Дальнего Востока, — в снижении различий в оплате труда между рабочими и служащими в зависимости от года их вселения. Любопытно, что обоснованием такого «упорядочения льгот» послужил поток писем старожильческого населения в Комитет по заработной плате при Совете Министров СССР¹⁸. Но немалую лепту в такой вариант упорядочения льгот внесла и научная общественность, когда в своих докладных записках в правительственные органы она предоставляла данные о разнице заработной платы между старожилками и вновь прибывшими по договорам.

Действительно, стремление партийно-государственных структур привлечь на Дальний Восток дополнительную рабочую силу и таким образом освоить этот регион и получить новые источники сырья, природные ресурсы дало парадоксальное социальное последствие. Чем раньше люди приехали на Дальний Восток или вообще являлись старожилками, то оказывалось, что они имели меньшую заработную плату, чем «новички». Анализ, проведенный в свое время дальневосточным ученым Л.Л. Рыбаковским, показал, что у новоселов была выше доля лиц, получавших более высокую заработную плату, чем в старожильческой группе населения¹⁹. Экономические возможности страны не позволяли пойти на увеличение доходов путем введения новых доплат старожилкам. Поэтому, чтобы как-то уравнивать население Дальнего Востока в доходах, правительство пошло на сокращение общего объема льгот. Но это тоже

имело свой эффект: создавался своеобразный психологический микроклимат. Население было информировано о расширении тех его категорий, которые стали получать надбавки.

В условиях падения эффективности экономики партноменклатурная элита пыталась найти какие-то пути подъема производительности труда и привести в соответствие с ней темпы роста заработной платы. Эти пути были типичными для всех регионов страны, в том числе и для Дальнего Востока, начавшего «переживать» новую волну хозяйственного освоения.

В начале 60-х годов профессионалы-политики рекомендовали профсоюзным органам организовать работу по упорядочению и обоснованию новых технических норм. С этой целью повсеместно на Дальнем Востоке создавались и функционировали бюро экономического анализа. В ряде отраслей в регионе благодаря их деятельности удалось поднять производительность труда и на этой основе повысить заработную плату²⁰.

Параллельно началась кампания по укреплению трудовой дисциплины. Но здесь не удалось достичь каких-то больших успехов. В основном их добились лишь в отдельных коллективах. Например, в комбинате Дальвостуголь за 1961—1965 гг. количество дней, потерянных из-за прогулов, сократилось почти в два раза²¹. В Магаданской области за 1961—1963 гг. число уволенных за прогулы снизилось всего на 0,1%²².

Политики первой половины 60-х годов как ни пытались применять новые политические решения, все равно они опирались на «сталинскую социально-политическую культуру» и воспроизводили ее в различных, но только слегка обновленных формах.

Социально-политическая преемственность проявилась прежде всего в сохранении форм социального контроля. Только сохраняя систему социального контроля в обществе, советская бюрократия и ее номенклатурная часть могли контролировать распределительные отношения. В 1961 г. вышли в свет указ Президиума Верховного Совета РСФСР (4 мая) и постановление Совета Министров РСФСР (4 сентября) «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда», в которых определялись меры наказания «провинившихся». За такие виды доходов, как поступления от земельных участков (в случае, если человек жил только за счет этого источника), или от сдачи жилой площади указ и постановление предусматривали меры наказания. Эти граждане квалифицировались как тунеядцы. К числу тунеядцев относились и руководители религиозных сект. В Приморье в 1962 г. крайисполкомом было выявлено около 1675 таких «бездельников». В результате постановлений городских и районных судов, общественных пригово-

ров были выселены в Читинскую область 12 руководителей сект, 158 чел. за «нетрудовые доходы от земельных участков», 158 чел. — «от жилищлоади» как «ведущие» паразитический образ жизни»²³.

В условиях всеобщего механизма перераспределения этот закон как бы защищал работающих на государственных предприятиях или колхозах. В то же время незначительное число людей, попавших под этот указ и по другим областям, свидетельствует, что в то время доходы большинства населения региона контролировались всеми структурами власти через систему заработной платы.

Кроме того, на Дальнем Востоке велась огромная работа по контролю за балансом доходов и расходов. Здесь большую роль играли финансовая инспекция, статистики, постоянно поставлявшие оперативную информацию для органов власти. В поле зрения территориальных партийных комитетов, крайисполкомов, облисполкомов всегда были малейшие отклонения в этой сфере. Все они регулировались административными мерами. Классовый сбор денежных средств строго контролировался финансовыми и плановыми органами. Совокупность всех мероприятий влияла на общий ход сбалансированности доходов и расходов населения в первой половине 60-х годов и составляла важнейшее условие реализационного механизма: распределительной политики.

Важную роль в осуществлении распределительно-нормированной социальной политики исполняли общественные фонды потребления (ОФП). Меры, направленные на увеличение роли ОФП в структуре формирования доходов различных социально-профессиональных групп, вытекали не только из политических установок, интересов бюрократии, но и поддерживались рабочими, служащими. В связи с этим можно сравнить мнения Н.С. Хрущева и одного частного лица, высказанные в ходе предсъездовской дискуссии (перед XXII съездом КПСС). «Строительство индивидуальных дач и индивидуальное садоводство нецелесообразны с точки зрения организации летнего отдыха широких масс, воспитания коллективизма». — говорил Н.С. Хрущев. Отсюда взлет расходов предприятий на организацию отдыха, дотации на покупку путевок в санатории, дома отдыха, а также стабильная доля в структуре расходов в семьях рабочих (табл. 8, 10). В частном мнении, но типичное для того времени, также содержались атаки на частную собственность: «Надо сделать так, чтобы нечестным людям некуда было тратить деньги». А далее предлагалась целая программа мер. По мнению автора письма, необходимо было обеспечить всеобщее равенство и справедливость следующим путем: «... муниципализация всего жилищного фонда; 2) передача всех личных дач предприятиям и организациям; 3) прекращение

продажи автомобилей частным лицам и передача личного автотранспорта прокатным базам и т.д.»²⁴

Таким образом, увеличение отчислений на централизованное распределение в форме ОФП соответствовало настроению в обществе. Очень сильно влияла на это и пропаганда «образа жизни при коммунизме». Такие ценностные ориентиры подкреплялись и перераспределением финансов через ОФП. Были увеличены капиталовложения на развитие учреждений здравоохранения, просвещения на Дальнем Востоке как по линии совнархозов, такиместных Советов²⁵. В начале 60-х годов выполнение планов капитального строительства по объектам здравоохранения в регионе составляло 89%, школ — 107%, что для этой сферы было высокими показателем.

Повышение роли общественных фондов потребления в формировании доходов достигалось и через увеличение дотаций на содержание санаторно-курортной системы, детских садов. На Дальнем Востоке роль ОФП возросла именно благодаря дотациям на санаторно-курортное лечение и содержание детских садов. Крупнейшие предприятия Дальнего Востока, такие, как «Аскольд», «Прогресс», «Дальзавод» и др., имели ведомственные детские учреждения, строили свои базы отдыха.

На Дальнем Востоке в 1961—1965 гг. темпы увеличения доли ОФП в общей структуре реальных доходов были почти равными темпам роста заработной платы. Так, за счет ОФП повышение доходов населения составляло в Приморье 4,6%, Хабаровском крае — 5,1%, Амурской области — 4,2%. В среднем же по РСФСР — 8,0%²⁶. Все эти социальные сюжеты свидетельствуют, что партийно-государственная бюрократия конца 50-х — начала 60-х годов овладела искусством перераспределения материальных благ, тактикой лавирования. Реально оценивая экономические возможности (находясь сама на определенной стадии групповой эволюции), она принимала меры, напоминающие «маятник»: забирая средства в одном месте, направляла их в другое или, не давая одним, давала другим. Тем самым активно, хотя и опосредованно, верушка влияла на процесс формирования денежных доходов, в целом — уровня жизни. В первой половине 60-х годов снижение темпов роста денежных доходов у многих профессиональных групп компенсировалось увеличением объема услуг, получаемых из общественных фондов потребления.

Но подобная тактика противоречила традиционным методам хозяйственного освоения Дальнего Востока — привлечению трудовых ресурсов с помощью денежных надбавок. Поэтому во второй половине 60-х годов она стала вновь пересматриваться. И, забегаая вперед, заметим.

но пересмотр тактики хронологически совпадал с политическими событиями в Москве (приходом нового лидера Л.И. Брежнева).

Либеральная социальная политика в форме уравнительности и постоянного лавирования сопровождалась перераспределением фондов заработной платы по отраслям производства. Она стала учитывать интересы групп, занятых в сельскохозяйственном производстве. Их доля в начале 60-х годов на Дальнем Востоке составляла 18,3%. Уже первым актом, обозначающим включение их в общую систему социальных мероприятий активного перераспределения, стал перевод колхозников на денежную оплату. В целом по Дальнему Востоку денежная часть трудодня увеличилась по сравнению с 1950 г. в 2,7 раза, оплата натурой снизилась на 13,7%⁷. Уже в 1958—1959 гг. на распределенные в гарантированной денежной форме вместо трудодней перешли колхозы крупнейшего сельскохозяйственного района Дальнего Востока — Амурской области: «Приамурье», «Амурский партизан», «Новая заря», «Вперед к коммунизму». В 1961—1964 гг. этот процесс продолжился в Приморье и Хабаровском крае. Другой мерой, позволившей включить занятых в сельском хозяйстве в общую систему на основе принципа уравнительности, явился перевод колхозников в разряд сельскохозяйственных рабочих²⁵.

Существовали и факторы экономического порядка, давшие возможность проводить либеральную социальную политику по отношению к профессиональным группам аграрного сектора экономики. К ним можно отнести развитие на Дальнем Востоке отраслей союзного значения и накопления, сделанные промышленными предприятиями региона. Поэтому даже ухудшение экономических показателей в сельскохозяйственном производстве в 1960—1965 гг. фактически не привело к снижению зарплаты сельскохозяйственных рабочих. Но повышение денежного вознаграждения колхозникам и сельскохозяйственным рабочим заставило правительство предпринять еще один шаг — пересмотреть цены на сельскохозяйственную продукцию. К середине 60-х годов в основном за счет проведения административно-государственных мероприятий был достигнут максимальный рубеж в ликвидации различий между оплатой труда рабочих, занятых в промышленности, и колхозников, о чем свидетельствуют данные следующей таблицы (13).

Наибольший разрыв в доходах сохранялся в районах с наиболее развитым сельским хозяйством — в Амурской области, где промышленные накопления в меньшей степени позволяли осуществлять процесс перераспределения. Уровень развития сельскохозяйственного производства и промышленности, деятельность всей системы органов, осуществлявших перераспределение, дали следующие социальные результаты.

Доходы колхозников к уровню рабочих и служащих на Дальнем Востоке
(южная часть, в %)

	1965		1975 (для сравнения)	
	Рабочие и служащие	Колхозники	Рабочие и служащие	Колхозники
Приморский край	100	96,8	100	99,0
Хабаровский край	100	99,7	100	98,8
Амурская область	100	83,3	100	84,4
Дальний Восток (в целом)	100	89,7	100	89,9

Примечание. Таблица составлена на основе источника: Архив Института экономических исследований ДВО РАН. Д.534. Л.109.

Денежные доходы в среднем на одну семью колхозника-дальневосточника стали превышать показатель центральных и южных районов на 7%. При этом стоимость жизненных средств здесь была соответственно выше на 1/4 и на 1/3²³.

Таким образом, в условиях первых признаков экономического спада партийно-государственная бюрократия предприняла ряд централизованных мер. Они обеспечили условия для того, чтобы резко не снизился уровень жизни населения в районах Дальнего Востока. Делая такой вывод, нельзя не учитывать важнейших причин, благодаря которым это произошло. К ним можно отнести фактор повышенного внимания к дальневосточным природным ресурсам и роль, которая отводилась региону в преодолении экономического спада. Кроме того, задача обороноспособности страны на востоке также влияла на социально-политические решения тех лет.

Распределительная социальная политика в ее либеральном варианте первой половины 60-х годов еще способствовала стабилизации уровня жизни. Об этом свидетельствует анализ структуры расходов семей рабочих-дальневосточников. В условиях замораживания темпов роста заработной платы рабочие больше стали тратить на приобретение мебели, культтоваров, лечение, проведение досуга (табл. 10). В этот же период происходит утверждение нового состава потребностей дальневосточников. Статистика зафиксировала массовую продажу новых видов товаров: телевизоров, холодильников, легковых автомобилей, мотоциклов...

В середине 60-х годов большая часть населения Дальнего Востока (если учесть, что рабочие имели наибольший удельный вес в составе

занятого населения) подошла к такому рубежу, когда осуществлялся переход к новым стандартам жизни. Он проходил в рамках либерализации распределительной политики, на основе уравнилельных мероприятий при замораживании темпов роста заработной платы, но при относительно стабильных и контролируемых ценах. Доля расходов на питание оставалась стабильной и колебалась от 35 до 39% (в СССР — 36,9%)⁹⁰.

Безусловно, если исходить из мировых стандартов и классификаций, существовавших за рубежом, например в Японии, то все данные свидетельствовали о низком уровне жизни. Но если сравнивать показатели с предшествовавшим периодом, то все источники показывают положительные сдвиги внутри СССР.

Анализируя расходы на питание, необходимо обратить внимание на некоторое несоответствие, ярко характеризующее социально-бытовую культуру советского общества. Доля расходов оставалась стабильной, а проблема приобретения продуктов питания была главной заботой в семьях дальневосточников. В структуре розничного товарооборота доля продовольственных товаров была значительно выше, чем по РСФСР — до 60,5% (по РСФСР — 57,9%). Население региона в отличие от жителей центральных районов больше употребляло консервированных продуктов, сухого молока, меньше сыров, овощей, фруктов.

Уровень развития сельского хозяйства в регионе, особенности его промышленного освоения способствовали тому, что завоз продуктов из других районов и даже стран становился одной из главных функций провинциально-региональной совпартбюрократии. Это в свою очередь еще больше повышало ее роль в распределительных отношениях.

Активно формировалась система личностных связей, контактов. Она представляла собой зарождавшийся своеобразный бюрократический рынок. В нем особая роль принадлежала работникам отделов крайисполкомов, облизполкомов, координировавших товарные потоки. Но эти чиновники, конечно же, контролировались партийным аппаратом. Таким образом, интересы различных групп населения, проблема улучшения питания выводились на политический уровень. Эта социально-политическая функция принадлежала чиновникам. Интеграция потребностей дальневосточников происходила в бюрократической форме: путем оформления регулярных заявок-документов и доведения их до чиновников высшего ранга. Экономическая проблема приобретала политический характер — через контроль партийного аппарата за деятельностью работников всей системы снабжения.

Обеспечение населения продуктами питания становилось личным делом руководителей. Формировался корпоративно-групповой опыт, кото-

рый позже, в период начала уже новых радикальных реформ, стал использоваться многими руководителями как базовый. Для тех лет типичным явлением были различные партийные форумы, которые обязывали руководителей заниматься организацией «снабжения». Типичны в этом плане решения восьмой партийной конференции Хабаровской краевой организации (1958 г.). В постановлении она «обязала руководителей партийных, профсоюзных организаций и хозяйственных руководителей соответствующих учреждений обеспечить круглогодичную торговлю молоком и молочными продуктами, улучшить организацию общественного питания»³¹.

Формы политического контроля были разнообразны, они дополняли друг друга, создавая строгую систему. Повсеместно на Дальнем Востоке, как и в стране в целом, стали создаваться партийные комиссии с правом контроля за деятельностью администрации. Только в одном Приморском крае в начале 60-х годов действовала 41 комиссия по обеспечению «бесперебойного завоза товаров», 45 — «по соблюдению правил советской торговли», 81 — «по контролю за выполнением государственных заказов и кооперативных поставок»³². Такими мерами обеспечивалось формирование определенного уровня потребления продуктов питания и товаров, а следовательно, обеспечивался контроль партийного государства над обществом.

В результате сложившегося уровня экономического развития и административно-организационных мер к середине 60-х годов определились стандарты и нормы потребления. Изменения, динамику в потреблении можно проследить на примере самой большой социальной группы — рабочих промышленности (табл. 14).

Однако, несмотря на все меры по организации завоза продуктов и контроль за их распределением через торговлю, происходило снижение потребления мяса, молока, яиц, фруктов. Традиционно продовольственная проблема решалась за счет увеличения потребления хлеба и жиров. Но на Дальнем Востоке важную роль в тот период сыграло увеличение вылова рыбы и развитие рыбной промышленности. Дальний Восток и Сибирь потребляли более 30% всей рыбной товарной продукции и 37% рыбных консервов, производившихся в СССР³³. Добыча рыбы и других морепродуктов в регионе составляла 36% всей союзной добычи³⁴. Потребление рыбных продуктов на Дальнем Востоке возмещало сокращение мяса в рационе. Стабильный уровень потребления картофеля, овощей обеспечивался за счет некоторого роста местного производства. В 1961—1965 гг. в регионе увеличилось также производство риса и сои³⁵.

Таблица 14

Размеры потребления продуктов питания в семьях рабочих промышленности Дальнего Востока (потребление в среднем на одного члена семьи, в год, кг)

	1960	1965
Мука, хлеб в пересчете на муку	119,8	132,8
Крупа, бобовые, макаронные изделия	14,5	16,3
Картофель	123,9	124,0
Овощи, бахчевые	76,9	78,8
Фрукты, ягоды свежие, сушеные (в пересчете на свежие)	36,3	19,9
Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	55,3	44,9
Рыба и рыбопродукты	13,3	25,1
Молоко, молочные продукты	302,1	287,1
Жиры растительные	5,7	7,6
Сахар, кондитерские изделия	37,6	40,6

Примечание. Таблица составлена на основе источников: ГАРФ. Ф.374. Оп.36. Д.38. Л.98; ГАХК. Ф.719. Оп.29. Д.672. Л.29; Д.1969. Л.9; Д.909. Л.7. ГАПК. Ф.131. Оп.16. Д.2. Л.18.

В целом экономические возможности страны в первой половине 60-х годов еще позволяли большой армии управленцев маневрировать, распределять и перераспределять продукты через магазины, базы, буфеты, столовые. К числу продуманных организационных решений партийно-государственной номенклатуры (разумеется, рассматриваемых в рамках существовавшей системы) можно отнести увеличение фондовых поставок промышленных товаров в районы Дальнего Востока. Это произошло при снижении темпов роста заработной платы.

К сожалению, источники не позволяют определить количественно, что сыграло большую роль: расчеты специалистов или некоторые изменения в тактике закрепления трудовых ресурсов. Но действовал и тот, и другой фактор. В пользу первого говорит постоянная работа плановых органов в краях и областях Дальнего Востока по анализу баланса доходов и расходов дальневосточников. Причем расчеты делались как по отдельным группам семей, так и по городам, краям и областям. Работники этих органов постоянно информировали местные политические власти о начавшихся тенденциях превышения доходов над расходами. Действие второго фактора подтверждается самой историей формирования

концепции освоения региона. Именно в те годы ученые, экономисты-практики ставили вопрос о закреплении кадров не только путем денежных надбавок, но и с помощью хорошего снабжения региона товарами повседневного спроса.

В результате на фоне некоторого замораживания темпов роста заработной платы наблюдались высокие темпы увеличения продажи телевизоров, холодильников, стиральных машин... Например, в Приморье в 1965 г. по сравнению с 1959 г. продажа телевизоров увеличилась в 6 раз, холодильников — в 4,7 раза, стиральных машин — в 10 раз, часов — в 3 раза, мебели — в 3,7 раза. В Амурской области в 1965 г. по сравнению с 1959 г. было продано холодильников в 12,5 раза больше, стиральных машин — в 9 раз, радиотоваров — в 2 раза³⁶. (Конечно, здесь следует учитывать очень низкий исходный уровень их продажи, когда отечественное производство таких товаров только зарождалось). К середине 60-х годов в результате увеличения фондовых поставок в регион товаров широкого потребления Дальний Восток по продаже этих товаров в расчете на 1 тыс. чел. стал находиться на среднереспубликанском уровне и даже выше (табл.15).

Увеличение фондовых поставок привело к тому, что запасы товаров в розничной торговле, если считать в днях товарооборота, оказались выше, чем в среднем по РСФСР. Запасы эти в Магаданской, Камчатской и Сахалинской областях были в 2 раза выше, чем в среднем по федерации³⁷. В целом в 1960—1965 гг. темпы роста розничного товарооборота превышали и среднесоюзные, и среднереспубликанские показатели.

О стабильности уровня жизни дальневосточников в те годы частично свидетельствуют данные об увеличении расходов на промышленные товары. По материалам бюджетных обследований в Хабаровском крае в 1965 г. средняя семья рабочих тратила на покупку мебели в 2,3 раза больше, чем в 1960 г., на одежду — в 2,5 раза соответственно³⁸.

Чтобы увеличить покупательную способность населения в условиях низких темпов роста денежных доходов, правительство пошло на широкую организацию торговли многими товарами в кредит. По РСФСР объем продажи товаров в кредит за пять лет увеличился в 5,2 раза, примерно во столько же и на Дальнем Востоке³⁹. Это также обеспечило достаточно высокие темпы продажи мебели, предметов культурно-бытового назначения.

Именно в первой половине 60-х годов в дальневосточном регионе началось строительство новых магазинов; увеличилась сеть предприятий общественного питания. При стабильных ценах на промышленные товары и относительно стабильных на продукты общий товарооборот

Продажа товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода через государственную и кооперативную торговлю в расчете на 1000 чел. населения в середине 60-х годов (шт.)

	Швейные машины	Фотоаппараты	Стиральные машины	Пылесосы	Холодильники	Магнитофоны	Телевизоры	Велосипеды	Легковые машины	Мотоциклы
РСФСР	7	6	14	3	6	2	15	9	4	3
Дальний Восток	7	10	24	5	5	4	14	20	3	4

Примечание. Источник: Народное хозяйство Приморского края за 50 лет. С.16—19.

возрос на Дальнем Востоке с 2845,3 млн. руб. в 1960 г. до 3559,6 млн. руб. в 1965 г.⁴⁰ Высокие темпы роста товарооборота наблюдались и в сельской местности.

Региональная социальная политика подкреплялась и обеспечивалась мерами по контролю за денежной массой. Это было важно для реализации распределительно-нормированных мероприятий. Делая вывод о развитии уравнивательных тенденций в первой половине 60-х годов (да и несколько более позднего периода), следует оговориться. Уже для того времени стало характерным формирование отношений неравенства. Они были прямым следствием общественного разделения труда в советском государстве, вытекали в первую очередь из иерархической структуры властных отношений.

Это "теневое неравенство" тщательно скрывалось тогда всем идеологическим обеспечением и системой секретности. Поэтому сама концепция ликвидации территориальных различий в уровне жизни даже в определенной степени способствовала прикрытию такого вида отношений неравенства. Концепция сразу же была поддержана провинциальной бюрократией, широко и активно стала пропагандироваться. Немалую долю в ее пропаганду внесли историки и экономисты.

Однако существующие источники не позволяют в региональном масштабе четко выделить группу, причастную к "теневому перераспределению", учитывая формальный и неформальный статус личности в советской системе перераспределения. По данным Т. Корягиной, в начале 60-х годов в рамках нелегального сектора перераспределения было задействовано 10 млн. чел. Это означает, что доходы уже 10 млн. чел. не контролировались и формировались на основе совсем других принципов и "законов", чем у рабочих, крестьян, врачей, учителей⁴¹.

Политическое руководство страны даже пыталось в тот период бороться с отношениями, которые разрушали централизованную систему распределения. В 1961 г. обвиняемые в экономических преступлениях стали приговариваться к смертной казни. По данным Н. Верта, в СССР смертная казнь за 2 года была применена 160 раз⁴².

Своеобразной формой борьбы явилась кампания по получению наиболее правдивой и объективной информации о состоянии экономики в регионах, о численности административно-управленческого аппарата на местах. 19 мая 1961 г. Совет Министров РСФСР принял специальное постановление, предусматривавшее меры борьбы с различными искажениями в отчетности. В 1961—1963 гг. статистическими органами на местах совместно с работниками учета предприятий,строек, совхозов и т.д. проводились рейды, проверки по выявлению приписок, искажений, недостач⁴³. В постановлении Комитета народного контроля СССР от 5 ноября 1961 г. признавалась необходимость улучшения состава аппарата управления и его деятельности. На первое место выдвигалась задача не только сокращения, но и борьба с различного рода банкетами, приемами; предусматривались наказания за их проведение, за приобретение дорогостоящей мебели для предприятий и учреждений. Например, в Приморье сразу же были проверены 2 главка, 8 трестов, 12 краевых управлений, 209 предприятий⁴⁴. Но, как показывает анализ источников, в основном подвергалось проверкам, ревизиям среднее и низшее управленческое звено. Контроль за финансовой деятельностью осуществляли комиссии и отделы ЦК, а также курирующие финансовые органы Министерства финансов. Дальний Восток в те годы посетили многочисленные комиссии, даже из отдела Центрального штатного расписания Комитета народного контроля.

Несмотря на все принятые меры контроля за деятельностью центральной и местной бюрократии, при Н.С. Хрущеве не удалось ликвидировать экономические преступления, да этого и не могло быть. Они порождались самой системой распределительных отношений. Крупные экономические хищения особенно были распространены среди работников специализированного аппарата распределения. В Приморском крайпотребсоюзе на 1965 г. остаток хищений с 1955 г. составил 264 тыс. руб., в том числе по годам: 1955 — 2 тыс., 1957 — 3 тыс., 1958 — 8 тыс., 1963 — 40 тыс., 1964 — 59 тыс., в 1965 — 90 тыс. руб.⁴⁵ В 1965 г. было зафиксировано 4445 случаев хищений⁴⁶.

Приведенные разноплановые источники, их анализ позволяют сделать обобщение: моральные установки людей, осуществлявших распределение материальных благ в СССР, были просты и функциональны.

Уже в 60-е годы в их среде имелись деятели, для которых было характерно отсутствие каких-либо нравственных табу, т.е. внутренних самозапретов. И как только произошла либерализация политического режима и прекратилась практика массовых репрессий руководящих кадров, резко, но крайне медленно стал меняться тип их поведения. Однако это явление в обществе было незаметным, поскольку проходило на общем фоне уравнилельных тенденций.

Вместе с тем было бы неверным утверждать, что лозунги, провозглашенные в новой Программе КПСС, совсем не получили тогда реального воплощения в жизнь. В 60-е годы на Дальнем Востоке развернулось в достаточно больших масштабах государственное жилищное строительство. Несмотря на ограниченность властных функций совнархозов, проблема жилья ими была выдвинута как одна из главных для районов Дальнего Востока.

За счет всех источников финансирования в 1960—1965 гг. планировалось ввести в строй 7,7 млн. кв. м жилья⁴⁷. Во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Уссурийске появились новые жилые кварталы. Среднегодовые темпы увеличения жилья составляли 6%. Однако сказывались последствия 40—50-х годов, процент выбытия старого жилищного фонда в регионе был очень высок — 60%. Темпы же прироста населения составляли 1,6%⁴⁸. Поэтому, хотя показатели строительства для тех лет и были высоки, они далеко не удовлетворяли потребности как старожилов, так и приезжавших.

Отличительной чертой социальной политики 60-х годов стали меры по распределению средств на строительство жилья между городом и деревней. Безусловно, здесь тоже действовал фактор жесткой необходимости. Надо было остановить отток сельского населения в город. В селах Приморья, Хабаровского края, Амурской области появились первые дома с коммунальными услугами, главным образом в районных центрах, на центральных усадьбах колхозов. В сельской архитектуре ощущалось влияние социально-культурных ориентаций главного политического лидера. По убеждению Н.С. Хрущева, домам городского типа принадлежало будущее.

К 60-м годам относится и начало создания материальной базы жилищного строительства в регионе. Появились заводы по изготовлению железобетонных плит. В 1959 г. удельный вес крупнопанельного строительства на Дальнем Востоке в общем объеме занимал всего 2%, а в 1965 г. — уже 37%⁴⁹. Почти в 2 раза возросло производство железобетонных конструкций. Выпуск кирпича в те годы увеличился незначительно. Интенсивно развивалось производство оконного стекла в Амурс-

кой области⁵⁰. Все это позволило даже перевыполнить планы строительства жилья на Дальнем Востоке. За 1960—1965 гг. было построено 10326 тыс. кв. м⁵¹.

Но даже при таких масштабах строительства жилищная проблема в регионе оставалась очень острой. В те годы не проводились обследования степени удовлетворенности населения жильем, но об этом можно судить по косвенным источникам. Например, в организации «Приморскуголь» в 1963—1964 гг. 50% уволившихся рабочих и 70% ИТР мотивировали свой уход «отсутствием жилья»⁵². В Магаданской области также 50% рабочих (не имевших северных льгот) увольнялись по такой же причине. По данным выборочного обследования, проведенного Л.И. Орловской и В.В. Яновским в октябре 1961 г., 70% уволившихся имели аналогичные мотивы⁵³. По их наблюдениям, с повышением заработной платы неудовлетворенность жилищно-бытовыми условиями возрастала. В системе материальных ценностей у большинства дальневосточников на первый план выдвигалась возможность получения или улучшения жилья. Если рассматривать обеспеченность населения Дальнего Востока жильем по отношению к среднереспубликанскому уровню, то в рассматриваемый период она колебалась от 82 до 92%⁵⁴.

Однако территориальные различия были не единственным фактором, которые характеризовали советскую социальную политику. Огромное влияние на характер жилищных условий оказывала сама модель жилищных отношений, не обновлявшаяся в СССР с довоенных лет. Были лишь некоторые новации, но они не меняли сущности дела.

Денежная реформа 1961 г. и налоговая система привели к тому, что все население стало оплачивать жилье по единой высшей ставке по отношению к 1928 г. Введение такого новшества было связано как с первыми экономическими трудностями и изъятием у населения средств на строительство жилья, так и с корпоративными интересами бюрократии, обладавшей реальной властью при распределении жилья. Статистически выделить действие каждого фактора невозможно, но в этом и была сущность советской модели жилищных отношений.

С 1961 г., когда доходы жилищного хозяйства резко сократились и отрасль перешла на дотации, их источником стал подоходный налог в той его части, которая раньше не расходовалась на жилищное строительство; по наблюдениям специалистов, произошло количественное совпадение роста налогов и затрат на жилищное строительство⁵⁵. Так укреплялся невидимый для большинства масс элемент социального неравенства. На Дальнем Востоке он переплетался и с последствиями региональной политики. Люди на Дальнем Востоке имели более высо-

кую заработную плату, из нее высчитывали и большие размеры подоходного налога, но они не имели жилья. Они оплачивали строительство в других регионах. Это явилось не столько следствием теоретических установок, сколько *формой защиты* интересов партийно-государственной номенклатуры центра.

Средства на строительство общего жилого фонда формировались с учетом реальных возможностей каждого, а затем квартиры распределялись общественными организациями. Но ведущую роль играло мнение, воля администрации и прежде всего партийных комитетов. Общественные приоритеты на практике подменялись групповыми, вопреки ожиданиям усиливалась поляризация населения по жилищным условиям.

Жилищные условия населения Дальнего Востока определялись по отраслевому признаку, зависели и от занимаемой должности работающего, т.е. от статуса в системе властных отношений. Например, в Уссурийске еще в 1948—1961 гг. были построены благоустроенные комфортабельные особняки для руководящих работников. Кто же проживал в них в 1961—1962 гг.? Первый секретарь Уссурийского горкома партии Осипов, начальник управления пищевой промышленности Той, директор масложиркомбината Еременко, управляющий трестом «Примстрой» Черненко, директор базы хлебопродуктов Янчук, директор Уссурторга Беловая. Жилищные условия этой группы людей соответствовали условиям и стандартам, которые имела бюрократия Центра и даже европейским странам тех лет. Причем эти дома были построены хозяйственным способом, т.е. на средства промышленных предприятий. После письма в газету «Правда» и рассмотрения вопроса в бюро крайкома КПСС (август 1962 г.) в одном из особняков стал располагаться детский сад. В других были поселены семьи рабочих⁵⁶. Для того времени это была мировоззренчески оправданная и справедливая акция. Так партийно-политический контроль вмешивался в систему распределительных отношений и выступал одним из регуляторов условий жизни.

В 60-е годы распределение жилья подвергалось постоянной проверке. 9 мая 1963 г. вышло постановление Совета Министров РСФСР «Об упорядочении распределения жилой площади и учета граждан, нуждающихся в жилье»⁵⁷. Оно обязывало местные исполнительные органы власти осуществлять проверку уже распределенного жилья. Различные инспекции, ревизии были сдерживающим фактором и даже в отдельных случаях стимулировали «проявление управленцами порядочности». Например, на Арсеньевском арматурном заводе за 1959—1965 гг. получили квартиры 942 рабочих и 125 служащих, в том числе ИТР.

Однако все-таки сама система распределения жилья создавала благоприятные условия для злоупотреблений. Наилучшие условия для получения квартиры имели в первую очередь представители группы управленцев, об этом свидетельствуют многочисленные жалобы, поступавшие в 1960—1965 гг. в горисполкомы, партийные комитеты, профсоюзные органы⁵⁸. Динамику жалоб трудно проследить, так как источники очень фрагментарны. Поэтому можно пользоваться лишь отдельными данными. В 1965—1966 гг. в Арсеньевский горисполком поступили 54 жалобы, связанные с распределением жилья. В это же время Владивостокский отдел БХСС провел проверку распределения квартир по Ленинскому району и установил значительное число злоупотреблений. Было даже возбуждено уголовное дело в отношении А.И. Сенько, возглавлявшего домоуправление. Он был осужден и лишен свободы на 4 года⁵⁹.

Начавшаяся в Приморье кампания по сносу барачных строений сопровождалась также злоупотреблениями со стороны местной бюрократии, что подтверждает решение Приморского крайисполкома (15 июля 1964 г.): «Бесконтрольность в распределении жилья приводит к фактам злоупотреблений, взяток за получение квартир»⁶⁰. Были и другие подобные случаи, которые отражают менталитет бюрократии 60-х годов. Руководители предприятий продавали свои дома и получали квартиры⁶¹. Часть из них были даже наказаны за это по «партийной линии».

В целом процесс распределения квартир имел очень много субъективных моментов. Так, в Уссурийске из нового жилья лишь половина и менее доставалась рабочим. Анализ частных документов позволяет сделать вывод, что многое зависело от личностных качеств участников социально-политических событий. Контроль политиков за действиями чиновников осложнялся тем, что большая доля обобществленного жилищного фонда была сосредоточена в руках хозяйственной бюрократии. Например, в Хабаровском крае в 1962 г. 95,2% обобществленного жилого фонда находилось на балансе различных ведомств и только 4,8% — в непосредственном ведении Советов⁶².

Вся модель жилищных отношений, образовавшаяся еще в 30-е годы, лишь немного изменялась в 60-е, обнаружив при этом ряд противоречий и элементов социальной несправедливости. Эти противоречия партийно-государственный аппарат пытался разрешить различными формами контроля. Но если в 50-е годы в условиях послесталинского политического режима они имели еще огромное воздействие, то позднее в обстановке либерализации их влияние ослабевало. Эффективность достигалась лишь в некоторых частных случаях. Все тщательно скрывалось за идеологическим занавесом, «секретной» информацией.

В то же время пропаганда стабильной низкой квартирной платы не была только идеологическим лозунгом и на практике это удовлетворяло как корпоративно-групповые интересы бюрократии, так и тех «счастливых»-рабочих, интеллигенцию, которые получили квартиру. Эти части общества имели своеобразную привилегию по отношению к тем, кто стоял на очереди в многочисленных списках, живя надеждами. Однако механизм распределения жилья не вызывал у широких масс населения какого-то массового протеста. Недовольство было в основном направлено только в русло конкретных «злоупотреблений». Сама модель жилищных отношений являлась неотъемлемой частью распределительных советских отношений. Жилищное строительство, развернувшееся на Дальнем Востоке в 60-е годы, создавало условия для социальной стабильности и базу доверия к партийному аппарату.

Экономические возможности страны в первой половине 60-х годов не позволяли одновременно развивать другие направления, обеспечившие комплекс жизненных благ дальневосточникам. Партийное государство, уделяв значительное внимание жилищному строительству на Дальнем Востоке как важнейшему фактору закрепления трудовых ресурсов, в меньшей степени занималось здравоохранением, предприятиями общественного питания. В результате уровень получения этих услуг по отношению к среднереспубликанскому показателю в данном пятилетии снизился⁶³.

Но по сравнению с 50-ми годами материальная база здравоохранения восточных районов изменилась в лучшую сторону. Увеличилось не только число больничных коек (с 43 тыс. до 54,4 тыс.⁶⁴), но и начали развиваться специализированные медицинские учреждения. Государственная служба здравоохранения укреплялась в большей степени в крупных городах, краевых и областных центрах Дальнего Востока⁶⁵. Во многих районах населенные пункты были расположены друг от друга не только в десятках, но в сотнях километров. Например, Тугуро-Чумиканский район занимал площадь в 100 тыс. кв. км. Но на его территории было лишь 6 населенных пунктов, далеко отстоящих один от другого. И только в двух из них имелись медицинские пункты и сельские больницы.

В дальневосточном регионе практически не развивалась профилактическая служба, социальная гигиена. Данные о состоянии здоровья населения были секретными. Концепция привлечения новых трудовых ресурсов, хотя и в модернизированном виде, имела все-таки полукolonиальный характер. И как следствие состояние системы здравоохранения в регионе для чиновников центра было делом второго плана.

Среди направлений социальной политики начала 60-х годов можно выделить создание в регионе системы бытовых услуг. В основе ее организации лежало выполнение региональной бюрократией директивных указаний, заданий центрального политического руководства. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров от 6 марта 1959 г. потребовало от местных партийных и советских органов, совнархозов принять необходимые меры для коренного улучшения бытового обслуживания населения. Даже были поставлены конкретные сроки: «... в ближайшие два-три года обеспечить население основными видами услуг»⁶⁶. Развитие службы быта отражало важнейшее явление — шел переход к новым стандартам жизни. Они становились типичными и для отдаленных районов страны.

Хозяйственная бюрократия была вынуждена даже частично реализовать политические директивы. С одной стороны, она сама нуждалась в сфере обслуживания для удовлетворения своих потребностей, с другой — развитие государственной службы быта давало дополнительные управленческие места, т.е. образовывало условия для самопроизводства хозяйственной бюрократии в этой сфере.

В результате объем бытовых услуг на одного человека, например, в Приморье увеличился за пять лет в 2,2 раза, а в сельской местности — в 3,3 раза⁶⁷. В 1965 г. хабаровчанам и жителям края оказывалось уже 196 видов услуг. Повсеместно были созданы краевые и областные управления бытового обслуживания⁶⁸.

Еще одна причина заставляла власти заниматься организацией бытового обслуживания населения — необходимость сдерживать отток людей из сельской местности. В 1964 г. получили возможность пользоваться услугами химчистки, ремонта бытовой техники жители Ленинского и Биробиджанского районов Хабаровского края. В Амурской области в 1962 г. в совхозах «Партизан», «Димский», «Волковский» открылись швейные и сапожные мастерские⁶⁹, в Ивановском районе была организована разъездная парикмахерская.

В целом создание службы быта проводилось на базе государственной собственности в рамках крупных производственных коллективов. Те проблемы, которые возникали у населения при пользовании услугами (качество, сроки исполнения и т.д.), управленцы пытались устранять привычными административными методами: проверками, ревизиями, работой с жалобами заказчиков и др. В первой половине 60-х годов на предприятиях службы быта развивались и внедрялись различные формы социалистического соревнования, но они давали результаты лишь в отдельных конкретных случаях. Рассмотрение направлений либеральной социальной политики, анализ механизма их реализации приводят к выводам разного порядка.

Во-первых, в начале 60-х годов провинциальная партийно-государственная и хозяйственная бюрократия выступала в качестве одного из субъектов социальной политики. Она являлась фактически единственной социальной силой, которая интегрировала интересы других групп, оформляла их в виде официальных документов, выводила их на партийно-правительственный уровень. В решении таких вопросов, как строительство социально-бытовых учреждений, интересы различных групп дальневосточников совпадали. Это придавало некоторую солидарность населению.

Во-вторых, все группы, входившие в число субъектов социальной политики, прежде всего заботились о том, чтобы их представления, пути решения социальных вопросов признавались обществом как единственно правильные и справедливые. Принимались все меры, чтобы субъективно-корпоративные интересы оставались за границей общественного сознания и всей открытой информации. В этом была историческая преемственность тоталитарной и либеральной социальной политики советского типа.

В-третьих, переход от тоталитаризма к либерализации отражал интересы различных профессиональных групп, регионов. Поэтому укреплялось доверие к партиоменклатурной элите со стороны большей части общества. Но стабильность в советском обществе достигалась не только на основе сакраментальной веры в коммунистическую партию, ее идеологию, но и благодаря социальной политике. Тогда общество еще не представляло себе и не знало, что оно развивается по бюрократическому пути.

В-четвертых, своеобразной и специфической группой интеграции интересов дальневосточников в период 50—60-х годов стала выступать научная интеллигенция, работавшая как на Дальнем Востоке, так и за его пределами. Благодаря ей интересы определенных профессиональных групп выводились на политический уровень и интегрировались в общий социально-политический процесс.

В-пятых, либерализация социальной политики сопровождалась некоторыми противоречивыми тенденциями, которые проявлялись даже во внутригрупповых отношениях. В частности, это касалось отношений центра и региона. Но противоречия постоянно разрешались различными процедурами «совещательной демократии» — своеобразной бюрократической формой деятельности. Они в определенной степени и были двигателем эволюции социальных отношений. «Совещательная демократия» свидетельствовала, что в СССР складывался уже в конце 50-х — начале 60-х годов «бюрократический рынок». Именно на основе «совещатель-

ной демократии» удалось решить в те годы ряд важнейших проблем, которые касались улучшения условий жизни дальневосточников.

В-шестых, начало либерализации социальной политики хронологически совпало с новым этапом хозяйственного освоения Дальнего Востока, что в тех условиях благоприятно отразилось на стабилизации уровня жизни большинства населения. Некоторая переоценка партийно-государственной стратегии — сдерживание темпов роста денежных доходов — не создала значительных очагов социальной напряженности в регионе. Правда, такой шаг противоречил основному пути освоения Дальнего Востока — привлечению трудовых ресурсов денежными льготами. И он вызвал новую волну миграции. Властные структуры, сделав первую попытку расширить круг социальных мероприятий на Дальнем Востоке, столкнулись с главным препятствием — собственной тактикой освоения восточных районов. В основном разрешение такого противоречия пришлось на вторую половину 60-х—70-е годы. Уже в 1964—1965 гг. темпы роста заработной платы вновь возросли и стали выше, чем в 1961—1962 гг.

Делая вывод о развитии уравнительных тенденций жизни дальневосточников как целенаправленного итога либеральной социальной политики, следует обратить внимание на следующее явление. Уравнительные тенденции были характерны для профессиональных групп, связанных с исполнительским трудом. Одновременно развивались и отношения неравенства. В отличие от пропаганды уравнительности «теневое неравенство» тщательно скрывалось партийно-государственной бюрократией.

Концепция ликвидации территориальных различий в уровне жизни, как и ее направления, имела две стороны. С одной стороны, она защищала интересы территориальной общности — дальневосточников. На ее базе решались конкретные и насущные проблемы. С другой стороны, она отражала также интересы местного управленческого аппарата, поскольку создавала благоприятный режим для его жизнедеятельности.

Глава III. РАСЦВЕТ И НАЧАЛО КРИЗИСА СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (середина 60 — 80-х годов)

1. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ТИПА СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В высокоцентрализованном социальном организме, каким было советское общество в 60-е годы и где преобладающая часть решений принималась в верхнем эшелоне власти, слишком многое зависело от того, как формировался он, этот эшелон, каким образом изменялись ориентации входивших в него лиц. Рассматривать социальную политику без учета этого главного фактора просто невозможно. Как бы мы ни старались анализировать социальные процессы только на базе детерминированности их экономическими факторами, субъективный элемент, личность лидера, характер внутригрупповых отношений, уровень культуры политиков постоянно вмешивались в социальные процессы и оказывали на них значительное влияние.

Социально-политические противоречия в СССР начала 60-х годов вылились в вершущечный политический переворот в октябре 1964 г. Это было закономерным явлением советской действительности. Реформы, проводившиеся Н.С. Хрущевым, основательно вторгались в область интересов тех социальных групп, которые занимали привилегированное место в иерархической системе властных отношений.

По мнению ряда специалистов, важную роль в октябрьских событиях сыграло недовольство Н.С. Хрущевым, накопившееся у командного состава МВД и КГБ¹. К тому же осенью 1964 г. поддержка Хрущева со стороны высшей номенклатуры упала до критических отметок: «Против него по всем правилам конспиративного искусства плелся заговор»². Как полагают некоторые авторы, Н.С. Хрущев оставался на своих позициях до октября 1964 г., несмотря на то, что в партийном руководстве уже в течение двух лет зрело недовольство «вождем». Так долго держаться Хрущеву помогло внезапное отстранение от дел Козлова, который объединял группу недовольных в Президиуме и ЦК, выступавших против «импровизаций» первого секретаря³. С июня 1963 г. комиссию

по реорганизации промышленности возглавляют Л.И. Брежнев и Н.А. Косыгин. Они были введены в секретариат ЦК. С июля 1964 г. Л.И. Брежнев основное внимание стал уделять работе с высшими партийными кадрами⁴, что обеспечивало ему ведущую роль в аппаратных играх.

Социальную базу для политического переворота 1964 г. составил в основном управленческий аппарат центра, а также в крайне незначительной степени — провинциальный.

Хрущевские реформы от создания совнархозов до разделения райкомов по производственному принципу были направлены на то, чтобы разрушить сложившуюся административно-партийную структуру, сделать ее более гибкой для проведения экономических реформ. Но эти реформы вторгались в интересы огромной армии управленческих кадров. Постоянные реорганизации партийно-советской номенклатуры сопровождались изменениями в оплате труда, личностными перемещениями, лишали управленческие кадры спокойствия и постоянства. В воспоминаниях Ф.Бурлацкого отмечается, что «один из практических выводов, если говорить о прошлом, был связан также с более последовательным осуществлением принципа сменяемости кадров... Хрущев хотел создать хоть какие-то гарантии против чрезмерного сосредоточения власти в одних «руках», «засиживания» руководителей, старения кадров на всех уровнях, начиная с первичных организаций и кончая высшим эшелонem»⁵.

Кампания по сокращению административно-управленческого аппарата, проводившаяся тогда и на Дальнем Востоке, конечно, затрагивала личные интересы аппаратчиков. Но несмотря на это, как показывает анализ местных материалов, аппарат никогда бы первым не сделал самостоятельного шага. В местных официальных документах не содержится и намека на какое-либо открытое недовольство. Это было «недовольство», которое в официальных источниках не отражалось. Так двуличие, что было традицией советского общества, выражалось в поведении местных управленческих кадров, провинциальной бюрократии. Об этом социально-психологическом явлении можно судить лишь по воспоминаниям современников⁶.

В мемуарах того времени содержится мнение, что недовольство на местах вдохновлялось организаторами пленума ЦК (октябрь, 1964). Довольно часто упоминается имя Н.Г. Игнатова, который был ведущим «связником» с регионами. Однако мы склонны больше доверять В. Семичастному, бывшему руководителю КГБ. Он в интервью создателям фильма «Н.С. Хрущев» подчеркнул, что роль Н.Г. Игнатова в мемуарах Р. Медведева очень преувеличена. В документах местных партийных и советских органов только после проведения пленума и появления цир-

кулярного письма, объяснявшего снятие Н.С. Хрущева, начали встречаться понятия «волюнтаризм», «администрирование», а причины экономических неудач стали сводить к ошибкам Хрущева как реформатора. Циркулярное письмо было составлено на основе доклада М.А. Суслова. Главным образом оно содержало перечисление личных недостатков бывшего первого секретаря ЦК⁷.

Дальневосточники, в частности рабочие, крестьяне, равнодушно встретили известие о снятии Н.С. Хрущева. Если в центральных районах страны прокатилась волна забастовок и митингов в связи с повышением цен в 1962 г., то на Дальнем Востоке подобных открытых выступлений не было. Стабилизация уровня жизни населения Дальнего Востока в первой половине 60-х годов, связанная во многом со стратегией хозяйственного освоения региона, создала своеобразный социально-психологический климат. Некоторое замораживание темпов роста заработной платы, вызвавшее отток населения, как это ни парадоксально, снимало социальную напряженность в регионе. Например, снижало остроту жилищной проблемы. Поэтому в провинции, каковой являлся Дальний Восток, не существовало кризиса доверия к властям, о котором пишет Е. Зубкова⁸. Отсюда и не существовало активных форм влияния на формирование социальной политики. Причем широко пропагандировавшаяся концепция освоения Дальнего Востока, в том числе и в виде тезиса-лозунга «заботы партии и правительства о дальневосточниках», рождала у части населения надежды на лучшее будущее.

Оценивая события октября 1964 г., можно согласиться с мнением Н. Верта, считавшего, что они, эти события, были следствием бунта аппарата на фоне равнодушия общества и интеллектуальной элиты⁹.

В то же время номенклатурная партийная элита во главе уже с новым лидером Л.И. Брежневым не могла отказаться от тех перемен, которые были проведены во второй половине 50-х — начале 60-х годов. Большая часть тех перемен способствовала повышению уровня жизни значительной части общества, в результате образовалось то социальное ядро, которое обеспечивало стабильность в обществе в период критики культа личности Сталина и создало социально-психологическую базу доверия к власти.

Новый партийный лидер и его окружение (как показывает анализ официальных докладов, речей) понимали, что дальнейшее доверие к ним со стороны народных масс в новых исторических условиях может обеспечить только продолжение либеральной социальной политики. Главная идея состояла в провозглашении лозунга о повышении уровня жизни большинства групп и слоев общества. XXIII съезд КПСС в качестве

главной задачи определил обеспечение существенного подъема материального и культурного уровня жизни народа¹⁰.

Однако дальнейшая либерализация социальной политики партийного государства — это путь создания наилучших условий для процветания именно тех, кто ее осуществлял. Но проводились и мероприятия, которые затрагивали интересы остальных слоев и групп общества. Таким образом, консенсус между партийно-государственным аппаратом и остальным обществом в период второй половины 60-х годов и вплоть до начала 80-х годов состоялся на базе проведения либеральной социальной политики. На бытовом уровне это согласие отразилось в весьма своеобразных выражениях: «Сами жили и нам не мешали» или «Сами воровали и нам давали». В результате долгого влияния норм поведения партийно-советской элиты на управленцев всех рангов, а также на управляемых совесть, нравы, обычаи управленцев и управляемых сливались в одно целое и делались одинаковыми. Следовательно, солидарность в советском обществе достигалась не повышением культуры, но, наоборот, ее снижением, а порой и разрушением, что отчетливо стало проявляться в более поздний период — в конце 80-х годов.

Реализация курса на повышение уровня жизни была возможна только при условии поддержания высоких темпов роста экономики и пропорционального развития отраслей. Решение этих двух задач было настолько взаимосвязано, что противоречивость или консерватизм какого-либо решения, постановления сразу же отражался и на экономике, и на социальных отношениях. Номенклатурная элита это понимала и осознавала, и потому продолжались реформы. Наряду с этим проводилась такая кадровая политика, которая создавала у аппаратчиков уверенность в собственной значимости, в прочности своей власти. Начиная с декабря 1964 г., стали восстанавливаться территориальные краевые, областные комитеты партии. На XXIII съезде КПСС в Устав были внесены изменения, расширявшие число первичных партийных организаций, работающих на правах райкомов партии¹¹. Это была значительная уступка провинциальной партийной бюрократии. На местах возрастало число освобожденных секретарей. Они составляли в регионе особую группу партийной номенклатуры, которая контролировала поведение хозяйственников и весь ход выполнения социальных мероприятий, улучшающих условия труда, быта.

В 1961 г., например, в Приморье была всего 51 организация из числа тех, которые имели парткомы. В 1966 г. их стало 142, в 1970 г. — 202, а в 1985 г. насчитывалось уже 264 таких организаций¹².

В 1971—1975 гг. в соответствии с постановлением ЦК КПСС в Хабаровском крае были образованы Ванинский райком КПСС, Ленинский и Центральный райкомы — в Комсомольске-на-Амуре; Амурский райком партии был преобразован в городской комитет КПСС¹⁴. В связи со строительством Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и необходимостью решения социальных вопросов на этой территории были расширены численные составы парткомов. Все названные меры заметно расширили круг лиц, контролировавших социальную политику на местах.

На характер этой политики в 70-е — начале 80-х годов существенное влияние оказывали изменения, происходившие с группами, которые разрабатывали социальные мероприятия или выводили интересы других социальных групп на политический уровень. В те годы менялся и сам облик, и ценностно-культурные ориентиры партийно-государственной бюрократии, что особенно важно для понимания кризиса идеологии — главного элемента распределительной социальной политики в СССР.

На смену руководящим работникам «сталинского типа», воспитанным в жестких идеологических условиях и аскетических традициях, прошедших «сито» политических репрессий, приходили простые исполнители. Большинство из них попали на руководящую работу в новых исторических условиях, в обстановке переоценки ценностей, когда идеи материального благополучия становились главными ценностными ориентирами. Это были уже первые результаты так называемого хрущевского этапа либеральной социальной политики. Изменялся и средний возраст секретарского корпуса. В 1971 г. на местах он составлял 45—49 лет. Среди делегатов XXIV съезда КПСС на долю групп от 41 года до 50 лет приходилось 41,6% делегатов. Это была самая многочисленная их часть¹⁴. Конец 70-х годов представлял собой своеобразный этап в сменяемости поколений партийной бюрократии.

Формированию нового типа партийно-государственной бюрократии способствовала и кампания кадрового обновления аппаратчиков. Центральная политическая власть, чтобы обеспечить контроль над провинциальной номенклатурой, которая несколько политически окрепла в результате либерализации политического режима, пошла на замену старшего поколения новыми кадрами¹⁵. В работах ученых, посвященных истории местных партийных организаций и партийному руководству Советами, уже подробно описано это социально-политическое явление, хотя оценка дана с других концептуальных позиций¹⁶.

Заметной тенденцией тех лет стал и наплыв представителей регионов в состав секретариата ЦК КПСС, но особенно — в центральные министерства и ведомства. Только из Приморья за 15 лет (1969—1984 гг.) в

Москву в различные аппараты центра было переведено 250 чел.¹⁷ Чаще всего «обучение» в столице проходили будущие первые секретари крайкомов, обкомов партии, занимая должности инспекторов ЦК. Через эту должность прошел и один из последних секретарей Приморского крайкома КПСС А.А. Волынцев¹⁸. Социально-психологический тип людей, которые оказывались на работе в аппарате, описал Л. Оников. Сам аппаратчик, проработавший более 30 лет в ЦК КПСС, он так пишет о себе и коллегах: «Судьба аппаратчика была полностью в руках вышестоящего начальника... Отсюда решительность, радикализм, находчивость аппаратчика при выполнении приказа сверху, линии партии. И в то же время — робость, безынициативность, а то и трусость, когда надо было отстаивать свою точку зрения, если она противоречила мнению руководства». Двойственность натуры была типична и для провинциальной номенклатуры. Помимо указанных черт Леон Оников отмечал и такие особенности аппаратчиков, как зависть, цинизм, самомнение, фанатерия, отрыв от реальности, перестраховка, формализм, бюрократизм... «Эти и другие чисто аппаратные «болячки» присущи любому аппарату во все века»¹⁹. Полагаем, что можно довериться словам автора мемуаров, так как он представляет собой редкое исключение из правил, решившись на такое откровение.

Кадровые перестановки, происходившие в 70-х — начале 80-х годов, лишь в малой степени отражались на карьере и стабильности старой партноменклатуры. Ей обеспечивались или место в административно-хозяйственных органах, или перевод в столичное министерство либо в посольство за границей. Так, первый секретарь Приморского крайкома КПСС В.П. Ломакин после своего 15-летнего секретарского стажа, был назначен послом в Чехословакию, второй секретарь А.Т. Гульченко — в Министерство рыбной промышленности... Такая практика по отношению к провинциальной партийной бюрократии привела к тому, что борьба за власть среди партийно-хозяйственной бюрократии на местах имела крайне незначительные проявления, да и те были скрытыми, не оглашались.

Высшее политическое руководство во главе с Л.И. Брежневым стало активно проводить политику стабилизации социальной жизни путем уравнительных мероприятий в распределении. Здесь также немалую роль играл субъективный фактор, связанный с групповыми интересами партийно-советской бюрократии.

Во второй половине 60-х — в 70-е годы политические деятели центра и регионов стремились к тактике «баланса интересов» и тем самым старались как можно дольше удержать свою коллективную власть.

Она, как и прежде, давала право партийно-государственной и хозяйственной бюрократии выступать от имени государства и быть монопольным работодателем, концентрировать в своих руках распределение основных благ. В этом состояли традиции преемственности советской социальной политики. Эта политика была и важнейшим рычагом, и условием реализации социальной стратегии.

Но кадровая политика конца 60—70-х годов способствовала тому, что в обществе возрос удельный вес социально-профессиональных групп, которые не только активно влияли на разработку социальных мероприятий, но и учитывали собственные интересы.

К середине 60-х годов на Дальнем Востоке удельный вес управленцев всех рангов колебался (по архивным источникам) от 7% до 13%, в 1970 г. — 15,3%, в 1985 г. — 16%²⁰. Выявить абсолютное число управленцев, связанных непосредственно с реализацией социальных мероприятий, практически невозможно. Это связано с размытостью социальных границ, различным объемом власти и даже с распространением такого явления, когда на ставках рабочих зачастую находились освобожденные парторги, профорги, комсомольские секретари. Последнее явление получило в народе название «подснежники».

Если исходить из номенклатурных списков, куда включалась только местная «элита», то эта цифра выглядела крайне незначительной по сравнению с занятым населением в крае или области. Например, в Амурской области во всех отраслях народного хозяйства в 1970 г. было занято 316,3 тыс. чел., численность работников аппарата управления составляла 51,5 тыс. чел., а в номенклатурных списках значилось 1565 чел., из них — 72 секретаря²¹. Число аппаратчиков советских органов (исполкомов), на которых возлагались также функции реализации социальных мероприятий, в 1985 г. достигло в Приморье 2399 чел., в Хабаровском крае — 2251, в Амурской области — 2347, на Камчатке — 681, в Магаданской области — 1188, на Сахалине — 1003, всего — 9869 чел.²² Но к группам, участвовавшим в распределительном процессе, необходимо отнести и выборный состав профсоюзной системы. (К сожалению, автор не располагает обобщенными цифровыми данными).

В середине 80-х годов на Дальнем Востоке наибольший удельный вес составляли группы от 30 до 39 лет, кроме Приморья, где преобладала возрастная группа 40—49 лет. Но она превышала более молодую группу всего на 1%. Доля группы от 30 до 39 лет на Дальнем Востоке составляла от 34 до 41%²³. Эти данные также подтверждают наш тезис, что в середине 80-х годов приходили к власти такие аппаратчики, чиновники, ценности ориентиров, менталитет которых складывался в

условиях либеральной социальной политики, ухода в прошлое репрессий. Тогда у них на первый план была выдвинута задача роста личного материального благополучия. Поэтому их сознание, видение своей роли и значимости в системе распределительных отношений формировалось именно на такой волне. Все это в огромной степени отражалось на характере выполнения аппаратчиками управленческих обязанностей.

Советская бюрократия 70-х годов, осуществляя распределительную социальную политику, сочетала в себе и такие черты, как консерватизм и приспособляемость, то есть она не была каким-то застывшим социальным образованием. Это можно проследить на попытке политической «элиты» контролировать и регулировать количественный состав и осуществлять контроль за перераспределением внутри группы. Первые попытки наблюдались в конце 50-х — начале 60-х годов и были повторены в конце 60-х годов. В 1969 г. (от 13 октября) вышло постановление ЦК КПСС «О мерах по совершенствованию и удешевлению аппарата управления»²⁴. После его выхода на Дальнем Востоке началась кампания по сокращению аппарата. Анализ отчетов о выполнении этого постановления свидетельствует о сопротивлении провинциальной бюрократии на уровне всех звеньев. Наибольшее противодействие оказывали управленцы торговой сферы и бытового обслуживания. Примечательно, что данные факты признавали представители партийной бюрократии²⁵. В результате задания по уменьшению расходов на содержание управленцев выполнялись за счет сокращения среднего и низшего звена, чаще всего технического обслуживающего персонала. Такое проведение подобных кампаний было характерной чертой групп, которые представляли собой субъект социальной политики.

Другой важнейшей чертой эволюции провинциальной советской бюрократии становилось стремление обеспечить себе и своим детям высшее образование, которое наряду с партийным билетом давало возможность более быстрого продвижения по служебной лестнице, т. е. приводило к увеличению объема власти, а следовательно, к улучшению материального благополучия. Уже к середине 70-х годов все первые секретари горкомов и райкомов партий на Дальнем Востоке имели высшее образование. Эти данные свидетельствуют, что партноменклатура очень заботилась о своем интеллектуальном «престиже». Начиная с 60-х годов партийные функционеры, работники партийно-советских органов стремились овладеть не просто знаниями, а знаниями в области экономики.

К началу 70-х годов были разработаны типовые программы по основам экономики. Формы получения экономического образования и доку-

мента, подтверждающего его наличие, были очень разнообразны²⁶. Фактический материал по этому вопросу во всем своем многообразии освещен в отечественной региональной литературе. Таким образом, происходило перемещение интересов из политической сферы в область экономическую. Получение экономического образования провинциальной партийно-советской бюрократией наряду с имевшимися личностными связями в дальнейшем обеспечило безболезненный переход части партийных функционеров в новые экономические структуры (после указа президента России о запрещении деятельности коммунистической партии).

Внутригрупповым отношениям 70-х — начала 80-х годов была свойственна еще одна важнейшая черта, которая в дальнейшем повлияла на характер формирования первых советских бизнесменов или предпринимателей. В этот период активно происходило сращивание интересов хозяйственной и партийной бюрократии. Стало нормой пополнение партийных аппаратов за счет экономистов, инженеров, руководителей предприятий. Например, в середине 70-х годов на Сахалине 50% секретарей, 70% заведующих отделами являлись бывшими руководителями предприятий, экономистами, специалистами народного хозяйства. Такая же ситуация была на Камчатке. В номенклатуре Владивостокского горкома партии в 1966—1970 гг. было 511 специалистов народного хозяйства, в 1980—1985 гг. уже 800. Следовательно, обновление советской бюрократии происходило путем снижения роли политиков и увеличения влияния хозяйственников в общественной жизни региона.

Это был тот исходный генофонд бюрократии, в недрах которого рождались политики, лидеры постперестроечного периода*. Характерным для того времени становился тип партийного чиновника-хозяйственника. На первый план выдвигались знания «специфики отрасли, науки, техники», на второй план уходила «идейно-нравственная закалка кадров», столь характерная черта периода 50-х — начала 60-х годов, важнейшая системообразующая черта старой бюрократии сталинского типа, когда выполнение управленческих функций было одновременно делом чести и следствием страха «оказаться неблагонадежным».

На культуру внутригрупповых отношений оказывали большое влияние все обстоятельства внутрипартийной жизни. После XXIII съезда КПСС на местах значительно замедлился процесс ротации партийных

* Типичный пример представляет собой И.Г. Лебединец, первый председатель Приморской краевой думы: в 1974—1981 гг. он был заведующим промышленно-транспортным отделом Ленинского РК КПСС, затем инспектором рыбной промышленности Приморского крайкома КПСС. Аналогичный путь прошел его заместитель (по Думе) А.В. Прохоров // Владивост. время. 1995. 2 янв.

кадров. Ежегодно стали ротироваться не более 10—15% аппаратных работников. Как правило, это были передвижки «наверх», или на равноценные должности. Чисто внутрипартийная мера способствовала укреплению одних и тех же лиц у власти на длительный период. Типичным примером являлось длительное пребывание В.П. Ломакина на посту первого секретаря Приморского крайкома партии. Л.К. Черного в такой же должности в Хабаровском крае. Это были уже условия, способствовавшие развитию новых партноменклатурных обычаев и нравов. Но очень многое зависело от личности местного лидера. Например, о В.П. Ломакине говорили сослуживцы: «Себя не щадит и других не пожалеет»²⁷.

В начале 80-х годов политики пытались еще старыми методами бороться за повышение исполнительской дисциплины. В Хабаровском крае в 1985 г. из 605 исключенных из рядов КПСС — 21% приходился на группу, которая обозначалась в документах: «За морально-бытовое разложение, пьянство и хулиганство, 27% — за уголовные преступления, растраты и хищения, 21% — за нарушение партийной, государственной и трудовой дисциплины»²⁸. Но самым весомым аргументом признания «разложения» провинциального управленческого аппарата являлось собственное признание этого явления, что зафиксировано в некоторых документах партийных конференций. Например, в материалах XVII—XX приморских партийных конференций содержатся следующие оценки: «Немало фактов, когда отдельные руководители не оправдывали доверия коммунистов, трудящихся, нарушали партийную и государственную дисциплину, свои личные интересы ставили выше общественных»²⁹.

За период между XIX—XX партийными конференциями Хабаровской партийной организации за нарушение норм партийной жизни и другие «проступки» к партийной ответственности были привлечены 40 руководителей номенклатуры парткомов КПСС³⁰.

О падении нравов в среде советской бюрократии говорят факты коррупции, взятничества и развития так называемой «теневого экономики» советского типа. При существующей закрытой статистике по данному вопросу трудно выявить удельный вес управленцев, принимавших участие в этой «теневого экономике». Но, учитывая возможности монопольного права распределения финансов, материально-технических средств, можно предположить значительные размеры социальной базы этой экономики. Если в начале 60-х годов ее объем составлял 5 млрд. руб., то в конце 80-х, по одним данным — 90 млрд., по другим — 500 млрд. руб.³¹ Такая скрытая форма перераспределения материальных благ, приобретающая все большие размеры, была прямым следствием эволюции бюрократической системы, в результате которой партийно-советская

бюрократия перерождалась в «необуржуазию». Этот переходный тип в середине 80-х годов разрабатывал различные проекты оптовой и розничной торговли, разнообразные формы хищения готовой продукции и сырья. В любом случае эти группы богатели за счет государственной экономики, в которой было еще занято абсолютное большинство населения. В начале 80-х годов, по данным Л. Хроменкова, подобным «бизнесом» в СССР было занято 2 млн. чел. и 17—18 млн. принимали участие от случая к случаю. По оценкам другого ученого — Т. Корягиной, число лиц, принимавших участие в советской теневой экономике, увеличилось с 10 млн. в начале 60-х годов до 30 млн. чел. в конце 80-х годов³².

Размеры коррупции, взяточничества настолько возросли, что политики верхнего эшелона, располагая достоверными данными, вынуждены были отреагировать на это. В сентябре 1980 г. ЦК партии принял ряд мер, направленных против коррупции. Разумеется, они были разработаны, исходя из соответствующего понимания и видения всей проблемы политиками тех лет. Указания по этому вопросу были разосланы в местные партийные организации в виде секретного письма³³. Но сам подход к ситуации и характер документа свидетельствовали, что политические органы намерены по-прежнему бороться лишь с конкретными личностями.

В 1981—1982 гг. «прогремело» несколько скандальных дел, которые были раскрыты КГБ под руководством Ю.В. Андропова. С избранием Ю.В. Андропова (12 ноября 1982 г.), преемником Л.И. Брежнева, кампания по борьбе с коррупцией продолжалась недолго. Социально-политические устремления лидеров сталкивались с внутренними интересами групп, представителями которых они сами являлись.

Характеристика внутригрупповых отношений была бы неполной, если хотя бы кратко не остановиться на так называемых «вассальных группах»³⁴, занимавших специфическое положение в обществе. По мнению В. Радаева, к ним относились специалисты, низшие служащие, которые непосредственно обслуживали номенклатуру, в том числе и провинциально-региональную. Это консультанты, инструкторы, секретари-машинистки и т.д. К ним относились также работники физического труда, занятые в «престижных учреждениях». Они обеспечивали не только социальное воспроизводство данного социального слоя, но и принимали участие в реализации конкретных мероприятий (перевозка товаров, строительство домов, больниц, обслуживание столовых и т.д.). Особую роль играли консультанты, референты, технические секретари. Эта часть партийно-советской бюрократии также участвовала в создании и организации культуры «совещательной демократии», постоянно отправляя документы либо «наверх», либо наоборот — в более низкие инстанции.

Чиновники-референты контролировали и регулировали прохождения документов, очередей на прием «к ответственным лицам», от подписи которых зависело решение конкретного дела. За такой труд «вассальная группа» получала вознаграждение не только в виде заработной платы, но и в форме лучших условий труда, привилегированного распределения жилья, приобретения дефицитных товаров и т.д. Кроме того, исполнитель из данной группы получал больше социальных благ, чем любой мелкий руководитель из промежуточного слота (начальник цеха, директор мелкого предприятия).

Но особое место в системе внутригрупповых отношений 70—80-х годов занимали представители специализированного аппарата распределения: работники материально-технического снабжения, в том числе и исполнительского труда (кладовщики, продавцы, буфетчики, грузчики и т.д.). Формально они являлись простыми исполнителями чужой воли. Но от формального до реального в советском обществе было «гигантское расстояние».

Работники сферы непосредственного распределения, как и другие социально-профессиональные группы, не лишены были корпоративно-группового эгоизма. К тому же, начиная с 60-х годов, эта группа в СССР возросла и за 25 лет увеличилась в 22,8 раза, составив в 1985 г. 6222 тыс. чел.³⁶ В дальневосточном регионе работники торговли, общественного питания, материально-технического снабжения, сбыта составляли в 1965 г. 9% в структуре занятого населения, в 1985 г. — 10%³⁶. Для сравнения в РСФСР — 8%*.

Тенденция увеличения числа работающих в торговле, материально-техническом снабжении региона отмечена дальневосточным исследователем В.Е. Борчаниновой: «Большая часть людей приходила работать в сферу торговли, общественного питания, где можно было получить доступ к дефицитным продуктам и предметам потребления!»³⁷ В 80-е годы при общем сокращении численности рабочих и служащих в народном хозяйстве шел неуклонный процесс роста количества работников этих отраслей. Раз увеличивалась эта социально-профессиональная группа, то, следовательно, возрастала ее роль и значение в обществе. Количественное увеличение сопровождалось и ростом группового эгоистического интереса. Глубину этой категории невозможно выразить каким-либо статистическим показателем. Можно судить лишь по косвенным данным.

По мнению ряда авторов, нетрудовые доходы в качестве главного источника существования во второй половине 80-х годов могли иметь в

Это больше, чем в сельскохозяйственном производстве

СССР 5—6 млн. ⁹ По подсчетам К.У. Улыбина, объем нетрудовых доходов составлял 120—150 млрд. руб. (Сам он их считает заниженными). Из них 40—50 млрд. руб. приходилось на прямые хищения¹⁰. Фонд заработной платы в СССР в 1989 г. составлял 338 млрд. руб. При сопоставлении всех данных приходим к выводу, что в среднем по всем слоям, для которых основным источником существования были нетрудовые доходы, они, эти доходы, приблизительно в 10 раз превышали среднюю заработную плату по стране. При оценке доходов «хозяев теневой экономики», теневого распределения необходимо сложить три компонента: высокую заработную плату, привилегии и нетрудовые доходы. Если их сравнить со средней заработной платой, то соотношение будет равняться приблизительно как 1:100¹¹. Эту цифру условно можно принять за показатель реального доходного расслоения в СССР к концу 80-х годов. Она же показывает «коэффициент» роста группового эгонстического интереса.

Таким образом, в 70—80-е годы шел процесс формирования новой генерации партийно-государственной и хозяйственной бюрократии. На смену старой приходил «переходный тип» управленцев. К середине 80-х годов он уже укрепляется во властных структурах как в центре, так и в регионе. Особенность состояла в том, что, находясь на стадии формирования, «новый тип советской бюрократии» продолжал проводить либеральную социальную политику, начатую еще в других исторических условиях.

Одновременно происходило разрушение большинства традиционных форм социального контроля, что увеличивало влияние субъективно-корпоративных интересов. И как только процесс формирования советской бюрократии стал переходить в новую свою стадию, появилась потребность, острая необходимость для обоснования идеологии нового социального курса.

Наряду с развитием советской системы к середине 80-х годов обозначились изменения в персональном составе ЦК КПСС. Но это были уже не простые кадровые перестановки, к власти приходили полнители с «обновленными мировоззренческими установками». 11 марта 1985 г. на пост генерального секретаря ЦК был избран М.С. Горбачев. Постепенно менялся состав политбюро, из него удалялись одновременно с устранением от государственной должности консервативно настроенные личности, связанные с брежневскими временами. Например, были отправлены в отставку в июле 1985 г. Г.В. Романов, в октябре 1985 г. Н.А. Тихонов, в феврале 1986 г. В.В. Гришин, январе 1987 г. Д.А. Кунаев, в октябре 1987 г. Г.А. Алиев, в сентябре 1988 г. А.А. Громыко, М.С. Со-

ломенцев, В.И. Долгих. Одновременно в политбюро входили политики, которые придерживались сходных взглядов с М.С. Горбачевым и принадлежали его поколению. Это Н.И. Рыжков, Н.Н. Зайков, А.Н. Яковлев. Позже и они были сменены новыми политиками. В самом Центральном Комитете КПСС обновление достигло небывалых размеров. По подсчетам Н. Верта, за пятилетие сменилось 85% политической номенклатуры. (Даже в 1934—1939 гг. в годы репрессий, массовых «чисток» обновление составляло 77%). Такая быстрая смена партноменклатурной элиты, политиков высшего ранга позволила заявить о необходимости коренных реформ и отказаться от своего прошлого путем критики старого социального курса.

Основу идеологического обеспечения и перехода к новым социокультурным ценностям стал составлять экономический либерализм. В этом большую роль сыграло то, что М.С. Горбачев, придя к власти, стал опираться на группу ученых — экономистов, социологов, философов, понимавших необходимость проведения реформ. Среди них были имена известных академиков Л. Абалкина, А. Аганбегяна, Т. Заславской, профессора Ф. Бурлацкого... Это обеспечило поддержку «перестройке» со стороны значительной части интеллигенции. Для обоснования нового курса социальной политики нужны были новые идеи, а для этого требовалась гласность. Гласность, разрешенная сверху, выполнила важнейшую идеологическую задачу для пришедшей к власти новой группы политиков: социальные истоки реформаторства были прикрыты идеями борьбы за социальную справедливость, борьбы против привилегий партноменклатуры. Тон задавала публицистика тех лет. Она направляла общественное мнение в поддержку перестройки. На Дальнем Востоке были также попытки создать неформальные организации в поддержку перестройки.*

Первоначально новые идеи вращались в кругу нэповских и еврокоммунистических идей. Политики и поддерживающие их группы интеллигенции говорили о том, чтобы заменить «казарменный социализм» «гуманным социализмом с человеческим лицом». Под прикрытием идеологической и исторической гласности вызревали социально-политические и экономические предпосылки для бюрократической революции конца 80-х — начала 90-х годов.

* В Приморье весной 1989 г. было предпринята попытка объединения неформальных движений с целью координации действий в Народный фронт в поддержку перестройки. В Хабаровском крае набирало силу движение Демократических реформ, на Сахалине в мае 1988 г. прокатилась волна митингов против «Сахалинского варианта» избрания депутатов на XIX партийную конференцию.

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ. ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ «ЦЕНТРА» И РЕГИОНА (середина 60 — 80-х годов)

Эволюция социальных групп, которые вырабатывали и осуществляли социальную политику в СССР, начиная со второй половины 60-х годов сопровождалась некоторым перераспределением объемов власти среди этих групп. Явление представляло важнейший социально-политический источник, который наряду с экономическими факторами определял характер и последствия реформ 1965 г. Прежде всего политическая группировка, пришедшая к власти в 1964 г., постаралась укрепить свою социальную базу — бюрократический аппарат высшего ранга. Поэтому реформа началась с проведения новой административной централизации и упразднения совнархозов, восстановления центральных промышленных министерств, ликвидированных в период политического лидерства Н.С. Хрущева. Были созданы дополнительные крупные государственные комитеты: Госкомцен, Госстат, Госкомитет по науке и технике.

Но одновременно проводились меры по укреплению баланса интересов между чиновниками высшего эшелона и большой армией управленческого аппарата на местах, в регионах. Особенно это касалось директорского корпуса. Меры вылились в новую форму хозяйственной деятельности предприятий, поскольку за каждой реформой стояли и стоят интересы определенных групп. Однако анализируя события тех лет, необходимо учитывать, что хозяйственная реформа готовилась еще до политического переворота 1964 г. Задумывая основные направления, предыдущие политики-реформаторы и поддерживающая их научная элита пытались также расширить свою социальную базу на местах в лице прежде всего директорского корпуса, планировали, что реформа будет проводиться в условиях сильной хозяйственной власти в регионах в лице совнархозов. Как известно, она готовилась в течение нескольких лет под руководством Е. Либермана и была изложена в двух документах, обнародованных 4 октября 1965 г., через год после снятия Н.С. Хрущева (постановления об улучшении планирования и стимулирования экономики и о государственно-производственном предприятии при социализме)¹. В документах обосновывалась социально-экономическая необходимость расширения прав предприятий.

В условиях же государственной формы собственности это означало расширение прав управленческого аппарата на местах. Уже первые шаги реформы подтверждают, что она представляла ряд разрозненных и противоречивых мер. Действительно, трудно сочетаются такие явления, как самостоятельность предприятий, т.е. увеличение объема власти управленцев этого ранга и одновременное усиление административных и экономических полномочий министерств и ведомств центра. Создание

такого органа, как Госнаб, особенно глубоко выражало противоречивость даже самой идеи самостоятельности предприятий. Таким образом, возникшие внутригрупповые противоречия могли разрешаться в тех условиях только чисто бюрократическими методами. А сама реформа 1965 г. стала важнейшим этапом в становлении бюрократического рынка в СССР. При этом социальные источники на уровне эволюции советской бюрократии, ее адаптации в условиях либерализации политического режима во многом определяли характер реформы. Но даже в этом варианте она расширила права хозяйственной бюрократии на местах, сохранив права политической элиты на принятие решений и контроль за распределением финансов, материально-технических средств и производственной продукции.

Таким образом, еще оставались преобладающей во взаимоотношениях советской бюрократии, прежнее равновесие между политиками и хозяйственниками. На этой основе обеспечивалось выполнение партийно-правительственных постановлений, которые непосредственно касались улучшения условий жизни в регионе. На вопрос были ли расширены права директоров в 1965—1970 гг. при социологическом опросе в Сибири и на Дальнем Востоке 44% опрошенных дали положительные ответы². Это достаточно высокая цифра, которая позволяет сделать вывод о достижении баланса интересов внутри самого субъекта социальной политики.

Однако особенность реформы 1965 г. в СССР состояла в том, что она содержала и меры по регулированию отношений управленческого аппарата и трудовых коллективов, т.е. межгрупповых отношений, поскольку в своей основной массе трудовые коллективы были представлены социально-профессиональными группами исполнительского труда. С этой целью создавались фонды стимулирования труда, заменившие те, которыми распоряжался директор. Они были разделены на три части: фонд материального поощрения (его распределение контролировалось собранием трудового коллектива); фонд соцкультбыта (предназначался для строительства жилья, больниц, детских садов); фонд самофинансирования для нужд предприятий.

В исторической действительности реформа привела к усилению роли министерств и центральных ведомств, что было вполне закономерным для того времени явлением. Очень сложно проходила реализация идеи, связанной с функционированием фонда на социальные нужды. Обращение к текстам деловой переписки показывает, что планы строительства «объектов соцкультбыта» даже не предусматривали обеспечения их строительными материалами³. В таких условиях стала развиваться культура «бюрократического торга», различные акции по получению средств и материалов. Она включала не только огромную деловую переписку, полную просьб, убеждений выделить именно своему предприятию «дополнительные материально-технические средства», но и час-

тые поездки в центр. Например, в докладной записке в Госплан СССР работниками Хабаровского крайкома КПСС и Хабаровского крайисполкома сообщалось следующее: «Министерства лесной, деревообрабатывающей, машиностроительной отраслей в своих планах даже не предусмотрели выделение средств на строительство больниц». Вопрос разрешался чисто бюрократическим путем. После всех согласований, наконец, появилось специальное постановление Совета Министров СССР, обязавшее ряд министерств построить больницы и школы в крае. Уже другим постановлением (7 июня 1966 г.) два министерства — нефтеобрабатывающей и авиационной промышленности также обязывались построить две больницы в Комсомольске-на-Амуре⁴.

Однако нельзя совсем отрицать значение реформы для регулирования социальных отношений. Доля премий стала составлять 3% от заработной платы, до реформы — 1%. Рост производительности труда в 1961—1965 гг. ежегодно равнялся — 4,6%, в 1966—1970 гг. он увеличился до 5,7%. При этом темпы роста заработной платы были соответственно 2,6 и 5,1%. Это означало, что на один процент роста производительности труда приходилось в 1961—1965 гг. 0,54 пункта заработной платы, а в 1966—1970 гг. — 0,87 пункта⁵.

Приведенные данные показывают, что экономические результаты реформы все-таки создавали основу для баланса интересов в трудовых коллективах. В годы восьмой пятилетки премии и вознаграждения, выплачиваемые рабочим (в промышленности), увеличились в 3 раза, оплата за перевыполнение норм в — 2 раза⁶.

Если сравнить темпы роста заработной платы, премиальных вознаграждений и темпы увеличения производительности труда, то становятся очевидными два момента. Новая генерация бюрократии, обеспечивая себе поддержку среди широких народных масс и стабильность в обществе, пошла на нарушение экономических традиций. Были нарушены экономические пропорции, традиционно существовавшие в СССР и сохранившиеся еще в 1961—1965 гг. Тем самым закладывались предпосылки для инфляционных процессов. В этом и состоял парадокс либеральной социальной политики конца 60—70-х годов. Зарождались истоки будущего кризиса распределительно-нормированной политики. Но они, естественно, были еще скрыты от современников и стали проявляться и ощущаться в середине 80-х годов.

Политическое руководство и правительство, объявив задачу «повышения благосостояния народа» и проводя курс «баланса интересов», постоянно сталкивались с противоречиями самой системы и экономической необеспеченностью объявленных социальных мероприятий. Как реформа 1965 г., так и дальнейшие действия политиков 70—80-х годов содержали в себе много противоречивых решений, постановлений. Они были одновременно следствием экономических причин и ряда субъек-

тивных случайностей. В региональной истории они настолько тесно переплетались, что проявлялись в виде единого социального результата.

Если рассматривать социальную политику с точки зрения экономической обеспеченности, то весь период второй половины 60 — середины 80-х годов был тоже далеко не однозначным. Дать оценку экономического развития СССР и дальневосточного региона в те годы очень сложно. Все расчеты эффективности производства, повышения уровня жизни были построены в официальной статистике на рублевом показателе⁷. В статистических документах мы не найдем ни индекса цен, ни производства продуктов и товаров широкого потребления в физических единицах на душу населения. Очень сложно определить и темпы роста национального дохода. По мнению А.Н. Илларионова, в 1970—1985 гг. «текущие цены были превращены в постоянные, а темпы роста цен — в темпы роста национального дохода и промышленной продукции⁸. Воспользуемся результатами исследований ИМЭО АН СССР. Национальный доход на душу населения составлял в 1950 г. 1100 дол., в 1986 г. — 3750 дол., т.е. за 35 лет увеличился в 3 раза. Темпы прироста национального дохода равнялись, по официальной статистике, в 1965—1970 гг. 6,3%, 1970—1975 гг. — 6,3%, в 1975—1980 гг. — 4,3%, в 1980—1985 гг. — 3,6%. По альтернативным же источникам соответственно по годам: 4,1; 3,2; 1; и 0,6%⁹. (Имеются и другие данные¹⁰).

Альтернативные источники показывают, что темпы снижения были катастрофически быстрыми. К середине 80-х годов это стала осознавать и политическая верхушка. М.С. Горбачев на февральском (1988 г.) пленуме ЦК КПСС открыто признал, что на протяжении четырех последних пятилеток «мы не имели абсолютного прироста национального дохода»¹¹. Одновременно наблюдалась и другая негативная тенденция: шло сокращение производства продуктов питания и промтоваров первой необходимости¹².

В условиях, когда сужались экономические возможности перераспределительных отношений, а возрастали групповые, корпоративные интересы советской бюрократии, менялись манеры ее поведения. Дж. Бьюкенен, лауреат Нобелевской премии, отмечает: «... даже, если бюрократ ведет себя идеально, с точки зрения принятых норм порядочности, он все равно стремится сделать свою роль в обществе как можно значительнее»¹³.

В условиях же экономического спада в среде советской партноменклатурной бюрократии возникла идея о разделе, дележе государственной собственности, которая приобрела новую идеологическую оболочку «разгосударствления». Сама горбачевская «перестройка и дальнейшие реформы, конечно, были следствием и других глобальных факторов, в частности необходимости модернизации экономики, следствием воздействия идей радикального либерализма на политических лидеров и т.д. Однако последующий ход событий, ход реформ начала 90-х

годов¹⁴ заставляет еще раз задуматься о важности социальных источников нового бюрократического взрыва в СССР. Во второй половине 80-х годов экономические и социально-политические потоки сливаются в единый исторический процесс.

Экономическая обеспеченность проведения социальных мероприятий на Дальнем Востоке в рассматриваемый период была тоже неравномерной. Во второй половине 60-х годов для реализации провозглашенного курса складывалось благоприятное стечение обстоятельств. Прежде всего это внимание партноменклатуры центра к Дальнему Востоку как богатейшему району, вовлечение природных богатств в национальный оборот с помощью традиционных для России экстенсивных факторов. Это означало увеличение капиталовложений в развитие хозяйственного комплекса региона и привлечение трудовых ресурсов. В октябре 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР поручил Государственному комитету по вопросам труда и заработной платы, Госплану СССР, Министерству финансов СССР, ВЦСПС с участием Совета Министров РСФСР разработать мероприятия по закреплению кадров в районах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. 22 декабря этого же года Госплан СССР отдает приказ (Госплан РСФСР продублировал его 12 января 1966 г.) плановым комиссиям Дальневосточного экономического района о разработке предложений «по развитию производительных сил». В январе 1966 г. плановая комиссия Госплана РСФСР уже с участием местных партийных, советских работников разрабатывала этот документ. Он был разослан в центральные министерства и ведомства для обсуждения. В течение целого года предложения, поданные из дальневосточного региона, рассматривались в многочисленных отделах Госплана РСФСР, в Совете Министров РСФСР, наконец, в Госплане СССР¹⁵. В заключении, например, отдела труда и заработной платы Госплана РСФСР, делался следующий вывод: «В целях закрепления рабочей силы в районах Дальнего Востока и Читинской области необходимо возбудить ходатайство перед Советом Министров СССР о создании ряда льгот». В этой небольшой цитате отражается характер отношения в целом к населению Дальнего Востока как рабочей силе. (Это было в феврале 1966 г.). Итоговый же документ «О дальнейшем развитии производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области», в котором определялись некоторые льготы финансирования Дальнего Востока и меры по привлечению «рабочей силы», появился уже в 1967 г.¹⁶ Таким бюрократическим методом в форме «совещательной демократии» решался в течение почти двух лет дальневосточный вопрос. Термин «рабочая сила» в политическом документе показывает отношение политиков к своему народу.

В то же время именно этот технократизм обеспечивал пути либерализации тоталитарной социальной политики. Однако технократизм второй половины 60—70-х годов смягчался рядом обстоятельств. До

середины 70-х годов главными политическими лидерами, оказавшими основное влияние на принятие конкретных решений, в том числе и в области социально-экономической стратегии, были Л.И. Брежнев и А.Н. Косыгин. Их выступления, доклады на различных партийных форумах, хозяйственных совещаниях показывают, что для Л.И. Брежнева приоритеты выстраивались в следующем порядке: сельское хозяйство, тяжелая индустрия, оборона. Начиная уже с начала 70-х годов к ним добавилось «освоение Сибири и Дальнего Востока».

А.Н. Косыгин отдавал предпочтение развитию легкой промышленности как основе повышения уровня жизни. Безусловно, сказывалась и его прошлая деятельность: в 1949—1953 гг. Косыгин был министром легкой промышленности, в 1953 г. — легкой и пищевой промышленности. В 1953 — 1959 гг. возглавлял министерство, которое курировало производство товаров широкого потребления, в 1959 г. — начале 60-х годов стал председателем Совета Министров СССР¹⁷. В целом, такой расклад обеспечил внимание со стороны ЦК КПСС и правительства к различным направлениям социально-бытовой сферы дальневосточного региона.

Усиление политической группировки Л.И. Брежнева для Дальнего Востока имело свои последствия: происходило укрепление традиционнороссийского способа разрешения социально-экономических противоречий страны — колонизация восточных районов, но, естественно, в значительно модифицированном виде: в научной разработке концепции хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока. Для обоснования партийно-государственных интересов в восточных районах привлекались огромные силы ученых. По-прежнему важнейшим звеном концепции оставалась традиционная мера — привлечение трудовых ресурсов. Страна должна была получить новый импульс за счет освоения природных ресурсов восточных районов.

Высказывания Брежнева по поводу необходимости развития восточных районов настолько широко и обильно процитированы дальневосточными историками 70-х и начала 80-х годов, что нет необходимости их повторять. Огромное внимание главного лидера к восточным районам благоприятно повлияло на отношение бюрократии центра к проблемам освоения Дальнего Востока¹⁸. Можно сказать, что 70-е годы для Дальнего Востока были особенно отрадными. Возросли размеры капиталовложений, предназначенные для развития хозяйственного комплекса региона. В 1965—1970 гг. сюда направлено 14758 млн. руб., в 1971—1975 гг. — 21456, в 1976—1980 гг. — 29064 млн. руб. Ежегодно 1/3 государственных вложений в те годы направлялась на развитие Сибири и Дальнего Востока¹⁹. Такой «льготный режим» создавал особые условия жизнедеятельности региональной бюрократии, но это были одновременно благоприятные условия и для других социально-профессиональных групп.

Наличие природных ресурсов и необходимость их вовлечения в развитие национальной экономики определили статус дальневосточной провинциальной бюрократии во всей системе властных отношений. Это, в свою очередь, определяло и всю ее политическую культуру, способы и методы защиты интересов как своих групповых, так и соответствующих территорий.

Поездка Л.И. Брежнева в апреле 1977 г. по районам Сибири и Дальнего Востока усилила внимание чиновников центра к социально-экономическим вопросам на местах. Л.И. Брежнев посетил Читу, центры Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, Хабаровск, Владивосток, Комсомольск-на-Амуре. Во Владивостоке он провел совещание первых секретарей крайкомов и обкомов КПСС²⁰. Его встречи с трудовыми коллективами, а также постоянная пропаганда в средствах массовой информации ускоренного развития производительных сил Дальнего Востока или «комплексного освоения региона» создавали огромный идеологический фон для доверия к региональной политике. Концепция ликвидации различий в уровне жизни дальневосточников и жителей центра продолжала поддерживаться научной общественностью, особенно экономистами. На ее основе вырабатывались социально-политические ориентации дальневосточников.

Идея ликвидации различий в уровне жизни населения Дальнего Востока по сравнению с центром даже частично воплощалась в жизнь. Конкретные меры были направлены на улучшение условий жизни. Для того времени они имели прогрессивное значение. Региональная социальная политика продолжала соответствовать мировоззренческим установкам населения. В те годы она выступала в качестве объединяющего начала территориальной общности, являлась базой интересов различных групп дальневосточников. Сложившаяся социально-политическая культура на более раннем этапе представляла основу общественной жизни в СССР. Именно в ее рамках местные политики выводили интересы дальневосточников на уровень политических решений.

Во второй половине 60—70-х годов действовал ряд субъективных факторов. К ним относились личностные ориентации Л.И. Брежнева, А.Н. Косыгина и их влияние на принятие решений. Реализации некоторых социальных мероприятий на Дальнем Востоке благоприятствовал геополитический фактор, связанный с укреплением обороноспособности страны на востоке, развитием военно-промышленного комплекса. Так создавались исторические условия для реализации объявленного социального курса. Общественные результаты соответствовали социально-политической стратегии и тактике.

В тех условиях легкая промышленность на Дальнем Востоке стала развиваться по экстенсивному пути. Огромное внимание уделялось увеличению продукции (табл.16). Все это было приемлемо и необходимо для конца 50-х и начала 60-х годов, в последующие же годы наблюда-

Таблица 16

Динамика производства некоторых видов товаров на предприятиях легкой промышленности Дальнего Востока СССР

Виды товаров	1960	1965	1970	1980	1985
Трикотаж бельевой					
тыс.м	-	3300	7800	-	-
млн. шт.	0,6	3,1	7,6	10,7	11,3
Трикотаж верхний					
тыс.м	235	800	3300	-	-
или млн. шт.	0,2	-	3,1	4,2	3,4
Обувь кожаная					
тыс. пар	1052	985	3761	6932	6409

Примечание. Таблица составлена на основе источников: Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: Стат. ежегод. М., 1976. С.110. С.119. 121; Народное хозяйство РСФСР в 1985 году: Стат. ежегод. М., 1986. С.93—95.

Таблица 17

Удельный вес средств производства (продукция группы «А») и предметов потребления (продукция группы «Б») в общем объеме (в %)

	1970		1980		1985		1989 для сравнения	
	«А»	«Б»	«А»	«Б»	«А»	«Б»	«А»	«Б»
РСФСР	74,8	25,2	76	24	76,3	23,7	76,2	23,8
Дальний Восток	70	30	67,6	32,4	68,9	33,1	69,8	30,2
Приморский край	64	36	62	38	62	38	60,9	39,1
Хабаровский край	75,3	24,7	73,7	26,3	74,3	25,7	74,8	25,2
Камчатская область	55,2	44,8	54,3	45,7	46	54	38,9	61,1
Магаданская область	82,7	17,3	80,5	19,5	82,7	17,3	86,9	13,1
Сахалинская область	66	34	55,1	44,9	59,2	40,8	60,2	32,8
Амурская область	71,4	28,6	73,9	26,1	76,3	26,4	72,9	27,1

Примечание. Источник: Показатели социального развития Амурской области: Стат. сб. Благовещенск, 1990. С.59.

лась уже потребность в более красивых и качественных товарах. Но уже в начале 80-х годов происходит сокращение темпов роста производства товаров широкого потребления на Дальнем Востоке.

До 1980 г. на Дальнем Востоке еще продолжал увеличиваться удельный вес производства предметов широкого потребления в общем объеме (табл.17). Если судить по официальным данным, то наибольший удельный вес товаров группы «Б» в общем объеме производства наблюдался в Камчатской области — 45,7%, наименьший в Хабаровском крае — 25,2%. Снижение производства товаров повседневного спроса в 1980—1985 гг. стало характерным не только для Дальнего Востока, это было проявлением общесоюзной тенденции. В таких условиях провозглашенные идеи подъема уровня жизни, в том числе повышения потребления товаров, стали обеспечиваться ввозом в страну одежды, обуви, белья и т.д. В 1975 г. в СССР было импортировано одежды и белья на сумму 1,1 млрд., а в 1984 г. уже на 2,3 млрд. инвалютных руб.²¹ В 1985 г. за счет импорта удовлетворены потребности (в натуральном выражении): шерсти — 25,6%, сахара 27,6%, масла животного — 10,9%, масла растительного — 14%, фруктов и ягод — 66,3%, кожаной обуви — 9,4%, мебели 11,7%²². Это были первые экономические последствия функционирования бюрократического рынка.

К сожалению, по региону нами не обнаружены данные такого рода, но можно предположить, что эти показатели были даже выше. В 1985 г. Дальний Восток по-прежнему занимал по производству товаров народного потребления от 43-го места (Приморский край) до 73-го (Магаданская область). Безусловно, экономическое обеспечение распределительной социальной политики в ее либеральном варианте связано с более широким кругом показателей, но, учитывая характер и задачи исследования, ограничимся этими данными.

Важнейшим экономическим условием реализации распределительных мероприятий в либерализованном варианте являлся и соответствующий уровень развития сельского хозяйства, продукция которого составляла основу продовольственного комплекса. В рассматриваемый период характер развития сельского хозяйства в дальневосточном регионе мало чем отличался от предшествующего периода*. В 1965—1985 гг. за счет высокозатратного хозяйственного механизма произошел рост производства мяса на душу населения, но все равно регион отставал от среднереспубликанского уровня (табл.18). Более сложная ситуация складывалась в Приморском и Хабаровском краях. В те годы произошло снижение производства молока в Амурской области и Приморском крае. Более обеспечены молоком были жители северных районов страны, что происходило за счет завоза молочных концентратов.

* Пути развития сельского хозяйства нами подробно рассмотрены в кн. «Крестьянство Дальнего Востока XIX—XX вв.: Очерки истории». Владивосток, 1991. С.195—234.

Таблица 18

Производство некоторых видов продуктов питания на душу населения (кг)

	1970	1980	1985	1989	Место, занимаемое в РСФСР	
					1985	1989
Мясо						
РСФСР	47,7	53,5	59,1	68,3	-	-
Дальний Восток	27,0	35,0	38,2	44,1	59	59
Приморский край	26,1	35,2	34,2	38,5	66	64
Хабаровский край	13,6	28,3	34,3	35,4	65	68
Камчатская область	20,5	31,7	41,60	45,9	57	57
Магаданская область	33,2	33,9	37,1	50,5	60	53
Сахалинская область	17,5	30,1	35,9	40,1	61	60
Амурская область	46,4	48,1	51,8	75,7	46	37
Молоко						
РСФСР	348	337	349	377	-	-
Дальний Восток	193	181	174	202	11	11
Приморский край	205	164	156	177	67	66
Хабаровский край	115	115	107	139	70	69
Камчатская область	114	119	149	162	68	68
Магаданская область	89	116	124	138	69	70
Сахалинская область	125	170	181	210	65	63
Амурская область	369	318	284	372	48	42
Масло растительное						
РСФСР	2,2	2,6	2,8	3,4	-	-
Дальний Восток	2,9	3,0	2,9	4,6	4	2
Приморский край	3,9	4,4	4,0	4,7	4	4
Хабаровский край	2,0	2,1	2,3	3,4	50	32
Камчатская область	3,5	2,9	2,2	4,8	55	3
Магаданская область	4,4	3,6	3,0	5,1	25	2
Сахалинская область	2,7	2,5	2,6	3,5	41	29
Амурская область	2,5	2,8	2,4	3,3	46	35

Примечание. Таблица составлена на основе источников РСФСР: Социально-экономическое развитие: Республиканский информационно-издательский центр. 1987. С.74—77; РСФСР: Социальное развитие и повышение уровня жизни населения. Т.1. Республиканский информационно-издательский центр. 1988. С.119—120.

В 70-е годы за счет новых капитальных вложений на Дальнем Востоке началось строительство крупных птицеводческих фабрик, и на основе специализации этой отрасли произошло заметное увеличение производства яиц в регионе. Однако по сравнению с 60-ми годами на Дальнем Востоке в 70-е годы и особенно в начале 80-х годов наблюдался спад производства картофеля и овощей. В 1970 г. производство картофеля на душу населения составляло 222 кг и овощей — 67, в 1985 г. этот показатель упал соответственно до 78 и 58 кг.

Таким образом, осуществление социальной политики в той части, которая касалась регулирования снабжения населения продуктами питания, обеспечивалось как за счет высокочрезвычайного механизма в сельскохозяйственном производстве региона, так и за счет завоза продуктов питания из других регионов и даже из других стран.

Если сравнить статистические данные по производству продуктов на душу населения в регионе с данными о поставках по рыночному фонду, например того же мяса, молока, то вырисовывается обратная картина (табл.19). Население Дальнего Востока находилось к середине 80-х годов в лучших условиях, чем некоторые другие районы России. (Дальневосточники находились на третьем месте в РСФСР). Сравнение таких данных показывает, что «руководящие кадры центра» действительно при распределении фондов учитывали стратегическую роль региона.

В 1970—1985 гг. поставки в торговую сеть Дальнего Востока были достаточно стабильными (табл.19). По фондовым поставкам основных продуктов питания регион даже имел некоторый приоритет. Однако это не означало, что данным преимуществом могли в равной степени пользоваться все дальневосточники. Дальнейшее перераспределение уже через все формы советской торговли определяли возможности каждого.

Основные направления региональной социальной политики даже частично выполнялись. Но происходило это за счет перераспределения фондов, нередко за счет ущемления интересов населения неприоритетных районов России. На смену командно-административной системе надвигался бюрократический рынок. Так сливались в единый поток экономическая и социальная политика. В 70-е годы и первую половину 80-х годов роль Дальнего Востока как поставщика природных ресурсов еще сохранялась. Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, развитие на востоке военно-промышленного комплекса по-прежнему имели льготы финансирования. До середины 80-х годов еще увеличивались поставки мяса, мясопродуктов в регион, но преимущества 70-х уходило уже в прошлое.

По мере приближения к середине 80-х годов экономические возможности распределительной системы стали уменьшаться. В то же время постоянно росло число людей, занятых распределением материальных благ. (Темпы роста специализированного аппарата распределения на Дальнем Востоке были очень высокими). По подсчетам В.Е. Борча-

ниновой, число работников материально-технического снабжения, торговли, общественного питания, сбыта, заготовок за 60—80-е годы повысилось в 2 раза²³. Сравнение этих явлений хотя и выходит за рамки привычной логики исторического исследования, но оно показывает истоки формирования менталитета работников этих сфер и причины возрастания их роли в обществе. Бытовые и нравы тех лет привели к возникновению такого явления, как «блат».

Бытовое понятие «по благу» наиболее ярко отражало сословные привилегии и льготы властимушших. В то же время оно представляло и форму всеобщего приспособления и адаптации различных профессиональных групп к распределительным отношениям в либеральном варианте. Социально-политическая культура «управленцев» была полностью воспринята «управляемыми». На этой основе и существовала в советском обществе в 70—80-е годы специфическая форма солидарности.

Провинциально-региональная бюрократия, выполняя свои управленческие функции в 70-е годы, продолжала опыт своих предшественников* 60-х. Но механизм «совещательной демократии» как бюрократическая процедура (поток согласований, совещаний) снижал исполнительскую дисциплину, основу старого реализационного механизма социальной политики 50—60-х годов.

Все направляемые документы в центральные министерства и ведомства в 70-е годы шли под эгидой идеи «комплексного развития производительных сил Дальнего Востока», которая на политическом уровне имела значительную поддержку. Управленческая деятельность местной партноменклатуры проходила в определенных льготных условиях, что во многом оказывало влияние на формирование ее менталитета, видения своей роли в системе взаимоотношений центра и региона.

Либеральная социальная политика 60-х, особенно 70-х годов, позволила адаптироваться различным группам, осуществлявшим в дальневосточном регионе властные функции в распределительной системе (формальные и неформальные).

По мере того как «совершенствовались» управленцы на местах, параллельно шел и процесс ухудшения экономических показателей. Конечно, субъективный фактор был не единственным, который влиял на реализацию социальных мероприятий. Во второй половине 60—70-х годов действовал целый комплекс экономических причин этого ухудшения: исчерпывались возможности экстенсивных факторов, составлявших многие десятилетия резервы советской экономики, в том числе и свободное привлечение новых трудовых ресурсов на Дальний Восток.

Своеобразную картину представляет период второй половины 60 — начала 70-х годов в области социально-психологического климата, фор-

* К ним относилась аккумуляция, интеграция интересов различных профессиональных групп дальневосточников, вывод их на политический уровень.

Таблица 19

Поставка в торговлю продуктов по рыночному фонду в расчете на душу населения в 1970—1989 гг., кг в год

	1970	1980	1985	1989	Место, занимаемое в РСФСР	
					1985	1989
Мясо и мясопродукты						
РСФСР	29.7	39.1	45.7	51.2		
Дальний Восток	42.3	52.7	56.9	59	3	3
Приморский край	32,0	44,4	47,5	51,5	14	16
Хабаровский край	32,6	48,4	53,1	54,3	11	14
Камчатская область	62.5	68,1	75.7	65.8	4	6
Магаданская область	83,2	84,6	88,5	89,4	3	3
Сахалинская область	49.8	62.2	63,0	65.2	7	7
Амурская область	22.4	33,8	40,8	44,8	27	30
Молоко и молокопродукты						
РСФСР	211	254	267	323		
Дальний Восток	273	301	285	362	4	3
Приморский край	225	276	257	342	22	14
Хабаровский край	250	279	262	347	17	13
Камчатская область	343	353	348	395	4	5
Магаданская область	485	391	344	440	5	3
Сахалинская область	308	351	334	383	6	8
Амурская область	160	216	233	323	34	19
Масло растительное						
РСФСР	2.2	2.6	2.8	3,4	-	-
Дальний Восток	2.9	3.0	2,9	4,6	4	2
Приморский край	3,9	4,5	4,0	4,7	4	4
Хабаровский край	2,0	2,1	2,3	3,4	50	32
Камчатская область	3.5	2,9	2,2	4,8	55	3
Магаданская область	4,4	3,6	3,0	5,1	25	2
Сахалинская область	2,7	2,5	2,6	3,5	41	29
Амурская область	2.5	2.8	2.4	3,3	46	35

	1970	1980	1985	1989	Место, занимаемое в РСФСР	
					1985	1989
Яйца, шт. в год						
РСФСР	40,3	52,8	53,8	51,6	-	-
Дальний Восток	36,4	49,8	49,5	50,3	8	5
Приморский край	36,0	48,7	48,7	50,6	33	18
Хабаровский край	40,9	57,9	55,0	55,6	15	14
Камчатская область	34,0	31,8	35	32,1	69	72
Магаданская область	52,6	64,5	58,9	61,9	12	7
Сахалинская область	34,3	45,7	49,4	44,5	29	43
Амурская область	28,0	41,7	45,4	49,0	44	26
Рыба и рыбопродукты, кг в год						
РСФСР	12,8	15,114,5	13,0	-		
Дальний Восток	17,2	18,1	18,1	21,7	2	1
Приморский край	13,8	23,6	25,5	28,4	3	4
Хабаровский край	11,6	15,0	16,2	18,5	16	9
Камчатская область	18,5	23,1	12,8	43,9	49	1
Магаданская область	5,7	17,1	12,9	16	47	12
Сахалинская область	11,9	16,4	19,4	26,2	8	5
Амурская область	11,5	16,4	13,9	17,0	39	11
Сахар, кг в год						
РСФСР	29,1	39,0	29,5	28,8	-	-
Дальний Восток	26,5	27,0	28,3	28,9	8	5
Приморский край	28,6	27,3	28,2	29,1	49	29
Хабаровский край	28,1	27,4	26,8	28,1	54	33
Камчатская область	23,0	26,7	28,3	29,5	48	20
Магаданская область	32,3	29,9	27,1	30,4	53	14
Сахалинская область	22,9	24,9	26,4	28,3	58	29
Амурская область	24,6	27,5	28,8	28,9	45	27

Примечание. Таблица составлена на основе источников: РСФСР: Социальное развитие и повышение уровня жизни населения. Республиканский информационно-издательский центр. С.201; РСФСР: Уровень жизни населения. Республиканский информационно-издательский центр. С.73—77.

мирующегося во многом на основе проведения политики «баланса интересов». Еще сохранялось прежнее социально-политическое ядро: политический и административный контроль за деятельностью хозяйственной бюрократии в регионах. Политический центр, учитывая опыт периода совнархозов, усиление элементов «местничества», сделал даже попытку расширить контроль «снизу», со стороны народных масс.

Выступая инициатором усиления контроля снизу, партноменклатурная элита центра, надеясь сдержать негативные тенденции в распределительных отношениях. На декабрьском Пленуме (1965 г.) ЦК КПСС партийно-государственный контроль был преобразован в органы народного контроля²⁴. Краевые, областные и районные комитеты народного контроля образовывались соответствующими Советами народных депутатов; формировались внештатные отделы, создавались группы и посты на предприятиях, в поселках, городах. Состав их менялся и обновлялся каждые два года. В конце 60 — начале 70-х годов органы народного контроля еще уделяли внимание решению конкретных вопросов, проведению частных мероприятий, направленных на улучшение условий жизни конкретных людей, семей.

Политическое руководство ориентировало деятельность органов народного контроля на местах на привычный традиционный опыт 50-х годов. Шло выявление фактов нарушения трудовой дисциплины, распределения премий, а главное «злоупотреблений служебным положением» на местах²⁵. К тому времени относится кампания по выявлению «банкетов», подарков руководителям, несправедливого распределения квартир и т.д.²⁶ Например, в ходе одной такой проверки стало известно, что на содержание 17 сверхштатных служащих и административно-управленческого аппарата в Приморском управлении Гидрометеослужбы выплачено 25849 тыс.руб.²⁷ Были «зафиксированы» органами народного контроля случаи списывания материально-технических средств, на которые снижались цены, и они продавались родным, друзьям. В дальневосточной практике тех лет известны случаи привлечения к уголовной ответственности «нарушителей принципов справедливого распределения» в основном лиц низшего и среднего бюрократического звена.

Однако повторить опыт 50-х годов в новых условиях было уже невозможно. Более десяти лет прошло, когда на первый план выдвигались мотивы повышения личного материального благополучия, отходил в прошлое страх перед наказанием.

К тому же времени относится еще одна инициатива «сверху» из разряда повторения опыта 50-х годов — попытка активизировать работу партийных комиссий на местах. Таким образом, политические лидеры пытались законсервировать еще в начале 70-х годов социально-политические традиции прежних лет. Неотъемлемой чертой общественной жизни были постоянные заседания комиссий, отчеты о выполнении решений, критические замечания в адрес хозяйственников. По инициативе парт-

комов создавались первые социологические лаборатории, проводились социологические обследования в трудовых коллективах²⁸. Эти политические «воспитательные» меры еще поддерживали исполнительскую дисциплину управленцев на местах и даже ограничивали консолидацию корпоративных интересов, например между политиками и хозяйственниками.

Другой традиционной формой социального контроля являлась работа с письмами трудящихся. Она также пришла еще из времен Сталина, правда, уже в несколько измененной форме. Партноменклатура, пытаясь проводить «политику баланса интересов», требовала от профсоюзов активизации работы в данном направлении. Разрешительные акции «сверху» еще создавали условия для доверия к партийному правительству со стороны большинства населения. Они воспринимались как форма защиты своих интересов. На профсоюзных конференциях все чаще и чаще звучала критика в адрес администрации о недостаточном внимании к вопросам труда и быта рабочих²⁹. На конференциях рабочих строительства и строительных материалов (6 апреля 1967 г.) в Хабаровском крае, на Сахалине подчеркивалось, что «в крайком профсоюзов центральные и местные газеты поступает много жалоб, связанных с заработной платой, особенно с получением жилья»³⁰.

В первые годы лидерства Л.И. Брежнева была даже инициатива привлечь широкие слои населения к вопросам, связанным с реализацией социально-бытовых мероприятий. В сельском и поселковом звене создавались общественные исполкомы, различные внештатные отделы разного уровня³¹. Например, в Приморье в 1970 г. наряду с 13,5 тыс. депутатов на общественных началах во внештатных отделах исполкомов, товарищеских судах и постах народного контроля работало свыше 100 тыс. чел.³² Поощрялась практика наказов избирателей, которая в конечном итоге сводилась к конкретным случаям улучшения жилищно-бытовых условий. Наказы тогда представляли специфическую форму общественного согласия, форму представления групповых интересов на политический уровень. Анализ текстов наказов тех лет показывает, что значительная часть населения относилась к ним достаточно серьезно и верила в них, поскольку в этой форме концентрировались не какие-то абстрактные интересы, а самые наиболее нерешенные вопросы в регионе. По наказам избирателей решалось водоснабжение городов Приморья (Владивостока, Артема, Уссурийска), вопросы теплоснабжения городов Дальнего Востока, строительства общеобразовательных школ, больниц, магазинов, аптек и т.д. В тех условиях это была самая понятная и доступная форма выражения интересов широких слоев населения, она соответствовала политической культуре и общественной психологии «централизованного распределения». Поэтому еще в конце 60 — начале 70-х годов упорно насаждавшиеся формы социально-политической активности воспринимались населением как необходимость.

Однако эти формы активности населения нужны были и самой партийной элите центра по следующей причине. Между местными Советами и расположенными на их территории промышленными, строительными организациями, но подчиненными центральным министерствам и ведомствам, продолжалась скрытая от широких слоев населения перманентная борьба. Если перенести это явление на социально-групповой уровень (или «язык»), то оно означает наличие постоянных противоречий между местной номенклатурой и чиновниками «центра». Постановление ноябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС «О работе местных Советов депутатов трудящихся Полтавской области» в одинаковой степени относилось ко всем местным Советам³³. Оно провозгласило идею повышения роли Советов в развитии промышленности, сельского хозяйства, социально-бытовой инфраструктуры. Осуществление поставленной задачи требовало, естественно, расширения объемов власти этих органов на местах, что противоречило начавшейся новой волне централизации.

Период совнархозов показал политической верхушке, что возможны тенденции усиления местной власти, поэтому был необходим идеологический и социально-политический маневр. В результате ЦК КПСС и правительство пошли на то, чтобы расширить роль Советов на местах за счет так называемого общественного аппарата. Но при этом сохранялось традиционное деление региона на сферы влияния промышленных и строительных организаций, одновременно усиливалась значимость постоянных согласований с привлечением «широкого актива трудящихся».

Таким образом была решена проблема. Подобное разделение придавало великую значимость не только Центральному Комитету, но и партийным органам на местах, одновременно предоставляя огромную власть работникам Госплана РСФСР, Совмину РСФСР. Поэтому сама идея повышения роли Советов с самого начала обозначала политико-идеологический маневр, и ее декларативность была «запрограммирована» изначально. Расширение компетенции местных Советов не соответствовало курсу централизации, поэтому различные формы согласований, бюрократических процедур были главным методом разрешения внутригрупповых противоречий. В итоге идеологический фактор в регулировании социальных отношений действовал и по отношению к «управленцам». Одновременно «культура» всеобщего согласования по строительству больниц, школ, бань, детских садов, магазинов, которая выражалась в громадной бюрократической перепалке, была и формой регулирования внутригрупповых отношений, и формой реализации региональной социальной политики. В этом были особенность и стержень всей советской системы, служилой социально-профессиональной структуры.

Во второй половине 70-х — в начале 80-х годов сама процедура согласований претерпевает некоторые изменения. Основная причина — провозглашение концепции комплексного развития производительных сил Дальнего Востока. Ее реализация действительно требовала повыше-

ния координирующей роли провинциально-региональных советов. Дальний Восток представлял огромный регион, где сталкивались групповые интересы региональной и центральной номенклатуры. Особенно это стало заметно со строительством Байкало-Амурской железнодорожной магистрали*. Уже тогда вызревали предпосылки будущего противостояния «центра» и «регионов». Отсюда становится ясной и однозначной попытка политического центра законодательным порядком определить характер взаимоотношений местных Советов и неподведомственных им предприятий и организаций («О мерах по дальнейшему улучшению работы районных и городских Советов депутатов трудящихся от 12 марта 1971 г.»). Кроме того, политическая элита «центра», понимая всю серьезность взаимоотношений с регионами, пошла на то, чтобы решить этот вопрос на высшем законодательном уровне. В Конституции 1977 г. в ст.147 на местные Советы возлагались обязанности координации в определенных областях деятельности предприятий, учреждений, организаций вышестоящего подчинения. К ним относились землепользование, охрана природы, строительство, использование трудовых ресурсов, производство товаров народного потребления, социально-бытовое, культурное и другое обслуживание населения³⁴.

Для 70-х годов было характерно особое внимание к совершенствованию форм и методов территориального планирования. Советам отводилась координирующая роль в системе согласования всех планов по социально-культурному развитию. Центр пошел на важнейшую уступку регионам: деятельность по согласованию титульных списков стала дополняться деятельностью Советов по объединению материальных средств, выделяемых министерствами и ведомствами на строительство предприятий, которые в те годы получили название «сокультбыта». Закон СССР от 2 июня 1980 г. «Об основных полномочиях краевых, областных и окружных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов» закреплял за указанными Советами обеспечение экономического и социального развития территорий «в пределах своих полномочий»³⁵. За Советами также закреплялась функция заказчика по строительству объектов краевого и областного подчинения, объединения средств заказчика. Как отмечает Н.В. Шинковская, в дальневосточной практике были такие факты еще в конце 70-х годов. Закон 1980 г. оформлял уже новые моменты в перераспределении объемов власти.

Регулирование внутригрупповых отношений законодательным порядком сопровождалось параллельно новой попыткой привлечь широ-

* Эти сюжеты подробно изложены на фактическом материале в работах А.П. Деревянко «Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974—1982): Исторический опыт. Владивосток, 1983; Н.В. Шинковской «Советы как субъект реализации социалистической хозяйственной политики на Дальнем Востоке в 40—80-е годы». Владивосток, 1994. С.18—19. Препр.

кие массы к общественному контролю на местах в области распределительных мероприятий. К началу 80-х годов относится, пожалуй, последняя в дальневосточной истории кампания, организованная «сверху» по контролю за сферой обслуживания, включая торговлю. На основе постановления Президиума ВЦСПС «О мерах по усилению действенности общественного контроля за сферой обслуживания» в Амурской области, Приморье, Хабаровском крае, на Камчатке, в Магаданской области были созданы такие комиссии. На Камчатке действовало тогда 96 комиссий, в Магаданской области — 36, в Приморье — 32. В условиях усиливавшегося дефицита продовольственных товаров и ряда промышленных эти новые органы в основном стали заниматься проверкой предприятий общественного питания и торговли, выявлять факты продажи «дефицита узкому кругу лиц», припрятывания товаров, спекуляции и перепродажи³⁶.

Разрешительные акции «сверху» по контролю за распределительными отношениями будоражили общественное сознание, что стало стихийно выливаться в своеобразную форму протеста рабочих, служащих, интеллигентов Дальнего Востока против привилегий. Со стороны повсеместно созданных комиссий в городах, рабочих поселках были даже попытки контролировать деятельность руководителей, председателей профсоюзных комитетов по вопросам строительства и распределения жилья на отдельных предприятиях. На профсоюзных конференциях стали открыто звучать довольно резкие критические выступления в адрес административно-управленческого аппарата, особенно директорского корпуса³⁷. Открыто высказывался протест против выполнения планов «любой ценой», говорилось «о бездушном отношении администрации к социально-бытовым вопросам». На конференциях угольщиков Сахалина (1984 г.) рабочие стали высказывать требования «изменить отношение «центра» к проблемам Дальнего Востока». Таким образом, идеологическое обеспечение социальной политики уже не выполняло своих функций, и это особенно выражалось в том, что начался процесс самоидентификации у отдельных групп собственных интересов в отличие от интересов «центра». Идеология «заботы партии и правительства о дальневосточниках» потерпела крах. «Как могло случиться, что более десяти лет работники министерства, которые курируют социально-бытовые вопросы, ни разу не были на Сахалине», — в таком виде высказывались претензии дальневосточников «центру». В рабочей среде уже открыто шла критика приказов и указов министерств и действий собственной администрации. Например, оценка совместному приказу объединения «Сахалинуголь» и управления общественного питания «О мерах по улучшению общественного питания рабочих и служащих объединения на 1981—1985 гг.» давалась следующая: «Приказ хороший, но о его выполнении просто забыли»³⁸. В 1984 г. угольщики Сахалина ставили вопросы улучшения социально-бытовых условий как перед ЦК, профсоюзами, так и перед министерством. В мае 1984 г. на имя министра угольной

промышленности Б.Ф. Братченко была направлена записка территориального комитета, в ней изложены уже не просто предложения, а требования по экономическому и социальному развитию объединения»³⁹.

В начале 80-х годов на профсоюзных конференциях, проходящих в дальневосточном регионе, стали все чаще подниматься вопросы «необходимости борьбы с нарушениями распределения жилья, санаторных путевок», приводились многочисленные факты «несправедливого их распределения». Были выступления, в которых говорилось о недоплатах рабочим и служащим и звучала резкая критика в адрес административно-управленческого аппарата⁴⁰. Даже на партийных конференциях стали выноситься вопросы, связанные с улучшением жилищных условий⁴¹. Это были признаки того, что и в отдаленных районах страны зрело недовольство и недоверие к старым идеологическим лозунгам, под эгидой которых на протяжении последних 30 лет осуществлялась региональная социальная политика. Дальневосточники уже открыто говорили о разрыве между декларируемыми целями и реалиями повседневной жизни.

Параллельно в условиях ухудшения экономической ситуации возникли первые признаки напряженности внутрибюрократического сословия: между партноменклатурой «центра» и региона. Провинциальный управленческий аппарат начинает открыто и активно проводить тезис, что все беды дальневосточников из-за господства здесь интересов центральных министерств и ведомств. Правда, открыто такое мнение стало высказываться в средствах массовой информации, в партийных документах после XXVII съезда КПСС. Это еще раз доказывает, что дальневосточная партноменклатура вряд ли отважилась бы на обострение отношений с «центром» без той же инициативы «сверху». После XXVII съезда партии в докладах и выступлениях местных политиков начинают отчетливо оформляться идеи необходимости перераспределения властных полномочий в пользу регионов⁴¹.

Таким образом, если в 50—60-е годы борьба с ведомственными интересами велась скрыто от общественности, то в середине 80-х годов она выливается на страницы местной периодики, становится как бы общей проблемой дальневосточников. Через публикацию докладов на партийных конференциях, партийно-хозяйственных активах местная партноменклатура апеллировала к народным массам, активно формируя общественное мнение. Разрешавшиеся десятилетиями внутренние проблемы управленцев бюрократическими методами, различными согласованиями в условиях назревания экономического кризиса уже не срабатывали и перерастали в конфликтную стадию.

Анализ эволюции групп, осуществлявших социальную политику, характера их взаимоотношений в начале и середине 80-х годов, а также анализ экономической обеспеченности планируемых и проводимых социальных мероприятий, все высказывания М.С. Горбачева, главного политического лидера, показывают, что у партноменклатурной советс-

кой элиты не было уже ни уверенности, ни возможностей для проведения в дальнейшем политики «баланса интересов» в обществе. Политические лидеры, обладая истиной информацией о растущем расслоении и поведении местной бюрократии, т.е. своей социальной базы*, уже сами потеряли веру в действенность пропаганды лозунгов «заботы партии и правительства о благе народа».

Вся эволюция социального слоя (из которого на последнем этапе в основном формировались политические лидеры) вела к тому, что в старых идеологических и институциональных рамках он уже не мог существовать. Следовательно, нужны были новые формы легального утверждения власти. Так вызревали предпосылки дальнейшего и сильнеешего бюрократического взрыва, и он на первом этапе проявился в области идеологии в виде «перестройки». Для того чтобы обеспечить переход к абсолютно новой социальной политике в условиях экономического кризиса, которая бы соответствовала интересам уже новой генерации советской бюрократии и ее «элиты», стали пропагандироваться новые ценностные ориентации.

Советская номенклатурная бюрократия, отказавшись от своего прошлого (как она уже однажды сделала в середине 50-х годов), начала новый этап саморазвития. Однако новая форма «перестройки» была связана не только с предшествующими социально-политическими процессами, но и уже с личностью М.С. Горбачева, победившего в верхушечной борьбе за власть и осмелившегося объявить новый курс на реформы.

3. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ИЗМЕНЕНИЯ В УРОВНЕ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ, ФОРМЫ, ТЕНДЕНЦИИ (середина 60 — 80-х годов)

Региональная партийно-государственная стратегия 60—70-х годов унаследовала опыт прошлых лет: все социальные мероприятия по-прежнему должны были обеспечивать привлечение и закрепление трудовых ресурсов на Дальнем Востоке. Менялась лишь терминология, в 30—40-е годы речь шла о кадрах, в 60—70-е годы — о трудовых ресур-

* См.: подробно документы: «О работе комитета партийного контроля при ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. №4. С.35—41; Статистические данные о письменных и устных обращениях граждан в ЦК КПСС в первом полугодии 1988 г. // Там же. 1989. №9. С.118—124. (например, в каждом третьем-четвертом письме с Дальнего Востока стоял вопрос об обеспечении жильем); О результатах по пресечению и искоренению приписок и очковтирательства в государственной отчетности: О работе органов прокуратуры по борьбе с очковтирательством в 1988 г. (Например, факты по Минвостокстрою: акт приемки сданного с недоделками на общую сумму 720 тыс. руб. цеха по производству встроенной мебели на Дальнереченском ЛДК и т.д.) // Там же. 1989. №8. С.17—27 и др.

сах. Технократизм являлся неотъемлемой чертой региональной социальной политики, но он же выступал и в качестве главного системообразующего элемента между экономикой и социальной политикой. В рамках такой системы уже новый тип партийно-государственной номенклатуры, который формировался на волне «повышения материального благосостояния», также пытался найти новые решения.

«Новизна» состояла в том, что по сравнению с предшествующим периодом акцент был сделан на увеличение денежных доходов различных социально-профессиональных групп дальневосточников. Данное средство было уже апробировано политиками как 30-х годов, так отчасти начала 50-х годов. Попытки Н.С.Хрущева и его окружения заменить систему денежных льгот «комплексным подходом» натолкнулись на тот же технократизм и экономические трудности, что привело к новой волне миграции населения из районов севера Дальнего Востока, да и из южной его части. Увеличение денежных надбавок дальневосточникам представляло собой частное проявление общей политики «баланса интересов», было основным мероприятием, которое проводилось для повышения жизненного уровня большинства населения Дальнего Востока в период второй половины 60—70-х годов.

Принятие важнейшего для дальневосточников постановления Совета Министров СССР от 26 сентября 1967 г. стало завершающим актом в цепи всех предшествовавших социально-политических событий 1964—1966 гг. Оно вводило коэффициенты к заработной плате рабочих и служащих легкой и пищевой промышленности, просвещения, здравоохранения. В 1968—1970 гг. была повышена заработная плата у 350 тыс. рабочих и служащих Дальнего Востока. Это стало возможным при увеличении доли, отчисляемой на заработную плату в период реформы 1965 г.

Заработная плата по-прежнему представляла основной источник доходов дальневосточников. За счет него было получено в 1965—1970 гг. 82% общего прироста доходов населения (в южных районах 79—81%, в северных — 83—86%)¹. Высокий прирост доходов рабочих и служащих за счет этого источника был характерен и для формирования семейных доходов дальневосточников. Из всего прироста доходов в расчете на среднюю семью на долю заработной платы приходилось в 1960 г. 85%, в 1965 — 86%, в 1967—1970 гг. — 73%². В 1985 г. на заработную плату (среди рабочих и служащих) в составе совокупного дохода семьи приходилось в южной части 82,1%, в северной еще больше — 90%.

Таким образом, формирование доходов семей полностью зависело от централизованного мер государства. В 1965—1970 гг. доходы рабочих повышались еще за счет общественных фондов потребления, другой формы перераспределения. В структуре доходов их доля составляла тогда 15,5%, на доходы от личного подсобного хозяйства приходилось 2,4%³.

Темпы прироста заработной платы по Дальнему Востоку в 1966—1970 гг. составляли 17%, по РСФСР — 12% (табл.20). Анализируя темпы роста заработной платы, мы включили в таблицу показатель средней заработной платы по Дальнему Востоку, как это делала официальная статистика для выявления относительных показателей. Но при этом нельзя рассматривать усредненный абсолютный показатель. Здесь возможна только группировка по южной и северной зоне. Темпы роста заработной платы в 1966—1970 гг. были на Дальнем Востоке выше, чем в среднем по республике. Тогда же и было достигнуто некоторое преимущество в выделении средств на заработную плату для работающих на Камчатке, Сахалине и в Магаданской области с учетом удорожания стоимости жизненных благ в данных районах. Причем в 1966—1970 гг. уравнивательные тенденции оказали влияние на снижение различий в уровне заработной платы у работающих в северной части Дальнего Востока и его южной части. Самый высокий индекс сохранялся в таких отраслях, как связь (1,55), промышленность (1,57) и транспорт (1,55). В отраслях, получивших название непроизводственной сферы, заработная плата не имела таких резких колебаний и составляла в среднем 159—165 руб. в месяц. Самое низкое индексное соотношение в зарплате имели работники просвещения и культуры. При этом, например, в Амурской области индекс составлял 1,0%; Приморье — 1,1%, т. е. данные профессиональные группы, проживавшие в южной части Дальнего Востока, не имели никаких преимуществ перед такими же группами Центральной России. В 1975—1980 гг. темпы роста заработной платы снизились до 14%. тогда как в 1966—1975 гг. они составляли 17%, а в 1980—1985 гг. они упали до 10% (табл.20).

Приведенные данные позволяют сделать следующий вывод. По мере того, как ухудшались экономические показатели в СССР, в том числе и в дальневосточном регионе, и по мере того, как эволюционировали группы, входившие в субъект социальной политики, все труднее и труднее было осуществлять распределительные социальные мероприятия даже в «маятниковом» варианте. В сельском хозяйстве Приморья заработная плата вообще оставалась на уровне 1975 г. Крайне незначительно она выросла у таких профессиональных групп, как работники здравоохранения, просвещения, культуры.

Несколько иная картина складывалась у работников органов государственного и хозяйственного управления. У этих социально-профессиональных групп темпы роста заработной платы были следующими: в 1965—1970 гг. — 36%, т.е. в 2 раза выше, чем в среднем по народно-хозяйственному комплексу Дальнего Востока. Необходимо еще раз заметить, что это были годы хозяйственной реформы 1965 г. Цифры показывают сущность и последствия этой реформы, проведенной в интересах именно управленческих структур на местах. Темпы роста заработной платы провинциально-региональной бюрократии отличались от

среднереспубликанских всего на 4%. Это было естественно, поскольку в среднюю заработную плату входили показатели по чиновникам центральных министерств и ведомств. Такой незначительный разрыв в темпах роста свидетельствует, что политической элите удалось на этой основе удовлетворить материальные интересы провинциальной бюрократии и укрепить свою социальную базу в дальневосточном регионе. Так был сделан шаг к консолидации этой социально-профессиональной служилой группы.

Однако в 1970—1975 гг. темпы роста заработной платы у работников государственного и хозяйственного управления на Дальнем Востоке снизились. Таким образом, партийно-советская элита центра, обеспечив себе поддержку после политического переворота 1964 г. в условиях новой волны «борьбы за справедливость» и сдерживая корпоративные интересы провинциальной бюрократии, вновь идет на уравнительное перераспределение между социально-профессиональными группами в дальневосточном регионе. Но это было временное тактическое решение. В последующем, в 1975—1980 гг., темпы роста заработной платы управленцев вновь возросли.

Для населения Дальнего Востока такие явления прошли совсем незаметно. Партоменклатура центра, хорошо понимая значение ресурсного потенциала Дальнего Востока, необходимость хозяйственного освоения региона путем закрепления кадров, трудовых ресурсов, продолжала «маятниковую» тактику в общем уравнительном курсе заработной платы между занятыми управленческим трудом и исполнительным. Естественно, это имело и другие последствия: в значительной степени стало наблюдаться обесценение и падение престижности квалифицированного инженерного труда. Уравнительность была закономерным последствием и результатом либерализации распределительно-нормированных отношений, но на Дальнем Востоке она усиливалась чисто прагматическими интересами государства, а также необходимостью укрепления обороноспособности на востоке страны.

Уравнительность в оплате труда на Дальнем Востоке проявлялась в различных вариантах и формах. Например, на предприятиях Хабаровского края заработная плата ИТР в 1972 г. была выше, чем у рабочих, на 19%, в 1976 г. — на 14,8%, в 1981 — всего на 6%. На отдельных же предприятиях заработная плата рабочих даже превышала таковую у ИТР. На Хабаровском станкостроительном заводе в 1976 г. разрыв составлял 6%, в 1981 — 17,6% в пользу рабочих, на заводе «Амуркабель» соответственно в 1976 г. — 8,8%, в 1981 г. разрыв сократился до 4,3%.⁴ Иная ситуация складывалась в оплате управленческого труда в сельском хозяйстве, на предприятиях с так называемой колхозно-кооперативной собственностью. Рыдовые колхозники на Дальнем Востоке получали в 70-е — первой половине 80-х годов на 20% меньше, чем управленческий аппарат, что происходило независимо от экономических резуль-

татов и показателей хозяйств⁵. Это явление также подтверждает наш тезис о служилой социально-профессиональной структуре общества. С помощью такой меры удерживались управленческие кадры в сельскохозяйственном производстве, где условия работы и проживания в деревне были сложнее и труднее, чем в городе. За эту «службу» и предоставлялся корпоративный вид льгот.

К середине 80-х годов в наиболее худших условиях на Дальнем Востоке оказались те семьи, главы которых работали в сфере образования, здравоохранения (Приморский край, Приамурье. Табл.20). Учитывая удорожание стоимости жизни на Дальнем Востоке к середине 80-х годов, реальные доходы в этих семьях оказались ниже, чем у аналогичных, проживающих в центре страны. В отраслях же материального производства, как показывает анализ таблицы, уровень заработной платы относительно среднереспубликанского показателя начиная с 70-х годов почти не менялся до середины 80-х годов. Исключение составляла группа сельскохозяйственных рабочих и колхозников (табл. 20, 21).

Таким образом, политика лавирования, основанная на преобладании государственных интересов в регионе, сопровождалась в целом регулированием пропорций уравнительности, что во многом определяло социально-психологический климат на Дальнем Востоке. Такие элементы уравнительности в заработной плате создавали у большинства населения, занятого исполнительным трудом на государственных предприятиях, иллюзию социальной справедливости и позволяли не так болезненно реагировать на другие формы перераспределения в обществе, которые использовались представителями управленческого труда в собственных интересах.

В свою очередь уравнительность в оплате труда, особенно в 1970-е — начале 80-х годов, заставляла бюрократию всех рангов искать для себя дополнительные льготы, активизировать деятельность в распределительной системе, тщательно скрывая свои корпоративно-групповые интересы от большинства населения. И прежде всего на службу была поставлена идеологическая работа, вся деятельность партийной бюрократии. В этом и состояла особенность идеологического обеспечения социальной политики 70 — 80-х годов. (Например, пропаганда советского образа жизни в 70-е годы.) Аналогичную задачу выполняла и государственная статистика, система государственной отчетности. Поэтому только отдельные социологические исследования могут дать ученым 90-х годов представление о дифференциации реальных доходов в профессионально-должностном разрезе.

Дальневосточные ученые, социологи, экономисты значительно отставали в то время в изучении данных вопросов, например от сибиряков. Вплоть до начала 90-х годов исследования проводились в рамках концепции «территориальных различий в уровне жизни». Можно сказать, что на базе разработки такой концепции и состоялось согласие

между политиками центра, местной номенклатурой и интеллектуальной элитой. Данное явление, консенсус «между центром и регионом» стал важнейшим фактором формирования общественно-психологического климата на Дальнем Востоке. Ни одна социологическая служба на Дальнем Востоке в 70-е годы не могла «замахнуться» на охраняемую политиками тайну. Это явилось одной из особенностей проявления региональной социальной политики.

Для характеристики имущественно-доходного расслоения населения воспользуемся данными сибирских ученых (табл. 22), которые можно применить к дальневосточной действительности. Во-первых, изменения в заработной плате по регионам очень близки. Во-вторых, средняя заработная плата в расчете на одного работника, приводимая сибирскими учеными, и данные бюджетных обследований по Приморью, Хабаровскому краю очень близки. Она колебалась от 208 руб. до 215 руб. В-третьих, приблизительно одинаковым было и число иждивенцев в городских семьях в южных районах Дальнего Востока и Сибири. Итак, в среднем душевой доход в семьях руководителей составлял в 1984 г. 149 руб., в семьях рабочих — 137 руб. Все предыдущие материалы показывают, что в целом к середине 80-х годов в официальном источнике дохода — заработной плате — не существовало резкой дифференциации.

Однако господствующая социальная группа, добываясь лишь некоторого преимущества в официальных источниках доходов, стала более активно заботиться об удовлетворении своих интересов в других формах. Ослабляя контроль за работой специализированного аппарата распределения, создавала тем самым благоприятные условия для приобретения дефицитных товаров по низким государственным ценам. А рабочие, ряд категорий служащих, большинство интеллигентов приобретали дефицитные товары и продукты у частных лиц. Статистические выборные исследования 1974 г., проводившиеся в Хабаровском крае, показали, что в среднем одна семья рабочих платила за покупку промышленных товаров на 33% больше, чем они стоили в розничной государственной торговле, за шелковые ткани — на 35%, за обувь — на 36%. При этом у частных лиц было приобретено 35% готовых изделий, 62% обуви, 65% трикотажа⁶.

С другой стороны, приведенные данные свидетельствуют еще об одном последствии либеральной социальной политики. К середине 80-х годов в недрах распределительно-нормированных отношений рождалась новая социальная группа, источники доходов которой нельзя было проконтролировать. Следовательно, в статистическом выражении невозможно выявить точную дифференциацию доходов, уровня жизни населения. Здесь возможен принцип логических построений. Но для этого необходимо рассмотреть и другую форму источников реальных доходов, какими являлись общественные фонды потребления (ОФП).

Динамика заработной платы на Дальнем Востоке СССР
в 1965—1985 гг. (руб.)

	1965	1970	1975	1980	1985	1965	1970	1975	1980	1985
	В среднем по народному хозяйству					Промышленность				
Приморский край	120.3	153.7	184.2	212.4	239.9	144.2	130.0	221.5	245.6	284.1
Хабаровский край	118.3	155.7	188.2	226.4	253.8	127.7	171.3	215.2	259.0	299.9
Амурская область	108.4	142.3	178.5	213.1	239.2	114.9	152.3	190.1	213.3	242.0
Магаданская область	239.0	292.8	348.1	402.0	440.4	256.8	330.4	400.7	455.9	509.2
Камчатская область	201.3	256.8	318.1	359.3	409.4	225.4	291.9	372.7	418.6	507.0
Сахалинская область	186.0	223.4	273.7	303.7	345.5	216.2	256.4	323.5	346.6	399.7
Дальний Восток	160.7	186.7	222.0	264.5	298.4	162.5	207.7	253.4	294.9	341.2
РСФСР	98.0	126.1	153.2	177.7	201.4	104.3	136.0	167.9	191.3	217.9
	Сельское хозяйство					Транспорт				
Приморский край	97.2	126.8	156.0	189.1	189.1	133.7	172.7	224.3	261.8	306.4
Хабаровский край	100.9	131.2	172.9	208.1	254.4	136.6	179.2	224.9	268.5	297.1
Амурская область	103.1	136.5	175.5	193.1	226.8	120.5	156.0	208.9	273.2	296.1
Магаданская область	196.8	270.7	338.2	400.0	461.0	270.8	345.0	430.4	470.5	497.2
Камчатская область	185.9	241.4	307.2	363.8	438.0	241.7	310.0	399.6	438.8	466.9
Сахалинская область	153.0	212.9	296.4	319.1	385.5	202.0	249.0	327.5	351.8	385.5
Дальний Восток	115.0	155.5	203.7	235.5	285.1	163.8	215.0	273.1	321.9	351.8
РСФСР	75	103.7	134.6	156.8	198.4	110.1	143.4	185.2	214.8	238.5
	Строительство					Торговля, общественное питание, материальное снабжение				
Приморский край	133.0	172.8	197.3	228.3	255.3	86.4	113.7	124.8	159.2	176.2
Хабаровский край	132.9	180.7	208.4	243.9	272.5	92.3	118.0	133.1	178.2	124.0
Амурская область	127.0	182.4	209.8	264.8	304.9	88.4	112.6	134.2	177.9	192.0
Магаданская область	244.6	344.6	394.4	463.7	486.2	176.9	97.8	223.8	290.0	314.7
Камчатская область	214.7	301.6	375.9	418.7	456.2	135.5	197.8	223.8	290.0	314.7
Сахалинская область	211.9	261.8	314.0	351.1	360.0	137.9	169.9	186.5	234.8	248.2
Дальний Восток	154.4	220.7	248.2	299.6	338.3	113.4	141.3	159.1	221.7	231.6
РСФСР	112.1	154.5	183.1	210.8	274.4	76.9	98.4	113.6	145.8	158.7
	Жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание					Здравоохранение				
Приморский край	77.9	109.1	129.4	155.8	167.3	80.1	109.7	129.4	155.8	161.6
Хабаровский край	86.9	119.1	134.9	175.0	197.4	90.6	121.2	132.9	172.3	188.1
Амурская область	81.8	112.5	136.8	196.0	218.4	82.0	107.0	121.0	157.5	170.9

	1965	1970	1975	1980	1985	1965	1970	1975	1980	1985
Магаданская область	174,5	202,8	247,9	315,4	351,0	210,9	226,0	252,9	312,3	321,1
Камчатская область	150,8	202,4	248,3	327,4	489,7	149,4	188,5	212,6	263,2	285,6
Сахалинская область	130,8	164,0	177,0	219,1	242,5	135,0	161,5	175,4	219,2	236,6
Дальний Восток	105,8	143,6	166,5	206,1	233,1	110,2	141,1	154,4	196,6	210,8
РСФСР	74,1	98,0	113,4	139,4	154,2	80,6	94,9	107,4	137,7	141,1
	Просвещение и культура					Наука и научное обслуживание				
Приморский край	102,9	114,3	131,9	149,2	169,8	142,9	171,3	200,6	225,0	257,7
Хабаровский край	98,6	109,3	110,3	126,0	133,4	136,8	164,9	200,9	226,1	2577,7
Амурская область	97,5	119,6	136,3	155,2	178,0	154,9	161,6	193,0	228,1	232,3
Магаданская область	189,4	218,0	262,5	305,3	349,7	254,7	293,9	366,0	409,9	445,8
Камчатская область	143,8	161,5	199,9	216,4	244,7	202,0	246,0	294,5	320,3	347,2
Сахалинская область	143,8	161,5	199,9	216,4	244,7	202,0	246,0	294,0	320,3	347,2
Дальний Восток	115,4	144,2	165,4	190,8	218,3	192,8	226,2	267,0	397,1	338,6
РСФСР	43,8	109,0	129,0	139,0	154,8	121,1	143,2	162,1	184,9	209,9
	Аппарат государственного и хозяйственного управления									
Приморский край	115,1	143,7	149,9	181,1	191,1					
Хабаровский край	119,6	149,7	179,8	211,8	229,8					
Амурская область	101,6	134,6	143,3	184,3	201,1					
Магаданская область	285,8	305,1	318,4	367,3	388,4					
Камчатская область	231,5	260,9	278,3	330,0	345,7					
Сахалинская область	230,0	239,6	244,8	270,8	289,1					
Дальний Восток	150,9	203,3	217,4	251,6	256,4					
РСФСР	38,2	129,5	139,6	165,8	176,7					

Примечание. Таблица составлена на основе источников: Архив Государственного комитета РСФСР по статистике. Динамические ряды по заработной плате в 1965-1970 гг.: РСФСР: Социальное развитие и повышение уровня жизни населения. М., 1988. С.146-149.

Наибольший прирост доходов у населения Дальнего Востока за счет ОФП наблюдался в течение всего исследуемого периода в первые пореформенные пять лет (1965—1970 гг.). Тогда в Приморском крае темпы роста доходов составляли 7,2%, в Хабаровском крае — 8,9%. Амурской области — 9,4%. В предыдущем пятилетии они достигали соответственно 5,4; 5,7 и 6,7%, т. е. во второй половине 60-х годов впервые за послевоенные годы и в более поздний период темпы прироста поступлений за счет общественных фондов потребления превышали темпы прироста за счет заработной платы. Это было связано с рядом

Таблица 21

Относительный уровень заработной платы труда колхозников Дальнего Востока СССР по отношению к показателям по РСФСР (в %, РСФСР - 100%)

	1970	1975	1980	1985
Дальний Восток	152	153	138	129
Приморский край	154	162	148	133
Хабаровский край	171	175	156	149
Амурская область	151	150	136	127

Таблица составлена на основе источников: Архив Госкомстата РСФСР. Динамические ряды по заработной плате.

централизованных мероприятий, проведенных в целом в масштабах страны, но в первую очередь с развитием пенсионного обеспечения. В структуре распределения общественных фондов потребления 54% всех средств составляли денежные выплаты, из них 2/3 приходилось на пенсии по возрасту и инвалидности. За этот период значительно увеличился средний размер пенсии, назначаемой по закону о государственных пенсиях.

К середине 80-х годов пенсия составляла от средней заработной платы по России 40%, по Дальнему Востоку — 30,7% (табл.23). За 15 лет средний размер пенсии увеличился на Дальнем Востоке в 1,8 раза. В этот же период средний размер месячной пенсии, назначенной по закону о пенсиях членам колхоза, был значительно ниже, чем у тех, кто получил за работу на предприятиях промышленности. Таким образом, в либерализованной социальной политике сохранились «пережитки», остатки сталинской социальной политики. В 1965 г. на Дальнем Востоке колхозники-пенсионеры получали как пенсию всего 14,2 руб., в 1970 г. — 16,5 руб., в 1980 г. — 39,1, в 1985 г. — 52,3 руб.⁷ Разрыв в пенсиях между названными группами сокращался крайне медленно. В 1965 г. колхозники получали пенсию в 3 раза меньше, чем в среднем по Дальнему Востоку, в 1985 г. разрыв составлял 1,7 раза. Такое различие по профессиональному признаку было в те годы не единственным. А о своей старости партийная номенклатура «заботилась», предоставив право назначать персональные пенсии работникам краевых и областных партийных органов. Персональная пенсия была не только в 2—3 раза выше обычной-средней, но и предусматривала дополнительный круг корпоративных льгот. Таким образом, уравнительность в 70-е годы «уживалась»

Заработная плата и денежные расходы семей личных социальных групп
(в месяц) в 1984 г. в Сибири

Показатель	Семьи				
	руководи- телей	специа- листов	служащих	рабочих	в среднем
Заработная плата в расчете на 1 работника в семье, руб.	223	206	189	212	208
В % к средней	107	99	91	102	100
В % к максимальной	100	92	85	95	93
Совокупная заработная плата на семью, руб.	473	429	426	403	413
В % к максимальной	100	91	90	85	87
Среднедушевой доход в семье, руб.	149	142	133	137	144
Совокупный доход семьи, руб.	521	495	464	465	467
В % к максимальному	100	95	89	89	90

Источник: Благополучие городского населения Сибири: проблемы дифференциации. Новосибирск, 1990. С.165.

рядом с институтом привилегий. В этом и была особенность советского общества тех лет.

Анализ приведенного фактического материала позволяет согласиться с выводом М.Джиласа, что «либерализация и децентрализация» существуют для партийной олигархии⁸. Но этот вывод все-таки нуждается в некотором дополнении и уточнении. Чтобы сохранить свое коллективное господство, «олигархия» вынуждена была делиться и с другими группами общества, достигая тем самым стабильности в стране. Это особенно ярко проявилось в распределении общественных фондов потребления. В первой половине 70-х годов был, например, установлен новый вид пособий на детей в возрасте до 8 лет в семьях с душевым доходом в 50 руб. Учитывая, что средняя заработная плата на юге Дальнего Востока колебалась от 178 до 188 руб., а число иждивенцев составляло 3 чел., можно предположить: черта бедности в середине 70-х годов соответствовала средней заработной плате, но опять же это явление существовало на фоне уравнительности. В 70-е годы правительство пошло на повышение размеров стипендий студентам вузов, средних учебных заведений. За счет этих социальных перераспределительных акций и произошло повышение темпов роста доходов за счет ОФП.

Средний размер месячных пенсий на Дальнем Востоке СССР
в 1965-1985 гг. (руб.)

	1965	1970	1980	1985	Среднемесячная заработная плата
РСФСР	37,8	44,3	64,9	80,9	201,4
Дальневосто- чный регион	42,3	52,0	76,9	91,7	298,4
Приморский край	41,9	49,6	72,3	88,7	239,9
Хабаровский край	41,5	47,1	71,4	87,5	253,8
Амурская область	37,9	47,2	68,7	80,9	239,2
Камчатская область	50,3	61,6	94,2	105,2	409,9
Сахалинская область	50,9	65,8	92,5	106,9	345,5

Примечание. Таблица составлена на основе источников: Архив Госкомстата. Социальное развитие и повышение уровня жизни населения РСФСР.

Период 70-х — начала 80-х годов для Дальнего Востока был характерен еще одной важнейшей чертой, которая проявлялась в процессе влияния социальной политики на формирование уровня жизни основной массы населения: либерализация в форме уравнительности была адекватным отражением всей дальневосточной региональной политики тех лет. Политический центр, объявив курс «комплексного развития производительных сил Дальнего Востока» путем закрепления кадров и трудовых ресурсов, вынужден был идти на уравнивательные меры и повышать заработную плату даже в так называемых неприоритетных отраслях хозяйственного комплекса (с точки зрения партийно-государственного аппарата). Партноменклатура 70-х годов стала активно использовать этот прием регулирования социальных отношений, и он соответствовал изменившимся экономическим условиям. В то же время сама уравнительность превратилась в один из главных источников формирования новой генерации политической и хозяйственной бюрократии на Дальнем Востоке.

Однако большинство проводимых централизованных социальных мероприятий отвечало в тех условиях интересам многих социально-профессиональных групп, поскольку заработная плата оставалась основным источником доходов и через общественные фонды потребления также удовлетворялась часть материальных и духовных потребностей.

Характер социальной политики соответствовал мировоззренческим устоям общества.

Исследование взаимосвязи социальной политики и процесса формирования доходов населения Дальнего Востока отчетливо показывает важнейшую черту советского общества 70-х — начала 80-х годов. Плановые организационные начала постоянно корректировались, поскольку стратегические задачи политики приходили в столкновение с процессом самоорганизации самих групп, входивших в состав субъекта социальной политики. Этот процесс корректировки представлял собой бюрократическую эволюцию советского общества. Одновременно в рассматриваемый период наметился и другой уровень противоречий: между социальной политикой, строившейся на принципах «баланса интересов», и экономическими возможностями общества. Поэтому уже во второй половине 70-х годов начинается скрытое повышение цен на непродовольственные товары, что сразу же отразилось на уровне жизни дальневосточников. Их приобретение в среднем на душу населения в регионе обходилось в 1980 г. на 16,3% дороже, чем в центральных районах, а в 1983 г. уже на 17%. А по такой группе товаров, как меховые изделия (необходимые в климатических условиях региона), приходилось тратить соответственно в 3—4 раза больше. Товары культурно-бытового назначения обходились дальневосточникам на 39,8% дороже, чем в центре.

К тому же задачу повышения реальных доходов за счет ОФП на Дальнем Востоке нужно было решать в ухудшавшихся экономических условиях, при снижении роста производительности труда. Под влиянием всех названных противоречий результат социально-политических действий оказывался противоположным провозглашенным и декларируемым целям.

Рост денежных доходов населения в 1966—1980 гг. не имел уже соответствующей экономической базы, что было связано с падением темпов экономического развития Дальнего Востока и в целом по стране. В конце 70-х годов произошло повышение цен и на некоторые виды продуктов, транспортные услуги. По подсчетам специалистов, каждый дальневосточник стал тратить на продукты питания в 1980 г. на 13,9% больше, чем по РСФСР; в 1983 — на 32%⁹.

Поэтому в конце 70-х — начале 80-х годов в социально-психологических настроениях появляются новые моменты, отличные от атмосферы всеобщего доверия к политическому руководству страны в 60-х годах. На профсоюзных конференциях, в выступлениях рабочих все острее и чаще стали звучать требования ликвидировать территориальные различия в уровне жизни. В большей степени такие настроения были распространены среди угольщиков Дальнего Востока, работников лесной и горной промышленности, в частности среди магаданцев¹⁰. Профсоюзные документы начала 80-х годов содержат довольно острую критику центральных министерств и ведомств за невыполнение планов строи-

тельства жилья, больниц, за дефицит продовольственных и промышленных товаров. Критика позиций центральных ведомств активно поддерживалась и местной бюрократией, создавая своего рода солидарность дальневосточников.

В этой ситуации политический центр пытался сохранить стабильность в обществе и взять под контроль регулирование цен на продукты питания и соблюдение льготных условий для жителей Дальнего Востока в перераспределительной системе. Задача освоения была объявлена одной из главных национальных программ. В результате сохранились тенденция приоритета Дальнего Востока в централизованном распределении фондов, определенный стабильный уровень потребления продуктов питания, несмотря на то, что экономические возможности региона сокращались.

Исследования показывают, что вплоть до конца 80-х годов правительство пыталось даже осуществлять провозглашенные задачи по отношению к Дальнему Востоку. До конца 80-х годов сохранялась тенденция увеличения душевого потребления важнейших продуктов питания — мяса, молока, яиц, овощей, шло сокращение потребления хлеба и хлебопродуктов. Но сохранять такое положение в условиях падения сельскохозяйственного производства становилось все сложнее и сложнее. Очередь в магазинах, введение «талонной системы» на отдельные виды продуктов в городах и поселках Дальнего Востока становились характерной чертой жизни, как самое яркое проявление кризиса либеральной социальной политики конца 70-х — начала 80-х годов.

Если сравнить потребление продуктов питания дальневосточниками в 1975—1985 гг. с потреблением их в других странах, то обнаружатся крайне низкие стандарты уровня жизни дальневосточников¹¹. Но провести сравнительное исследование по тем параметрам, которые давала официальная статистика, очень сложно. Кроме того, ценностные ориентиры дальневосточников, как и в целом населения СССР, значительно отличались от стандартов и норм жизни в других странах.

В развитых зарубежных странах качество жизни оценивалось по состоянию окружающей среды, продолжительности жизни, количеству витаминов в рационе питания и т.д.¹² В системе же ценностей дальневосточников, которые складывались в том числе и под влиянием региональной политики, были высокая заработная плата, приобретение культурно-бытовых товаров, автомобилей, «получение» квартиры с коммунальными услугами (анализ сделан на основе статистических документов и выборочных социологических обследований по текучести кадров). Поэтому алгоритм социальной политики, его влияние на формирование уровня жизни в регионе следует рассматривать на основе жизненных ценностей и стандартов, существовавших тогда в СССР и дальневосточном регионе. Большинство населения соотносило свое материальное благополучие именно с ними и сопоставляло объем получаемых

доходов или товаров и услуг либо с предшествующими годами, либо с центральными районами страны. Таким образом, самооценка личного уровня жизни воспринималась сквозь призму региональной социальной политики. В 60 — 70-е годы, вплоть до середины 80-х годов среди населения Дальнего Востока была очень широко распространена такая самооценка своего статуса. Все совокупные статистические данные и логические построения свидетельствуют о тенденции снижения уровня жизни дальневосточников уже в начале 80-х годов и о начавшемся процессе расслоения среди населения Дальнего Востока. Однако оно еще не имело массового характера. Это было время, когда политика роста заработной платы при той системе социально-культурных ценностей позволяла многим дальневосточным семьям приобретать культурно-бытовые товары длительного пользования. Так, в 1980 г. еще не в каждой семье был телевизор (речь идет о семьях, глава которых имел статус рабочего), но к середине 80-х годов в этом плане произошли существенные изменения (табл. 24). В первой половине 80-х годов дальневосточники приблизились по обеспеченности, например телевизорами, магнитофонами, к уровню среднестатистического показателя по России. Видеомагнитофоны в семьях рабочих появились только в середине 80-х годов, и лишь одна-две семьи из 100 могли позволить себе их купить. Но это было связано как с наличием денежных средств, так и с возможностью приобретения их в «свободной продаже». Только к началу 80-х годов практически все семьи стали иметь холодильники и большая часть — пылесосы. Снижение числа швейных машин свидетельствовало о новых бытовых ориентациях — покупка готовой одежды и расширение соответствующей сферы услуг на Дальнем Востоке.

Анализ таблицы показывает, что и дальневосточное сельское население в конце 70-х — начале 80-х годов активно стремилось к городским стандартам жизни. Но обеспеченность многими культурно-бытовыми товарами длительного пользования в сельской местности отставала от городской.

В то же время эти данные показывают, что либеральная социальная политика «баланса интересов» имела конкретные результаты. В рассматриваемый 20-летний период она обеспечивала основной массе народа, проживавшего на территории Дальнего Востока (учитывая, что 90% составляли рабочие, крестьяне и интеллигенты, занятые в просвещении, здравоохранении), небогатую, в некоторой степени подневольную, но стабильную жизнь. Удельный вес расходов на питание тогда в структуре всех совокупных денежных расходов составлял всего 32,5%¹³. Эта цифра показывает, что до середины 80-х годов социальная политика еще способствовала стабилизации уровня жизни. Однако появление таких тенденций, как расслоение в обществе, говорило о том, что партноменклатурная политическая элита уже теряла контроль за процессами в обществе.

Таблица 24

Наличие предметов культурно-бытового назначения (по материалам одновременных выборочных обследований в среднем на 100 семей) в 1981 и 1985 гг.

	Семьи рабочих и служащих						
	1	2	3	4	5	6	7
	Телевизоры с черно-белым изображением	Телевизоры с цветным изображением	Магнитофоны	Холодильники	Стиральные машины	Электропылесосы	Швейные машины
РСФСР	$\frac{83}{76}$	$\frac{13}{24}$	$\frac{33}{39}$	$\frac{94}{97}$	$\frac{76}{78}$	$\frac{53}{61}$	$\frac{64}{64}$
Приморский край	$\frac{85}{75}$	$\frac{11}{23}$	$\frac{38}{43}$	$\frac{95}{99}$	$\frac{86}{102}$	$\frac{55}{61}$	$\frac{60}{60}$
Хабаровский край	$\frac{84}{74}$	$\frac{15}{23}$	$\frac{42}{49}$	$\frac{98}{98}$	$\frac{87}{89}$	$\frac{66}{66}$	$\frac{69}{64}$
Амурская область	$\frac{78}{79}$	$\frac{10}{20}$	$\frac{36}{40}$	$\frac{94}{97}$	$\frac{79}{93}$	$\frac{49}{59}$	$\frac{64}{70}$
Камчатская область	$\frac{71}{68}$	$\frac{16}{32}$	$\frac{56}{61}$	$\frac{95}{95}$	$\frac{88}{89}$	$\frac{70}{78}$	$\frac{61}{53}$
Магаданская область	$\frac{80}{61}$	$\frac{23}{78}$	$\frac{58}{60}$	$\frac{97}{97}$	$\frac{75}{79}$	$\frac{70}{70}$	$\frac{56}{50}$
Сахалинская область	$\frac{79}{74}$	$\frac{17}{29}$	$\frac{45}{56}$	нет данных	$\frac{86}{90}$	$\frac{60}{72}$	$\frac{59}{63}$

		1	2	3	4	5	6	7						
В семьях рабочих и служащих, проживающих в сельской местности и семьях колхозников														
	рабо- чие	колхоз- ники	рабо- чие	колхоз- ники	рабо- чие	колхоз- ники	рабо- чие	колхоз- ники	рабо- чие	колхоз- ники	рабо- чие	колхоз- ники	рабо- чие	колхоз- ники
РСФСР	83 86	86 89	4 10	3 10	20 26	10 15	83 88	83 82	66 77	83 82	66 167	22 36	58 56	59 54
Приморский край	90 89	90 91	3 8	2 7	27 29	15 33	92 96	90 92	89 90	90 92	92 95	34 38	57 61	52 58
Хабаровский край	90 82	—	7 15	—	35 42	—	86 91	87 89	—	—	—	45 45	68 48	—
Амурская область	87 83	91 89	6 15	5 8	23 37	18 21	85 90	87 94	80 89	92 93	92 93	31 44	56 65	59 53
Камчатская область	61 86	—	12 13	—	42 54	—	92 85	92 88	—	—	—	62 66	42 60	—
Магаданская область	69 54	—	10 15	—	55 72	—	73 82	77 98	—	—	—	51 68	41 40	—
Сахалинская область	75 76	—	17 28	—	44 49	—	92 100	89 94	—	—	—	51 68	41 40	—

Примечание. Таблица составлена на основе источников: РСФСР: Социальное развитие и повышение уровня жизни населения. М., 1988. Т. I. С. 89—91; Показатели социального развития Амурской области. Благовещенск, 1990. С. 91—93.

В середине 80-х годов на Дальнем Востоке стала распространяться новая форма ценности — приобретение автомобиля в частную собственность. Увеличение денежных средств у населения создавало такие условия. На Дальнем Востоке в среднем на 1 тыс.чел. населения в 1975 г. приходилось 26,3 автомобиля, в 1985 г. — 40,8. Такие темпы роста обеспеченности автомобилями можно объяснить и специфичной социально-профессиональной структуры населения: моряки, рыбаки ввозили автомобили из Японии. На Сахалине из 1000 чел. к середине 80-х годов 49 чел. имели автомобиль, на Камчатке — 45, в Приморском крае — 44. По этому показателю население Дальнего Востока находилось примерно на 7-м месте в России.

В 70-е — начале 80-х годов в системе ценностей дальневосточников и в региональной социальной политике все больший вес приобретало обеспечение жильем. Хотя специальных социологических обследований на Дальнем Востоке не проводилось, но об обстановке можно судить по таким косвенным данным, как причины текучести кадров, увольнения в среде различных социально-профессиональных групп. Мотив отсутствия жилья стоял на первом месте¹⁴.

Под влиянием такого фактора, как необходимость остановить текучесть кадров в промышленности, на транспорте, в строительстве, в сельском хозяйстве, были разработаны государственные меры по увеличению капиталовложений в строительство жилья. Работники плановых органов Дальнего Востока направляли в Госплан РСФСР и высшие партийные инстанции различного рода предложения, которые довольно ясно показывают особенности решения жилищного вопроса на Дальнем Востоке. В одной из записок, вышедшей из «стен» приморских плановых органов, предлагался следующий вариант: «Разрешать увольнять рабочих и служащих, обеспеченных жильем, лишь при условии возмещения другими предприятиями стоимости этого жилья в течение двух лет». Был и другой вариант: «Запретить рабочим, служащим обмен жилплощадью, полученной от предприятий». Обращение к последующим документам, регулировавшим жилищные отношения на Дальнем Востоке, показывает, что политическая элита центра не пошла на такие крайние меры.

В 1966—1970 гг. проводилась кампания по обновлению жилищного фонда, так называемая «барачная кампания», которая продолжалась до начала 80-х годов. В эти годы впервые за советское время темпы строительства жилья в регионе опережали среднереспубликанские (табл. 25). В 1966—1975 гг. среднегодовые темпы увеличения жилищного строительства составляли на Дальнем Востоке 6% (по РСФСР 6%). Увеличение темпов строительства государственного жилья на Дальнем

Строительство жилья на Дальнем Востоке СССР за 1966—1990 гг.

	1960— 1965 гг. для сравнения	1966— 1970 гг.	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1985 гг.	1986— 1990 гг. для сравнения
Приморский край	-	3375	4986	4741	4702	5262
Хабаровский край	-	3326	3744	3860	4028	5072
Амурская область	-	1581	1899	2077	2093	3027
Магаданская область	-	964	1128	1002	1238	1603
Камчатская область	-	983	1019	1053	1055	1220
Сахалинская область	-	1334	1559	1514	1600	1689
Дальний Восток	10326	11756	13569	13211	14716	17773
РСФСР	289100	284529	304109	295108	308716	343400

Примечание. Таблица составлена на основе источников: ГАХК. Ф.353. Оп.10. Д.463. Л.85; ГААО. Ф.1140. Оп.16. Д.7. Л.89; Очерки истории Хабаровской партийной организации. С.382; Сахалинская область в цифрах. С.61; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С.38; Народное хозяйство в 1971 году. С.304; Народное хозяйство в 1985 году: Стат. ежегодник. М., 1986. С.248-249; Социальное развитие Российской Федерации. М., 1992. С.218-219.

Востоке еще продолжалось до конца 80-х годов. Однако, анализируя эти статистические данные, следует учитывать, что в дальневосточном регионе процент выбытия старого жилья был очень высоким и достигал 60%¹⁵. В то же время темпы прироста населения в 1959—1970 гг. составляли 1,6%, в 1970—1979 — 1,8%, в 1979—1989 гг. — 1,5%¹⁶. Если сравнивать эти цифры со среднереспубликанскими, то они были достаточно высокими (по РСФСР соответственно — 1,0; 0,6; 0,7%). Курс на создание главным образом государственного жилищного фонда на Дальнем Востоке активно влиял на жизненные установки населения: произошло резкое снижение строительства индивидуальных домов по сравнению, например, с серединой 50-х годов.

Таким образом, в 70-е годы на Дальнем Востоке формировалось особое представление об улучшении жилищных условий. Большинство

населения стремилось сменить индивидуальные жилые дома на государственную квартиру с коммунальными услугами. Причем это явление охватило и руководящих работников: система распределения жилья во многом определяла поведенческие установки этой социальной группы. Многие представители хозяйственной, партийно-государственной бюрократии стали продавать свои дома и получать государственные квартиры¹⁷. Тем не менее, установившаяся модель жилищных отношений в СССР в 70-е годы тоже представляла собой форму регулирования социальных отношений по принципу «баланса интересов». Но процесс распределения жилья в те годы по различным группам очень трудно проследить по имеющимся статистическим данным, поскольку такая статистика политикам была не нужна. Лишь по отдельным фактам можно представить картину тех лет. Например, в г. Уссурийске из нового жилья в 1966—1967 гг. примерно 50% приходилось на долю рабочих¹⁸. Но кампания по контролю за распределением жилья приходится главным образом на вторую половину 60-х годов. В 70-е годы все меньше и меньше эти вопросы рассматриваются на политическом уровне (сокращается и число источников документов). Во второй половине 60-х годов встречаются даже такие факты, как привлечение отдельных «носителей властных отношений» к уголовной ответственности за «злоупотребление служебным положением» в распределении жилья. Именно на вторую половину 60-х годов приходится «активный разбор жалоб партийными органами по вопросам несправедливого распределения жилья»¹⁹.

Но это был последний «всплеск», последняя попытка политической партноменклатурной элиты контролировать сферу распределительных отношений. Такие социально-политические действия противоречили групповым интересам, активно развивавшимся с начала 70-х годов. Модель распределения жилищного фонда позволила значительной части носителей властных отношений в кратчайшие сроки улучшить свои жилищные условия. Поэтому решение жилищного вопроса на Дальнем Востоке не может быть сведено только к количественной стороне, оно теснейшим образом связано со всей культурой таких отношений в СССР в целом и на Дальнем Востоке, в частности. Значительная активизация жилищного строительства на Дальнем Востоке, о чем говорят данные таблицы 25, низкая и стабильная квартирная плата за коммунальные услуги (за счет перераспределения денежных средств на централизованном государственном уровне) создавали ту систему ценностей у дальневосточников, культурно-ценностных ориентаций, с которыми они оказались перед лицом новой радикальной реформы, начатой политиками сверху, и которая по сути была новым мощным бюрократическим взрывом в СССР.

Саморазвитие советской бюрократии в конце 70-х — начале 80-х годов XX в. как социально-политического феномена привело к новому типу общественного поведения, к разрушению традиционных форм социально-политического контроля, что составляло генетическое ядро советского общества. Вследствие этого стал наблюдаться расцвет корпоративно-групповых интересов как в масштабе страны, так и в рамках региона, что привело к новому «расколу» общества. Регулирование заработной платы различных профессиональных групп становилось тем «социалистическим пережитком», который противоречил разгулу групповых интересов.

Таким образом, характер новых реформ уже определялся самой логикой исторического развития бюрократических распределительных отношений. Советская бюрократия, несмотря на существовавшие внутренние противоречия и ее роль монопольного работодателя, отличалась высокой степенью консолидации, что позволило ей выступить в роли инициатора новых реформ «сверху».

Учитывая незавершенность нового «бюрократического взрыва» в бывшем СССР, незавершенность исторического процесса, в качестве гипотезы можно выдвинуть тезис, что Россия в начале 90-х годов так и не смогла отойти от традиций бюрократической трансформации и преодолеть инерцию повторяющихся циклов борьбы «центра» и регионов. Одним из источников такого социально-политического явления стала борьба за монопольное распоряжение природными ресурсами Дальнего Востока. И «заложником» в этой борьбе явилось большинство населения Дальнего Востока.

Политика «баланса интересов», проводившаяся в советском обществе в 60-е — начале 80-х годов, показывает, что и для бюрократического пути эволюции общества советского типа тоже были характерны периоды солидарности, и она достигалась на базе стабилизации уровня жизни различных социальных групп. Результаты либеральной социальной политики соответствовали мировоззренческим устоям населения Дальнего Востока. Активнейшая пропаганда концепции комплексного развития Дальнего Востока, действие так называемой региональной системы льгот формировали и своеобразный социально-психологический климат в регионе в 60 — 70-е годы, уверенность в завтрашнем дне. В условиях новой радикальной реформы весь устоявшийся образ жизни на Дальнем Востоке был нарушен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к истории советской социальной политики, охватывающей более чем 40-летний период XX в., позволяет сделать один из основных и главных выводов. В СССР продолжал действовать традиционный фактор российского цивилизационного комплекса — особая роль государства и его институтов в регулировании социальных отношений. Эта особая роль проявлялась во всех направлениях социальной политики. Продолжение данной традиции было обусловлено двумя историко-генетическими причинами: особенностями формирования партийного государства, установлением тоталитарного политического режима, в том числе и на территории Дальнего Востока России; воздействием прежнего российского цивилизационного комплекса на социально-культурные ориентации дальневосточного населения, прежде всего длительное влияние государственно-патерналистских традиций освоения Дальнего Востока. Формирование населения проходило в условиях постоянного роста военно-стратегического и ресурсного значения восточных территорий.

То, что В.И. Ленин в свое время называл партией нового типа, на практике стало зачатком нового партийного государства. Разработка основных направлений социальной политики представляла собой главную и основную ценность и привилегию партийно-государственной бюрократии, ее политической верхушки. Хотя в советской России декретами была отменена сословная структура, тем не менее она была воспроизведена в новой форме: служилой социально-профессиональной структуре на протяжении 30—40-х годов. Формирование этой структуры шло традиционными методами и способами, которые были известны предыдущим историческим эпохам: путем создания и функционирования административного карательно-репрессивного механизма и развитой системы льгот.

Льготы и разные формы социального контроля существовали как звенья одного реализационного механизма социальной политики. Термин «служилая» наиболее ярко отражает сущность советской социальной структуры: она формировалась в интересах партийного государства. Создание такой структуры соответствовало нарастанию партийно-государственного вмешательства в экономику. Особенность советской России (СССР) состояла в том, что эта тенденция совпадала с доктринальным фактором революционного большевизма. В послевоенный период этот специфический этатизм был связан с императивами восстановления разрушенного войной хозяйства. В конце 50-х — в 60-е годы он вытекал из необходимости более широкого привлечения природных ре-

сурсов восточных районов для разрешения новых экономических трудностей. Частным проявлением этого общего признака и явилась региональная социальная политика, ее реализация с учетом государственных интересов СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Социальная политика на Дальнем Востоке традиционно выступала в роли связующего звена между задачами хозяйственного освоения региона, структурой общества и господствующими идеями социально-культурной ориентации всего населения.

Регулирование социальных отношений было перенесено главным образом в область распределения материальных благ. Регулирование, распределение, эволюция самого субъекта социальной политики, изменения в самом реализационном механизме в рассматриваемый период представляли звенья единого процесса. Эволюция какого-либо одного звена постепенно приводила к изменениям в других.

Социальная политика конца 50—70-х годов активнейшим образом сдерживала процесс расслоения в обществе. На этой основе создавались стабильность обстановки, доверие к основным направлениям, методам и способам преобразований. Однако социальная политика постепенно приходила в противоречие с саморегулирующимися процессами в среде групп, которые имели право распоряжаться государственной собственностью. По мере приближения к 80-м годам эти саморегулирующиеся процессы привели к формированию абсолютного нового социально-психологического облика групп, осуществлявших политику. Это стало одним из источников нового бюрократического «взрыва» в СССР, целой революции уже в начале 90-х годов, а следовательно, началом нового социального курса.

Советская социальная группа как историческое явление на протяжении 40 лет XX в. прошла свой путь развития и имела конкретные результаты. Так, социальная политика первого послевоенного десятилетия была направлена на дальнейшее укрепление сословного группового служилого строя, что особенно ярко проявилось в регулировании профессиональной структуры путем жесткого распределения, контроля за формированием доходов, объемов потребления продуктов питания, ряда услуг, включая жилищные, бытовые и т.д. Такое регулирование касалось и провинциальной партийно-государственной и хозяйственной бюрократии. Социальная политика самым активным образом влияла на изменения уровня жизни дальневосточников. При этом особо следует выделить такой фактор, как Великая Отечественная война, которая как бы «законсервировала» довоенную социальную политику примерно еще на 15 лет.

Основное ядро социально-политических процессов второй половины 50—70-х годов XX в. составляли распределительно-нормированные отно-

шения, поддержание служилой социально-профессиональной структуры населения Дальнего Востока, что особенно ярко проявилось в системе региональных льгот. Но в целом в этот период отношения государства и общества существовали как единая система функциональных обязанностей, которой и соответствовала единая система распределения и перераспределения доходов, своеобразный политический контроль за источниками доходов. Однако начиная с 60-х годов этот контроль уже не был тотальным и постепенно ослабевал, несмотря на все попытки правящей политической верхушки (в виде различных кампаний и инициатив «сверху») его сохранить.

Распределение обязанностей в советском обществе имело свою структуру, основанную прежде всего на распределении властных отношений в обществе. Занятые исполнительным трудом в различных отраслях производства были определены партийной номенклатурой как рабочие и крестьяне и объединялись в общее сословие «трудящихся». В зависимости от приоритетности предприятия, с точки зрения той же номенклатуры, группам гарантировался или не гарантировался определенный уровень доходов, потребления продуктов, промышленных товаров, услуг.

Партийно-хозяйственный аппарат выполнял управленческие функции, распределяя все потоки материальных благ, сам определял себе долю за свой труд.

Но в 50—60-е годы партноменклатурная элита центра определяла и контролировала уровень жизни провинциально-региональной бюрократии. Поэтому вся система льгот, имевшая региональный характер, тесно переплеталась с системой льгот уже другого плана — корпоративно-групповой. Покровительственные и репрессивные меры по отношению к нижестоящим работникам или социальным группам были могущественным орудием в руках партийного государства. При помощи их достигалось социальное специфическое единство общества, наполненное различными противоречиями и конфликтами. Только на разных этапах соотношение таких мер менялось.

Главным «завоеванием» советской бюрократии явилось увеличение роли поощрительных мер. В 60—70-е годы роль системы льгот возрастает, а роль карательных-административных мер падает.

Либерализация социальной политики конца 50-х — начала 60-х годов совпала с новым этапом хозяйственного освоения Дальнего Востока, что благоприятно отразилось на стабилизации уровня жизни населения. В партийно-государственной стратегии произошла некоторая переоценка: сдерживался денежный рост доходов. Но это происходило на фоне уравнивательных тенденций и осуществления политического контроля за балансом доходов и расходов в целом в дальневосточном регионе. Однако замораживание темпов роста денежных доходов противо-

речило традиционно российскому способу освоения Дальнего Востока — постоянному привлечению трудовых ресурсов с помощью денежных надбавок и других льгот. Тогда партийно-государственное руководство, потерпев первую неудачу (это совпало со сменой политических лидеров), вновь обратилось к традиционной мере. Оно пошло на увеличение районных коэффициентов, расширило круг профессиональных групп, которые стали их получать. В итоге эти традиционные меры стали главным регулятором отношений между государством и населением Дальнего Востока. Однако они имели свой социальный эффект только в условиях жестко регулируемых цен, тарифов на перевозки, электроэнергию и т.д.

Социальной политике принадлежала самая активная роль в формировании идеалов и социально-культурных ценностей дальневосточников. Именно под ее влиянием складывался своеобразный менталитет дальневосточников, развивались те патерналистские настроения, которые в начале 90-х годов так активно стали критиковаться уже новой генерацией политиков и элитной частью интеллигенции.

Партийно-государственная бюрократия, ее номенклатурная часть будучи главным субъектом социальной политики в условиях либерализации примерно за 30 лет прошла путь саморазвития, адаптации к новым историческим условиям, что наряду с экономическими факторами создало важнейшие предпосылки нового бюрократического взрыва. Так, бюрократический путь развития советского общества привел Россию, в том числе и население Дальнего Востока, к новому социально-экономическому расколу, а большинство его — к относительному и абсолютному обнищанию. И произошло это вновь в результате нового социального насилия над значительной частью общества, когда политики-демократы резко изменили курс от всеобщего «огосударствления», от политики «баланса интересов» к новому социальному курсу на всеобщее разгосударствление (приватизация, ваучеризация др.).

Таким образом, завершился этап исторической эволюции советской социальной политики, его хронологические рамки совпадают с концом 80-х — началом 90-х годов.

На пороге нового тысячелетия Россия опять подошла к новой социальной смуте, социальным потрясениям. А население Дальнего Востока, создавшее здесь важнейшие предприятия военно-промышленного комплекса, добывающие ресурсные предприятия, транспортную систему и др., в условиях отдаленности от центра оказалось вновь в неравноправных стартовых условиях. В тяжелейшем положении оказались работники науки, просвещения, культуры, высшего образования, здравоохранения; технократизм 60—70-х годов на фоне обнищания, массового расслоения общества значительной частью дальневосточников воспринимается теперь как меньшее зло, чем новый социальный курс.

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. в 9-ти т. Т.6. 1989. С.9.
- ² Маркс, К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.358.
- ³ Там же. Т.2. С.102.
- ⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.30.
- ⁵ Там же. С. 297-373.
- ⁶ Тоффлер Э. Мои мысли о природе власти // США. 1992. № 6. С.90.
- ⁷ Бородин Ф.М. Социальная политика: власть и перестройка // Постигение. Социология. Социальная политика. Экономические реформы М., 1989. С.241-262; Заславская Т.И., Рывкина Р.Ф. Социология экономической жизни: Очерки теории М., 1991. С.58-59; Кордонский С.Г. Социальная структура и механизм торможения // Постигение... С. 35-51; Лисов В.А., Шапошников А.Н. Материальное благосостояние сельского населения Алтайского края. Новосибирск. 1986. Препр.; Хахулина И.К. Методологические проблемы социологического исследования // Методологические аспекты. Новосибирск, 1986 и др.
- ⁸ Вицук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке СССР в 50-70-е годы. Владивосток. 1991. Препр.
- ⁹ Заславская Т.И., Рывкина Р.Ф. Социология экономической жизни: Кордонский С.Г. Социальная структура и механизм торможения и др.
- ¹⁰ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. С.289-299.

ГЛАВА 1

§ 1

- ¹ Шмелев Н., Попов В. На переломе. М., 1989. Схемы и диаграммы. Рис.2.
- ² Орлов Б.П., Соколов В.Г. Социально-экономическое развитие советской экономики: цели, этапы, результаты // Экономическая социология и перестройка. М., 1989. С.93.
- ³ История социалистической экономики. М., 1979. Т.6. С.45.
- ⁴ См. подробно: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? М., 1989; Ципко А. Насилие лжи. или Как заблудился призрак. М., 1990; В. Найшуль. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину М., 1991. С.31-40.
- ⁵ Исторический опыт и перестройка. М., 1989. С.175.
- ⁶ См.: § 3 этой же главы.
- ⁷ Зверев А.Г. Записки министра. М., 1973. С.228.
- ⁸ Там же. С. 180.
- ⁹ История социалистической экономики СССР. Т.6. С.253.
- ¹⁰ Пегов Н.М. Далекое-близкое: Воспоминания. М., 1982. С.220.
- ¹¹ На письме стоит резолюция Сталина с поручением разобраться Рябушкову. РГАЭ. Ф.4372. Оп.51. Д.1001. Л.190-191.
- ¹² РГАЭ. Ф.4372. Оп.51. Д.1000. Л.55.

- ¹³ Там же. Л.1-6, 62, 64: Д.1002. Л.52; Ф.355. Оп.1. Д.12. Л.33-37 и др.
- ¹⁴ РГАЭ. Ф.355. Оп.7. Д.12. Л.36-37.
- ¹⁵ См.: Зимарина Н. Они стали жертвами ленинградского дела // Гласность: Насущные вопросы и необходимые ответы. М., 1989. С. 349-357.
- ¹⁶ Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. М., 1978. Т.1.
- ¹⁷ Селютин В. Условия нашего роста // Знание, 1988. № 7. С.157.
- ¹⁸ Курский А.Д. Научные основы советских пятилеток. М., 1974. С. 201.
- ¹⁹ Гордон Л.А. Клопов Э.В. Что это было? С.245-263.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 374. Оп.31. Д.511. Л.102.
- ²¹ Вознесенский Н.А. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг. // Красное знамя. Владивосток, 1946. 19 марта.
- ²² Бондаренко Е.А. Трудовая и политическая активность дальневосточного отряда советского рабочего класса в период развития и упрочения социализма в СССР (сентябрь 1945-1960 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1986.
- ²³ Сборник важнейших законов и постановлений о труде. М., 1958. С.55-56.
- ²⁴ Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД — МВД СССР) // Социол. исследования. 1990. № 11. С.152.
- ²⁵ Конквест Р. Статистика принудительного труда // Демографические процессы в СССР в 20-80-е гг. М., 1991. С.71-72.
- ²⁶ Земсков В.Н. ГУЛАГ: (Историко-социологический аспект) // Социол. исследования. 1991. № 6. С.12-13; Чернолуцкая Е.Н. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока СССР в 30-е — начале 50-х годов. Владивосток, 1993. С.18. Препр.; Она же. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестн. ДВО РАН. 1995 №6. С.76.
- ²⁷ Вопр. истории СССР. 1992. № 1. С.133-134.
- ²⁸ Чернолуцкая Е.Н. Участие спецконтингентов в хозяйственном освоении Дальнего Востока // Арсеньевские чтения: Тез. докл. регион. науч. конф. по пробл. ист., археол. и краевед. Уссурийск, 1992. С.137-138.
- ²⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. М., 1962. С.102-103.
- ³⁰ ГАРФ. ФА-262. Оп.5. Д.3829. Л.51-57.
- ³¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп.6. Д.195. Л.272.
- ³² РГАЭ. Ф. 355. Оп.7. Д.11. Л.78-79; Д.65. Л.5-7 и др.
- ³³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985 Изд. 9. Т.8. С.103, 115-116.
- ³⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С.273.
- ³⁵ Страна Советов за 50 лет. М., 1967. С.204-206; Народное хозяйство СССР в 1958 г. М., 1959. С.623; Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С.387.
- ³⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 426. Д. 427. Л.131; Д.85. Л. 46.
- ³⁷ Вопросы экономики сельского хозяйства Дальнего Востока. Благовещенск, 1958. С.188-243.
- ³⁸ Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 87; Голод и государственная политика // Отч. архивы. 1992. № 6. С.39.
- ³⁹ Марьяхин Г.Л. Из истории налогов в СССР. М., 1969. С.224.; Попов В.П. Крестьянские налоги в 40-е годы // Социол. исследования. 1997. №2. С.95-107.

- ⁴² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.3. С.65; КПСС в резолюциях... Т.8. С.55-61.
- ⁴³ КПСС в резолюциях ... Т.8. С.112-113.

§ 2

- ¹ Радаев В. Властная стратификация в системе советского типа // Рубеж: Альманах социальных исследований. Сыктывкар. 1991. №1. С.122.
- ² Поляков Ю.А., Жиромская В.В., Киселев И.Н. Полвека молчания // Социол. исследования. 1990. № 8. С.30-52.
- ³ См.: Веселовский В. Классы, слои и власть. М., 1981.
- ⁴ История КПСС. М., 1980. Т.5. Кн.2. С.225.
- ⁵ Там же. С.396.
- ⁶ Восленский М. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1992. С.149-153.
- ⁷ Гордон Л.А., Назимова А.К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985. С.189-190.
- ⁸ Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС. Хабаровск, 1989. С.265.
- ⁹ Хрестоматия по истории Амурской области. Благовещенск, 1980. С.269; Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС. С.265-270.
- ¹⁰ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма. М., 1952. С.40; Отчетный доклад XVII съезду партии // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1953. С.507 и др.
- ¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. М., 1985. Т.7. С.51-54.
- ¹² Под социальными мероприятиями понимаются те, которые были направлены на создание материальных предпосылок личного потребления, и те, которые касались изменений в сфере распределения
- ¹³ КПСС в резолюциях... С.59, 62, 69, 73, 74.
- ¹⁴ Красное знамя. Владивосток, 1946. 19 марта
- ¹⁵ РГАЭ. Ф.4372. Оп.51. Д.939. Л.74; ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.1172. Л.143-145; Хрестоматия по истории Амурской области. Хабаровск, 1980. С.253.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС. С.264.
- ¹⁸ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990; Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке (40-60-е гг.). Владивосток. 1991. Препр.; Она же. Участие «спецконтингентов» в хозяйственном освоении Дальнего Востока // Арсеньевские чтения: Тез. докл. регион. науч. конф. по пробл. ист., археол. и краевед. Уссурийск, 1992. С.135-137; Она же. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока СССР в 30-е — начале 50-х гг. (О роли «спецконтингентов»). Владивосток, 1993. Препр.
- ¹⁹ Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке. С.6.
- ²⁰ ГАПК. Ф.П-68. Оп.6. Д.152. Л.91; Д.151. Л.35., Д.122. Л.32.
- ²¹ РГАЭ. Ф.4375. Оп.5. Д.1002. Л.168.
- ²² ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.1172. Л.51-54.

- ²³ Там же. Д.1465. Л.27.
- ²⁴ ГАПК. Ф.П-68. Оп.6. Д.145. Л.13-14.
- ²⁵ ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.2006. Л.185; Д.3371. Л.1-3.
- ²⁶ Там же. Оп.3. Д.5. Л.2.
- ²⁷ Там же. Л.6.
- ²⁸ РГАЭ. Ф.4372. Оп.51. Д.1003. Л.57
- ²⁹ Там же. Д.1002. Л.168.
- ³⁰ ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.1471. Л.23.
- ³¹ Там же. Д.2206. Л.1-17, 109, 110.
- ³² ГАХК. Ф. П-35. Оп.22. Д.137. Л.3-7.
- ³³ ГАПК. Ф.П-68. Оп.6. Д.445. Л.3-4.
- ³⁴ Там же. Д.168. Л.178.
- ³⁵ Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС. С.263-292; Леонов П.А. Очерк истории Сахалинской организации КПСС. Южно-Сахалинск, 1975. С.164-165. ГАПК. Ф. П-68. Оп.6. Д.117. Л.5-7; Д. 114, Л.11, 23, 254; Д.357. Л.35; СЦДНИ. Ф.4. Оп.2. Д.159. Л.38 и др.
- ³⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп.6. Д.117. Л.62-65; Д.121. Л.32.
- ³⁷ Там же. Д.117. Л.102-103.
- ³⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. М. 1963. С.387.
- ³⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. С.365; Народное хозяйство Приморского края за 50 лет. Владивосток, 1988. С.119; Амурская область за годы советской власти. Благовещенск, 1988. С. 127; Народное хозяйство Приморского края. Владивосток, 1958. С.99; Народное хозяйство Амурской области. Благовещенск, 1957. С.95; Народное хозяйство Магаданской области. Магадан, 1983. С.42.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф.А-374. Оп.30. Д.3823. Л.9, 44; ГАПК. Ф.26. Оп.33. Д.467. Л.14.
- ⁴¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп.6. Д.199. Л.34.
- ⁴² Там же. Д.142. Л.187-188.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. Д.117. Л.57.
- ⁴⁵ Там же. Д.172. Л.40.
- ⁴⁶ Там же. Д.117. Л.20, 62.
- ⁴⁷ Уголовный кодекс РСФСР: Пособие для слушателей правовых вузов, школ и юридических курсов. Л, 1935. С.116.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С.140.
- ⁵⁰ Уголовный кодекс РСФСР: Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложениями по статейно-систематическим материалам. М, 1950. С.35-41.

§ 3

¹ В литературе уровень жизни большинство авторов определяют как достигнутый уровень потребления населением благ и услуг, степень удовлетворения в них общественно признанных потребностей.

² Подсчитано на основе источников: ГАРФ. Ф.А-374. Оп.30. Д.1042. Л.37; Д.1256. Л.9; Д. 7229. Л.35; Оп.31. Д.2068. Л.82; Д.5534. Л.40; ГАПК. Ф.26. Оп.33. Д.467. Л.24;

- Ф.510. Оп.3. Д.324. Л.2; ГАХК. Ф. 34. Оп.15. Д.77. Л.6; Ф.719. Оп.34. Д.11. Л.18; ГАКО. Ф.169. Оп.1. Д.926. Л.85.
- ³ ГАПК. Ф.510. Оп.33. Д.296. Л.44-49.
- ⁴ ГАРФ. Ф.9553. Оп.7. Д.333. Л.133.
- ⁵ Там же. Л.133-135.
- ⁶ ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.555. Л.133.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Римашевская Н.М. Справедливость или равенство // В человеческом измерении. М., 1989. С.364.
- ⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т.3. С.332-334.
- ¹⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.3. С.332-334; Рабочий класс СССР в годы упорочения и развития социалистического общества. 1945-1960 гг. М., 1987. С.128.
- ¹¹ Правда. 1946. 16 сент.
- ¹² Камчат. правда. Петропавловск-Камчатский. 1950. 4 февр.; ГАКО Ф.67. Оп.1. Д.42. Л.22; Д.37. Л.17.
- ¹³ ГАХК. Ф. 1036. Оп.3. Д.19. Л.32, 33.
- ¹⁴ Очерки истории Приморской организации КПСС. Владивосток, 1971. С.304.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 232. Оп.1. Д.535. Л.59.
- ¹⁶ ГАХК. Ф.1386. Оп.2. Д.119. Л.19; Д.417. Л.23.
- ¹⁷ Батаева Т.И. Об уровне жизни населения в Магаданской области // Проблемы развития производительных сил Северо-Востока СССР. Магадан, 1964. С.50.
- ¹⁸ ГАСО Ф.54. Оп.1. Д.509. Л.94.
- ¹⁹ Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С.16; Чернявский У.Г. Война и продовольственное снабжение городского населения в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) М., 1964. С.165.
- ²⁰ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947. С.139.
- ²¹ Правда. 1946. 16 сент.
- ²² РГАЭ. Ф. 7971. Оп.1. Д.1242. Л.1; Правда. 1946. 16 сент.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.3. С.460, 467.
- ²⁵ Там же. С.466-467.
- ²⁶ Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся. М., 1959. С.99.
- ²⁷ Народное хозяйство страны. М., 1956. С.210-211; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917-1963 гг.) М., 1964. С.410.
- ²⁸ Доходы трудящихся и социальные проблемы уровня жизни населения СССР. М., 1973. С.34; ГАПК. Ф.45. Оп.2. Д.83. Л.1-63; Д.89. Л.19 и др.
- ²⁹ Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917-1963 гг.). С.410.
- ³⁰ Земсков В.Н. ГУЛАГ: (историко-социологический аспект) // Социол.исследования. 1991. №7. С.3-12; Он же. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные

и высланные // История СССР. 1991. №5. С.159; Чернолуцкая Е.Н. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока СССР в 30-е — начале 50-х годов. Владивосток, 1993. Препр. С.3-21 и др.

- ³¹ ГАПК. Ф. 26. Оп.31. Д.105. Л.18.
- ³² ГАРФ. Ф.5451. Оп.26. Д.1243. Л.183.
- ³³ РГАЭ. Ф.7971. Оп.1. Д.1242. Л.18, 23; ГАПК. Ф.45. Оп.2. Д.83. Л.1-63; Д.86. Л.1-7; Д.89. Л.19.
- ³⁴ ГАПК. Ф.510. Оп.3. Д.296. Л.79.
- ³⁵ ГАКО. Ф. 67. Оп.1. Д.69. Л.133.
- ³⁶ ГАСО. Ф. 54. Оп.1. Д.2. Л.132. 133; Вашук А.С., Слабнина Л.А. Стратегия благосостояния: реальность социальной жизни на Дальнем Востоке СССР в послевоенные годы. Владивосток, 1992. С.17. Препр.
- ³⁷ Турецкий Ш.Я. Очерки планового ценообразования в СССР. М., 1959. С.492; ГАКО. Ф. 67. Оп.1. Д.47. Л.87.
- ³⁸ Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся. М., 1959. С.99.
- ³⁹ ГАРФ. Ф.5451. Оп.1. Д.1171. Л.70.
- ⁴⁰ ГАКО. Ф. 67. Оп.1. Д.69. Л.20.
- ⁴¹ Там же. Д.41. Л.36.
- ⁴² История Сибири. Л., 1969. Т.5. С.266.
- ⁴³ ГАКО. Ф.67. Оп.1. Д.41. Л.37.
- ⁴⁴ Подсчитано на основе источников: ГАРФ. Ф.А-374. Оп.31. Д.5534; Л.40; Д.2068. Л.84; Оп.30. Д.7229. Л.35; Д.2068. Л.84; Д.2125, Л.9; Д.3823. Л.9; Д.5464. Л.9; ГАПК. Ф.26. Оп.33. Д.467. Л.5. 6.
- ⁴⁵ ГАПК. Ф. 131. Оп.16. Д.38. Л.40; Д.6.36.
- ⁴⁶ Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1970. С.134, 144; Страна Советов за 50 лет. М., 1967. С.119. 130-131.
- ⁴⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.3. С.241-243, 561-563.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп.26. Д.80. Л.15.
- ⁴⁹ Анализ сделан на основе источников: Мандрик А.Т. Очерк истории рыбной промышленности советского Дальнего Востока (1946-1965 гг.). Владивосток, 1968. С.6; Народное хозяйство Приморского края за годы советской власти. Владивосток, 1968. С.17-31; Сахалинская область в цифрах. Южно-Сахалинск, 1975. С.24-27; Народное хозяйство Камчатской области. Хабаровск, 1966. С.17; Народное хозяйство Хабаровского края. С.21; Очерк истории Сахалинской организации КПСС. С.159, 171. 175.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ ГАПК. Ф. 26. Оп.28. Д.1. Л.58; Оп.31. Д.100. Л.3.
- ⁵² Народное хозяйство Приморского края. С. 120; Народное хозяйство Приморского края за годы советской власти. С.138-139.
- ⁵³ Народное хозяйство Приморского края за годы советской власти. С.138.
- ⁵⁴ Сахалинская область в цифрах. Южно-Сахалинск, 1975. С.79.
- ⁵⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп.26. Д.210. Л.59; Д.427. Л.122; Д.473. Л.69; ГАПК. Ф.26. Оп.33. Д.467. Л.35-36; Ф.131. Оп.16. Д.977. Л.14; ГАХК. Ф.719. Оп.29. Д.672. Л.28-29.

- ⁵⁶ Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов с населения СССР. М., 1964. С.214-217; КПСС в резолюциях ... Т.8. С.55-61; Заславская Т.И. Распределение по труду в колхозах. М., 1986. С. 167; РГАЭ. Ф. 1468. Оп.7. Д.1539. Л.18; ГАПК. Ф. 26. Оп.33. Д.276. Л.5.
- ⁵⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп.6. Д.117. Л.152.
- ⁵⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп.7. Д.370. Л.17; Д.1019. Л.36, 41; Д.1605. Л.9, 21, 58; ГАРФ. Ф.А-310. Оп.1. Д.6923. Л.4, 8; Д.140. Л.2, 8, 34; Д. 3433. Л.46; Д.1616. Л.5-8.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф.А-374. Оп.31. Д.7130. Л.154, 174, 214.
- ⁶⁰ КПСС в резолюциях ... Т.8. С.128.
- ⁶¹ РГАЭ. Ф.4372. Оп.50. Д.272. Л.12.
- ⁶² ГАПК. Ф. П-68. Оп.6. Д.1. Л.153-155.
- ⁶³ ГАПК. Ф. 131. Оп.9. Д.977. Л.14; Оп.33. Д.467. Л.35-36; ГАРФ. Ф.374. А- Оп.32. Д.7259. Л.10.
- ⁶⁴ ГАПК. Ф. 1060. Оп.2. Д.7. Л.190.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ 40—50-е годы: Последние депортации народов. Свидетельствуют архивы НКВД-МВД // История СССР. 1992. № 1. С.137-138.
- ⁶⁷ Там же. С.124-126.
- ⁶⁸ Там же. С.137-141.
- ⁶⁹ Там же. С.122.
- ⁷⁰ Попов В.П. Государственный террор в советской России: Источники и их интерпретация // Отеч. архивы. 1992, № 2. С.22-23, 24
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Земсков В.Н. ГУЛАГ: (Историко-социологический аспект) // Социол. исследования. 1991. №7. С.11, 13.
- ⁷³ ГАПК. Ф. 1060. Оп.2. Д.7. Л.190.; ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.2829. Л. 51-57.
- ⁷⁴ ГАПК. Ф. 131. Оп.12. Д.5. Л.108.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.190. Л.1; Д.2206. Л.185.
- ⁷⁶ Там же. Л.1; Д.1172. Л.5; Д.3371. Л.3; ГАПК. Ф.26. Оп.33. Д.312. Л.71.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф.А-162. Оп.5. Д.1172. Л.51.
- ⁷⁸ Земсков В.Н. ГУЛАГ. С.12.
- ⁷⁹ РГАЭ. Ф.4372. Оп.51. Д.1050. Л.64; ГАРФ Ф.А-262. Оп.75. Д.1172. Л.51.
- ⁸⁰ Народное хозяйство Приморского края за годы советской власти. С.121; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. М., 1961 С. 382.
- ⁸¹ ГАРФ Ф.А-262. Оп.75. Д.2772. Л.9.
- ⁸² Бессонова О.Э. Механизм обеспечения жильем в СССР // Постижение. М., 1989. С.290.
- ⁸³ Там же. С.293.
- ⁸⁴ ГАРФ Ф.А-262. Оп.5. Д.1465. Л.2.
- ⁸⁵ Кричагин В.Н. Народное здравоохранение: Время решений // В человеческом измерении. М., 1989. С.254.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ ГАХК. Ф.353. Оп.10. Д.39. Л.50. (Б. Котляровский занимал этот пост в 1957-1958 гг., но в документах шла речь о рассматриваемом времени); ГАРФ Ф.А-262. Оп.5. Д.1172. Л.51.

- ⁸⁸ ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.2772. Л.98; ГАХК. Ф.353. Оп.10. Д.451. Л.74; Д.147. Л.151; ГАПК. Ф.1060. Оп.2. Д.19. Л.22.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ ГАПК. Ф.1060. Оп.2. Д.19. Л.222.
- ⁹¹ Там же. Л.37.
- ⁹² ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.1172. Л.50-52.
- ⁹³ Там же. Д.2772. Л.97.
- ⁹⁴ Там же. Д.2772. Л.97; ГАПК. Ф.1062. Оп.2. Д.19. Л.38-39; Левицкий Е.М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск, 1962. С.25-26.

ГЛАВА II

§ 1

- ¹ Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Политическая борьба или защита прав: Двадцатилетний опыт независимого общественного движения // Погружение в трясину. М., 1991. С.501-544; Зубкова Е. Реформы Хрущева: Культурно-политического действия // Свободная мысль. 1993. № 9. С.97-107; Наше Отечество: Опыт политической истории. М., 1991. Т.2. С.454-455; Н.С. Хрущев: личность, время, реформы: Дискуссии и обсуждения // Свободная мысль. 1994. №10. С.18-32 и др.
- ² ГАРФ. Ф.9553. Оп.3. Д.333. Л.135.
- ³ Там же.
- ⁴ ГАРФ. Ф.5451. Оп.61. Д.1. Л.1-5; Д.5. Л.17, 71, 91-93, 96; Д.17. Л.13-15. 16. 19. 20. 32; Д.24. Л.11-13, 25-27 и др.
- ⁵ ГАРФ. Ф.5475. Оп.33. Д.1464. Л.92; Д.2000. Л.27.
- ⁶ Там же. Д.2000. Л.70; Ф.7676. Оп.20. Д.2454. Л.9, 76, 81; Д.2436. Л.18. 32; Ф. 5451. Оп.61. Д.1. Л.15; Д.13. Л.5, 77, 82; Д.5. Л.6.
- ⁷ ГАПК. Ф.26. Оп.33. Д.292. Л.5. (Цит. по подлиннику, сохраняется стиль и орфография письма. Вернулось в Приморье 20/IX-57г. с сопроводительной запиской зам.заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС А. Мангиева).
- ⁸ Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов. С.25-27-29. (В 1963-1964 гг. здесь интенсивность миграции и коэффициент текучести кадров среди других экономических районов РСФСР был самым высоким)
- ⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. С.98, 118, 129, 126, 127, 150, 154.
- ¹⁰ Найшуль В.Н. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. С.37-39.
- ¹¹ РГАЭ. Ф.4372. Оп.51. Д.1000. Л.1-6, 59; Д.1001. Л.117; Д.1002. Л.69; Леонов П.А. Очерк истории Сахалинской организации КПСС. С.151, 153; Магаданская правда. Магадан. 1954. 11 мая; 1957. 26 мая; Тихоокеан. звезда. Хабаровск. 1956. 12 июля.
- ¹² ГАРФ. Ф.262. Оп.8. Д.1509. Л.99-105; Оп.5. Д.4542. Л.10-20.
- ¹³ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. №52. С.812-813.
- ¹⁴ Коммунист. 1953. № 12. С.14-15.
- ¹⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп.6. Д.238. Л.63.
- ¹⁶ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 1956. Т.2. С.435.
- ¹⁷ Шмелев Н., Попов В. На переломе. Прил. Рис.2.

- ¹⁷ Абрамова Н.В. История социально-экономического развития Дальнего Востока в освещении буржуазной периодики. (1965-1985 гг.) Владивосток, 1989. С.41. Препр.
- ¹⁸ Вывод сделан на основе источников: ГАРФ. Ф.А-374. Оп.31. Д.5811. Л.102; Абрамова Н.В. История социально-экономического развития Дальнего Востока СССР в освещении буржуазной периодики (1965-1985 гг.) С.41.
- ¹⁹ Ханнин Г.И. Анализ тенденций экономического развития СССР (1928-1985 гг.) // Экономическая социология и перестройка. М., 1989. С.62; Шмелев Н., Попов В. На переломе. Прил. Рис.2.
- ²⁰ ГАРФ. Ф.5451. Оп.61. Д.13. Л.91.
- ²¹ Там же.
- ²² ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.5999. Л.76.
- ²³ Там же. Оп.8. Д.1507. Л.34. 34 об.
- ²⁴ См.: Работы Борчаниновой В.Е., Деревянко А.П., Рыбаковского Л.Л., Чернолуцкой Е.Н.
- ²⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. М., 1965. С.46; Промышленность РСФСР (1975-1977 гг.) М., 1978. Т.1. С.33.
- ²⁶ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX-XX вв. Владивосток, 1991. С.295-321.
- ²⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. М., 1959. С.196-199; Народное хозяйство в 1960 году. М., 1961. С.234-240; Народное хозяйство в 1961 году. М., 1962. С.290-291; Народное хозяйство в 1962 году. М., 1963. С.264-266; Народное хозяйство РСФСР в 1970 году. М., 1971. С.216-220; Народное хозяйство РСФСР в 1985 году. М., 1986. С.296. 298-300.
- ²⁸ Анализ сделан на основе источников: ГАХК. Ф.137. Оп.14. Д.1621. Л.22; ГАПК. Ф. 11-68. Оп.6. Д.432. Л.22; Д.449. Л.8; ГАРФ. Ф.616. Оп.1. Д.5800. Л.125. 129; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. С.196-199; Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. С.234-240; Народное хозяйство в 1961 году. С.290-291; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. С.251; Народное хозяйство в 1965 году. С.264-266 и др.

§ 2

- ¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17-3 октября 1961: Стеногр. отчет. М., 1962. Т.1. С.208; М., 1962. Т.3. С.274, 295-299.
- ² Приморская краевая организация КПСС в период развития и совершенствования социалистического общества (60-80-е годы). Владивосток, 1987. С.14-20, 92-140.; Харчев К.М. Воспитание идейной убежденности // Горизонты созидания: Прим. край. Владивосток. 1976. С.157-175; Краснознаменный Дальневосточный: История краснознам. Дальневост. воен. округа. М., 1971. С.330-337; См.: Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. 1971-1985 гг. Владивосток. 1976. С.55-73.
- ³ ГАРФ. Ф.А-561. Оп.1. Д.303. Л.99; Д.440. Л.92; Д.514. Л.108; Д.631. Л.119; Д.707. Л.80; Д.808. Л.71; Д.901. Л.75.
- ⁴ Там же.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 5451. Оп.61. Д.17. Л.13.
- ⁶ Там же. Д.9653. Л.3; Д.333. Л.135.
- ⁷ Там же. Л.106-108.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л.109.

¹¹ ГАРФ. Ф.А-262. Оп.8. Д.4469. Л.20-46 и др.

§ 3

¹ ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.4542. Л.15-18.

² Там же.

³ Советы народных депутатов: Справочник. М., 1984. С.37.

⁴ КПСС в резолюциях ...Изд.9.М., 1986. Т.9. С.193-208.

⁵ Лазарева С.И. Деятельность местных Советов по повышению благосостояния трудящихся в 1946-1960 гг. // Социально-культурное развитие Дальнего Востока СССР. (Сов. период). Владивосток, 1986. С.87.

⁶ Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопр. истории. 1991. № 1. С.108.

⁷ ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.599. Л.1.59, 57,59.88, 92,120,123, 238; Д.6001. Л.1-3 и др.

⁸ Там же. Оп.5. Д.599. Л.1-5.

⁹ Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева. С.119.

¹⁰ Там же. С.117.

¹¹ ГАХК. Ф.353. Оп.10. Д.1. Л.1-6; Д.311. Л.1-8; Д.39. Л.52.

¹² Там же.

¹³ ГАРФ. Ф.А-262. Оп.8. Д.1509. Л.100-105, 199-200.

¹⁴ Анализ и подсчеты сделаны на основе источников: ГАРФ. Ф.А-262. Оп.8. Д.1509. Л.100-105, 199-200.

¹⁵ Там же. Д.1507. Л.35-36.

¹⁶ ГАХК. Ф.353. Оп.10. Д.53. Л.50.

¹⁷ ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.3842. Л.12-13.

¹⁸ Там же. Л.13-14.

¹⁹ Там же. Л.14.

²⁰ Там же. Д.3825. Л.19; Д.3829. Л.49-50, 51, 62, 85, 86.

²¹ Там же.

²² Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева. С.120.

²³ КПСС в резолюциях... Изд.9. М., 1989. Т.10. С.295-296.

²⁴ Ключковская Л.Г. Органы народного контроля в условиях развитого социализма (1966-1975 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1980. С.20-40.

²⁵ Там же.

²⁶ Приморские курьезы // Экон. газета. 1961. 25 дек.

²⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп.6. Д.410. Л.20, 25. Например, в Приморье Совнархозу были переданы предприятия пищевой промышленности, кожевенно-обувной комбинат, мясной и молочные тресты.

²⁸ ГАРФ. Ф.А-262. Оп.5. Д.5999. Л.9. 57, 89, 92, 138 и др.

²⁹ Гордон Л.А., Назимова А.К. Рабочий класс СССР: Тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985. С.89-90.

³⁰ Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока России (60-80-е гг.) Владивосток, 1992. С.113.

³¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР, М., 1963. С.282.

- ¹² ГАПК. Ф. П-68. Оп.6. Д.383. Л.108-110. (Копия).
- ¹³ Подсчитано на основе источников: ГАХК. Ф. 719. Оп.29. Д.672. Л.2-3; ГАПК. Ф.510. Оп.3. Д.291. Л.33.
- ¹⁴ ГАПК. Ф. П_68. Оп.6. Д.410. Л.182. (копия док.)
- ¹⁵ Там же. Д.357. Л.217; Д.354. Л.54; Д.410. Л.11.
- ¹⁶ ГАПК. Ф. 1521. Оп.1. Д.446. Л.5-10. (Копии).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ ГАПК. Ф. П-68. Оп.6. Д.383. Л.27, 28, 29; Ф.1521. Оп.1. Д.446. Л.5-10.
- ¹⁹ Там же. Д.41. Л.30, 117, 189; Д.419. Л.84-99.
- ²⁰ Там же.

§ 4

- ¹ Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии. М., 1989. С.111.
- ² Там же. С.112.
- ³ ГАРФ. Ф. 5451. Оп.61. Д.13. Л.91.
- ⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп.50. Д.226. Л.34.
- ⁵ Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопр. истории. 1989. № 1. С.114.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 5451. Оп.61. Д.17. Л.13-45.
- ⁷ Батаева Т.И. К вопросу об уровне жизни населения Магаданской области // Проблемы развития производительных сил Северо-Востока. Магадан, 1964. С.42.
- ⁸ Там же. С.43.
- ⁹ ГАХК. Ф.719. Оп.29. Д.672. Л.9-11; ГАРФ. Ф.А-374. Оп.33. Д.840. Л.14-15; Д.855. Л.2-3.
- ¹⁰ ГАХК. Ф.719. Оп.29. Д.672. Л.3; Д.959. Л.61.
- ¹¹ Батаева Т.И. К вопросу об уровне жизни населения Магаданской области. С.48.
- ¹² Там же. С. 51.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Чичканов В.П. Дальний Восток: Стратегия экономического развития М., 1988. С.19.
- ¹⁵ Трошина Г.В. Региональные особенности формирования уровня жизни населения южной зоны Дальнего Востока. Дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 1974. С.68.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Рыбаковский Л.Л. Народонаселение Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С.116; ГАРФ. Ф.9553. Оп.1. Д.1429.1.156
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 9553. Оп.1. Д.1429. Л.24-25.
- ¹⁹ Рыбаковский Л.Л. Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока. Хабаровск, 1969. С.81.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 5475. Оп.33. Д.1325. Л.68.
- ²¹ Там же.
- ²² Архив Дальвостуголь. Отчеты о выполнении планов по труду за 1961-1965 гг.; Орловская Л.И. Особенности формирования кадров народного хозяйства Магаданской области // Проблемы развития производительных сил Северо-Востока. С.38.
- ²³ ГАПК. Ф. 26. Оп.33. Д.705. Л.3.
- ²⁴ Цит. по кн.: Наше Отечество: Опыт политической истории. М., 1991. С.466.

- ²⁵ ГАРФ. Ф.А-374. Оп.7. Д.5994. Л.А. 8, 12, 18.
- ²⁶ Трошина Г.В. Региональные особенности формирования уровня жизни ... С.68.
- ²⁷ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX-XX вв. Владивосток, 1996. С.278.
- ²⁸ Там же. С.296.
- ²⁹ Основные показатели по труду, населению, здравоохранению и культуре за 1984. Благовещенск, 1985. С.33; Чураков В.Е. Актуальные проблемы использования ресурсов. М., 1972. С.177-179.
- ³⁰ ГАХК. Ф. 719. Оп.29. Д.909. Л.4; ГАПК. Ф. 131. Оп.16. Д.3. Л.4.; Д.4. Л.9; Д.5. Л.7; Д.6. Л.5.
- ³¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп.79. Д.59. Л.388.
- ³² ГАПК. Ф. П-68. Оп.6. Д.354. Л.67.
- ³³ Продовольственный комплекс Сибири и Дальнего Востока. М., 1982. С.86-100.
- ³⁴ Там же. С.89.
- ³⁵ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX-XX вв. С.300.
- ³⁶ Народное хозяйство Приморского края за 50 лет. Владивосток, 1988. С.16; ГААО. Ф.1. Оп.65. Д.24. Л.18.
- ³⁷ ГАПК. Ф. 1521. Оп.1. Д.208. Л.16; Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С.685; Народное хозяйство СССР в 1970 г. М., 1970. С.14, 357; Народное хозяйство РСФСР в 1971 году. М., 1972. С.14, 329.
- ³⁸ ГАХК. Ф.719. Оп.29. Д.875. Л.9; Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. С.420-421, 432
- ³⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С.432.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Цит по: Кочетов А. Истоки новой социальной структуры // Свободная мысль. 1993. № 9, С.69.
- ⁴² Верт Н. История Советского государства 1900-1991. М., 1992. С.369.
- ⁴³ ГАПК. Ф.26. Оп.33. Д.815. Л.4.
- ⁴⁴ Там же. Ф.1521. Оп.1. Д.446. Л.9. 44.
- ⁴⁵ Там же. Л.9-44.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Подсчитано на основе источников: Народное хозяйство Приморского края за 1966-1970 гг.: Владивосток, 1972. С.130; Камчатская область в 1967 году: В цифрах. Петропавловск-Камчатский, 1968. С.134; Сахалинская область в цифрах за 1946-1966 годы. Южно-Сахалинск. 1967. С.81.. ГАМО. Ф. П-21. Оп.5. Д.395. Л.34; ГАХК. Ф. П-35. Оп.90. Д.408. Л.18; Ф.3. Ф.850. Оп.3. Д.169. Л.5.
- ⁴⁸ ГАХК. Ф.353. Оп.10. Д.463. Л.85.; ГААО. Ф.114. Оп.16. Д.7. Л.89; Очерк Хабаровской краевой организации КПСС. Хабаровск, 1979. С.382.
- ⁴⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С.386.
- ⁵⁰ Там же. С.128.
- ⁵¹ Подсчитано на основе источников: ГАХК. Ф.353. Оп.10. Д.463. Л.85.; ГААО. Ф.114. Оп.16. Д.7. Л.89; Очерк Хабаровской краевой организации КПСС. С.382; Сахалинская область в цифрах. С.61; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С.38, 51, 129.
- ⁵² Подсчитано на основе источников; ГАПК. Ф. 540. Оп.2. Д.872. Л.93; Д.846, Л.39; Д.857. Л.22.

- ⁵³ Орловская Л.И. Особенности формирования кадров народного хозяйства Магаданской области. С.36; Кольма: Биол. 1962. (№ 7). С.10.
- ⁵⁴ Лавриненко М. Совершенствование социально-экономических условий формирования трудовых ресурсов // Экон.наукн. 1983. № 4. С.91.
- ⁵⁵ Бессонова О.Э. Механизм обеспечения жильем в СССР // Постигение. М., 1991. С.294-295.
- ⁵⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп.6. Д.414. Л.27.
- ⁵⁷ Там же. Ф.1521. Оп.26. Д.224. Л.192. (Документ в источнике излагается не полностью).
- ⁵⁸ ГАПК. Ф.1521. Оп.26. Д.224. Л.1-205; ЦА ВЦСПС. Ф.5464. Оп.33. Д.3885. Л.46, 53; ГАРФ. Ф.7676. Оп.20. Д.2454. Л.9; Д.2436. Л.18; Д.2303. Л.71.
- ⁵⁹ ГАПК. Ф.1521. Оп.26. Д.224. Л.176.
- ⁶⁰ Там же. Л.170.
- ⁶¹ Там же. Л.180.
- ⁶² ГАХК.Ф.353. Оп.10. Д.451. Л.48.
- ⁶³ Лавриненко М. Совершенствование социально-экономических условий формирования трудовых ресурсов. С.89.
- ⁶⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С.509.
- ⁶⁵ Исаков А.В. Развитие здравоохранения Дальнего Востока. Благовещенск, 1976. С.98; Народное хозяйство Приморского края за 50 лет. С.28; Амурская область за годы Советской власти. Благовещенск, 1988. С.69; Народное хозяйство Магаданской области за 1953-1983. Магадан, 1984. С.58; Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С.508-525.
- ⁶⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. С.539-564.
- ⁶⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп.3. Д.187. Л.180.; Оп.6. Д.459. Л.39; Д.458. Л.28.
- ⁶⁸ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 90. Д.400. Л.161; Оп.98. Д.10. Л.44; Д.11. Л.16; Ф.137. Оп.14. Д.1632. Л.14; Оп.10. Д.702. Л.29; Д.725. Л.8, 13.
- ⁶⁹ ГААО. Ф.501. Оп.7. Д.220. Л.2; Д.17. Л.99; Ф.114. Оп.17. Д.94. Л.37.

ГЛАВА III

§ 1

- ¹ Бурлацкий Ф. Новое мышление М., 1989. С.292; Верт Н. История Советского государства. М., 1992; С.383-385. Наше Отечество: Опыт политической истории. М., 1991. Т.2. С.480; Медведев Р. Н.С. Хрущев // Гласность: Насущные вопросы и необходимые ответы. М., 1989. С.374-375 и др.
- ² Наше Отечество. Т.2. С.480.
- ³ Ашин Г. Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. №1. С.40-50; Верт Н. История Советского государства. С.384; Медведев Р. Н.С. Хрущев. С.367-382; Барсуков Н.А. Октябрь 64-го // Свободная мысль. 1994. №10. С.24-26; Макколей М. Хрущев и его политика: Какие выводы можно сделать из хрущевской эпохи (1953-1964 гг.) // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С.551.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Бурлацкий Ф. Хрущев: Штрихи к политическому портрету // Страницы истории: Дайджест прессы. М., 1989. С.243.

- ⁵ Бурлацкий Ф. Хрущев: штрихи к политическому портрету. С.244-245; Павлов С. На смену придут другие, смелее и лучше нас // Н.С. Хрущев: Материалы к биографии. М., 1989. С.207; Воронов Г. От оттепели до застоя // Там же. С.216; Левада Ю. Шейнис В. Почему тогда не получилось // Там же. С.183.
- ⁷ Наше Отечество. Т.2. С.481; Медведев Р. Н.С. Хрущев. С.374.
- ⁸ Зубкова Е.Ю. Социально-психологическая атмосфера послевоенных лет и ее влияние на политику реформ // Россия в XX веке. С.386.
- ⁹ Верт Н. История Советского государства. С.386.
- ¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Изд.9. Т.11. С.33.
- ¹¹ О частичных изменениях в уставе // КПСС в резолюциях ... Т.9. С.36.
- ¹² Приморская краевая организация КПСС в период развития и совершенствования социалистического общества. Владивосток, 1987. С.351.
- ¹³ Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС. Хабаровск, 1979. С.310.
- ¹⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1971. С.123.
- ¹⁵ Там же. С.99.
- ¹⁶ Приморская краевая организация КПСС в период развития и совершенствования социалистического общества; Очерк Хабаровской краевой организации КПСС и др.
- ¹⁷ Шесть соток после власти: Интервью А. Брюханова с В.П. Ломакиным // Красное знамя. Владивосток, 1995. 28 янв.
- ¹⁸ Кто Вы, Алексей Волинцев? // Дальневост. ученый. 1990. № 22; Тек. архив ГАПКА. Дело. Волинцев А.А.
- ¹⁹ Оников Л. Вельможные игры // Родина. 1994. №2. С.37; Наше Отечество. Т.2. С.484.
- ²⁰ Подсчитано на основе источников: ГАПК. Ф.1521. Оп.1. Д.444. Л.5; Амурская область в 1972 году. Благовещенск, 1973. С.166-174; Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока России (60-80-е годы). Владивосток, 1992. С.113.
- ²¹ Амурская область в 1972 году. С.166, 174; Амурская правда. Благовещенск, 1971. 12 февр.
- ²² Итоги выборов и состав народных депутатов РСФСР в 1985 году. М., 1985. С.109-111.
- ²³ Там же. С.102-103.
- ²⁴ ГАПК. Ф.1521. Оп.1. Д.320. Л.15 (Копия).
- ²⁵ ГАПК. Ф.1521. Оп.1. Д.444. Л.3, 5, 9, 108, 110, 120, 126; Д.4445. Л.21, 95; ГАХК. Ф.719. Оп.25. Д.231. Л.155; Д.251. Л.14; Д.262. Л.3 и др.
- ²⁶ Блокнот агитатора. Владивосток, 1975. №18. С.9; Красное знамя. Владивосток. 1975. 25 янв.
- ²⁷ Шесть соток после власти // Красное знамя. Владивосток. 1995. 28 янв.
- ²⁸ Тихоокеан. звезда. Хабаровск, 1986. 25 янв.
- ²⁹ Приморская краевая организация КПСС в период развития и совершенствования социалистического общества. С.188-189.
- ³⁰ Тихоокеан. звезда. Хабаровск, 1986. 25 янв.
- ³¹ Хроменков А. Образование, человеческий фактор, общественный прогресс. М., 1980. С.16; История Советского государства. С.434.
- ³² Цит. по: Кочетов А. Истоки новой социальной структуры // Свободная мысль. 1995. №9. С.60.

- ³³ Вопрос нуждается в специальном исследовании, историки располагают очень узкой источниковой базой, в основном мемуарного и публицистического характера: Селинин В. Время действий // Нов. мир. 1989 №5. С.222; Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. Владивосток, 1990. С.79-80; Колесников Н.И. Они правили областью. Южно-Сахалинск; 1995. С.90. и др.
- ³⁴ Радаев В.В. Властная стратификация в системе советского типа // Рубеж (Сыктывкар). 1991. №1. С.111-133.
- ³⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. С.394; Социальное развитие Российской Федерации. М., 1992. С.32.
- ³⁶ Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока России (60-80-е гг.). С.42.
- ³⁷ Там же. С.43.
- ³⁸ Кочетов А. Истоки новой социальной структуры // Свободная мысль. 1993. №9. С.70.
- ³⁹ Ульбин К.А. «Теневая экономика». М., 1991. С.68.
- ⁴⁰ Кочетов А. Истоки новой социальной структуры. С. 70.

§ 2

- ¹ Хозяйственная реформа в СССР: Переход предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования: Библиогр. указ. М.,1969; Правда. 1962. 9 сент.
- ² Наше Отчество: Опыт политической истории. М., 1991. Т.2. С.504.
- ³ ГАХК. Ф.353. Оп.10. Д.760. Л.93; Д.766. Л.54; Д.757. Л.3, Ф.А-262. Оп.8. Д.5448. Л.12, 13, 24; Д.5445. 1.4
- ⁴ ГАХК. Ф.353. Оп.10. Д.766. Л.55.
- ⁵ Кунельский Л.Э. Социально-экономические проблемы заработной платы. М., 1972. С.144.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Валовой Д. Экономика абсурдов и парадоксов. М., 1991. С.13.
- ⁸ Илларионов А.Н. Где мы находимся? // ЭКО. 1988. №12. С.45.
- ⁹ Шмелев Н., Попов В. На переломе: Экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С.34-43; Польша Ауэрбах. Статистика по Булгакову // Дальневост. ученый. 1989. №28.
- ¹⁰ Илларионов А.Н. Где мы находимся? С.21-23.
- ¹¹ Правда. 1988. 19 фев.
- ¹² Валовой Д. Экономика абсурдов и парадоксов. С.13.
- ¹³ Бьюкенен Дж. Пока — рынок взяточников // Поиск. 1990. 21-27 сент.
- ¹⁴ Ващук А.С. Метаморфозы // Россия и АТР. 1993. №1. С.36-39.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф.А-262. Оп.8. Д.4964. Л.296-297; Д.5458. Л.8-15.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Советский Энциклопедический словарь М., 1983. С.638.
- ¹⁸ XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет. М., 1976. Т.2. С.365-366; XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет. М., 1976. Т.2. С.295 и т.д.

- ¹² Капитальное строительство в РСФСР в 1966-1970 гг. М., 1971. С.44-45; Капитальное строительство в РСФСР в 1971-1975 гг. М., 1976. С.29; Капитальное строительство в РСФСР в 1976-1980 гг. М., 1981. С.42-43.
- ²⁰ Деревянко А.П. Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974—1982 гг.). Владивосток, 1983. С.17-34.
- ²¹ Реальные доходы населения. М., 1988. С.29.
- ²² Там же.
- ²³ Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока России (60-80-е годы). С.51.
- ²⁴ КПСС в резолюциях ... М., 1986. Изд.9. Т.10. С.488.
- ²⁵ ГАПК. Ф.1521. Оп.1. Д.158. Л.44, 51, 172, 177 и др.
- ²⁶ ГАПК. Ф.1521. Оп.1. Д.167. Л.7; Д.179. Л.114-120.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ЦА ВЦСПС. Ф.Ф.472. Оп.1. Д.7079. Л.2, 21, 22, 35, 48, 53 и др.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л.65, 83.
- ³¹ Красное знамя. Владивосток, 1970. 5 дек.
- ³² ГАПК. Ф.26. Оп.35. Д.754. Л.14.
- ³³ Советы народных депутатов: Справочник. М., 1984. С.43.
- ³⁴ Конституция (Основной закон) СССР. М., 1977. Ст.147.
- ³⁵ Советы народных депутатов. С.157.
- ³⁶ ЦА ВЦСПС. Ф.7416. Оп.7. Д.5996. Л.17, 18, 19, 29, 31, 33; Ф.472. Оп.2. Д.7079. Л.2, 21, 22, 35-48, 53 и др.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Социальный аспект // Красное знамя. Владивосток, 1985, 30 нояб.; Гагаров Д.Н. На стремнине жизни // Красное знамя. Владивосток. 1987. 29 сент.; О ходе выполнения Постановления III Пленума крайкома КПСС от 9 августа 1986 г. // Красное знамя. Владивосток, 1987. 11 авг.; Доклад второго секретаря Магаданского обкома КПСС А.Д. Богданова «О проекте основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986-1990 гг. и на период до 2000 года и задачах областной партийной организации // Магадан. правда. Магадан, 1985. 26 дек. и др.

§ 3

- ¹ Архив Хабаровского комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН: Основные показатели жизненного уровня населения Дальнего Востока. С.13; ГАХК. Ф.719. Оп.29. Д.672. Л.3; Д.875. Л.7; ГАПК Ф.131. Оп.16. Д.27. Л.12; ГАРФ. Ф.А-374. Оп.36. Д.3870. Л.93.
- ² Там же.
- ³ Там же.

- Объединенный архив при Хабаровском крайсовпрофе.
Ф.1623. Оп.1. Д.1304. Л.29.
- ⁵ Подсчитано на основе источников: Архив Госкомстата России: Динамические ряды по заработной плате. С.152-153.
- ⁷ ГАХК. Ф.719. Оп.29. Д.1315. Л.1.
- ⁸ Социальное развитие и повышение уровня жизни населения РСФСР: Аналитические записки // Архив Госкомитета России: Социально-экономические условия жизнеобеспечения населения Дальнего Востока: Научный отчет // Архив Хабаровского комплексного научно-исследовательского ин-та ДВО РАН. Рукопись. 1985. С.12-16; Основные показатели жизненного уровня населения Дальнего Востока за 1960-1974 гг. // Там же. С.19-20.
- ⁹ Джилас М. Новый класс: Лицо тоталитаризма. М., 1992. С.223.
- ¹⁰ Социально-экономические условия жизнеобеспечения населения Дальнего Востока // Архив Хабаровского комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН. Рукопись. 1985. С.14-15
- ¹⁰ Архив ВЦСПС. Ф.7416. Оп.7. Д.5996. Л.17-19, 29, 31, 33; Ф.472. Оп.2. Д.7079. Л.2-3; 21-23, 35-48. 53 и др.
- ¹¹ Ярыгина Т. Бедность в богатой России // Обществ. науки и совр. 1994. № 2. С.23.
- ¹² Там же.
- ¹³ РСФСР: Социальное развитие и повышение уровня жизни населения. Госкомстат РСФСР. 1988. Т.1. С.178-180; Показатели социального развития Амурской области. С.57.
- ¹⁴ ГАПК. Ф.1521. Оп.1. Д.224. Л.15.
- ¹⁵ Социально-экономические проблемы воспроизводства населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке: Отчет о научно-исследовательской работе. Хабаровск. 1985. С.363-364 // Архив Хабаровского комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН.
- ¹⁶ Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока России. (60—80-е годы). Владивосток. 1992. С.31.
- ¹⁷ ГАПК. Ф.1521. Оп.1. Д.244. Л.44, 51, 170, 172, 177, 179.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ АРХИВОВ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
ЦА ВЦСПС — Центральный архив ВЦСПС
ГАОО — Государственный архив Амурской области
ГАКО — Государственный архив Камчатской области
ГАПК — Государственный архив Приморского края
ГАСО — Государственный архив Сахалинской области
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ	9
1. Общественно-политический климат, материальные предпосылки формирования социальной политики	9
2. Механизм формирования и осуществления социальной политики (середина 40-х — середина 50-х годов)	22
3. Влияние социальной политики на изменение уровня жизни населения Дальнего Востока в первое послевоенное десятилетие	41
Глава II. ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (середина 50-х — начало 60-х годов)	71
1. Общественно-политические факторы и экономические истоки эволюции социальной политики	71
2. Особенности идеологического и научного обеспечения социальной политики	81
3. Поиск механизма реализации социальной политики (конец 50-х — начало 60-х годов)	88
4. Трудности в осуществлении социальной политики. Пути их решения. Основные тенденции в изменении уровня жизни дальневосточников в первой половине 60-х годов	105
Глава III. РАСЦВЕТ И НАЧАЛО КРИЗИСА СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ. ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР (середина 60-х — 80-х годов)	136
1. Основные черты формирования нового типа субъекта социальной политики	136
2. Экономические условия реализации социальной политики. Проблема отношений центра и региона (середина 60-х — 80-х годов)	150
3. Влияние социальной политики на изменение уровня жизни дальневосточников: основные черты, формы, тенденции	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	190
ПРИМЕЧАНИЯ	194

Вашук Ангелина Сергеевна

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СССР
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(середина 40—80-х годов XX в.)

Утверждено к печати Ученым советом Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Редактор *А. В. Бородик.*
Корректор *В. К. Форостовская.*
Редактор электронной верстки *А. С. Иванов.*
Техник электронного набора *Л. М. Шуркаева.*

Отпечатано с оригинал-макета (на пленке), подготовленного
РИО Института истории, археологии этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Лицензия ЛР №040118 от 15.10.96 г.
Подписано к печати 15.12.97 г.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Бумага тип. № 1.
Объем 13 печ.л. Заказ 59
Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии издательства «Дальнаука»,
690600, Владивосток, ул. Радио, 7.

